

ISSN 0494-7304 0207-4613

TARTU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

888

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Труды по правоведению

TARTU 1990

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893.a. VIINIK 888 ВЫПУСК Основаны в 1893.g.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Труды по правоведению

ТАРТУ 1990

Редколлегия: В. П. Кельдер, Э. М. Кергандберг
(председатель), И. Ю. Кулл,
Марусте Р. А., Орго И. -М., Плоом
Э. Л., Салумаа Э. Э.

Ответственный редактор: Э. Л. Плоом

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Э. Л. Плоом

Курс на перестройку диктует необходимость глубокой реорганизации хозяйственного механизма, создание эффективной и гибкой системы управления, позволяющей полнее реализовать экономические возможности. В этих целях необходимо решительно раздвинуть границы самостоятельности объединений и предприятий, поднять их ответственность за достижение наивысших конечных результатов /1, с. 33/. В качестве конкретных мер по расширению прав предприятий и объединений отмечалось предоставление предприятиям и организациям права самостоятельно реализовать сверхплановую продукцию, неиспользованные сырьё и материалы, оборудование и т. д., а в области материально-технического снабжения - необходимость развивать оптовую торговлю средствами производства /1, с. 35-36/.

Вышеуказанные принципы нашли свое отражение в Законе о государственном предприятии (объединении), где устанавливается право предприятия передавать другим предприятиям и организациям, продавать, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять бесплатно во временное пользование либо займы неиспользуемые здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, инвентарь, сырьё и другие материальные ценности (п. 4, ст. 4) и реализовать свою продукцию, выполнять работы и оказывать услуги в соответствии с хозяйственными договорами с потребителями, предприятиями торговли и материально-технического снабжения или через собственную сеть по продаже продукции (п. 1, ст. 16). Кроме того, Закон предусматривает для предприятия право использовать на собственные нужды, реализовывать другим предприятиям, организациям и населению или обменивать с другими предприятиями сверхплановую продукцию при условии выполнения договорных обязательств, а также продукцию, от которой отказались заключившие договор на поставку потребитель и органы материально-технического снабжения (п. 2, ст. 16).

Названные перемены в сторону расширения прав предприятий и объединений предполагают необходимость немедленно переоценить роль договорных отношений в дальнейшем развитии всей хозяйственной деятельности нашей страны. Прямые указания содержатся и в материалах XXVII съезда КПСС, где устанавливается необходимость обеспечить дальнейшее расширение сферы договорных отношений и строжайшую ответственность предприятий за выполнение своих обязательств перед потребителем /1, с. 250 - 252/. Но при этом очевидно, что предстоят большие перемены в порядке планирования, снабжения и обеспечения защиты прав предприятий в процессе хозяйственной деятельности. Внедрение и расширение оптовой торговли требует внести определенные перемены и предъявить значительно более высокие требования к работе органов снабжения. Существенные изменения предполагают совсем новое содержание в отношениях между органами снабжения и его потребителями. В системе снабжения очень легко нарушить права, предусмотренные для предприятия законом. При этом такое нарушение прав предприятия можно совершить в одних случаях действием, в других бездействием или ненадлежащим действием, как правильно отмечает Е. В. Бриных /4, с. 52/. Для нормального функционирования системы снабжения и необходимых взаимоотношений с предприятиями в основу могут быть положены только хозяйственные договоры и взаимная ответственность как за исполнение приказов, так и за их обоснованность.

Понятно, что приведённые нами выше примеры не охватывают все отрасли народного хозяйства и все процессы хозяйственной деятельности. Поэтому необходимо определить роль и место хозяйственного договора в процессе возникновения хозяйственных обязательств между производственными организациями и организациями снабжения, производственными организациями между собой и т. д.

Роль и значения договора в условиях, когда он был основан на плановом акте и подчинялся последнему, получили в теории довольно широкое освещение, были определены основные положения для характеристики роли и значения договора в социалистическом хозяйстве. Договор призван стать методом проверки правильности и обоснованности планового задания, методом осуществляемого вышестоящими органами контроля над готовностью предприятий выполнить план /5; с. 25/.

На такое правовое положение договора в возникновении хозяйственных обязательств были

ориентированы и все нормативные материалы, регулирующие, например, отношения по поставкам и др. При этом с целью избежать ошибок в процессе планирования было выдвинуто положение, чтобы покупателям не отправлялась ненужная им продукция или даже и нужная, но в количестве, превышающем их потребности. Но в новых условиях, когда основой планов производства станут заказы торговли с учётом результатов оптовых ярмарок, центр тяжести процесса возникновения хозяйственных обязательств должен быть перенесён на сторону покупателя.

Договор зачастую не только оформляет обязательства, предусмотренные планом, но и обогащает их, возлагая на контрагентов такие обязанности, которые вытекают из планового задания /5, с. 29/. Это свойство договора сохраняется и расширяется, так как договор будет определять все условия, необходимые для поставки нужных получателю товаров и продукции надлежащим образом.

В итоге можно отметить, что если раньше договор был лишь инструментом конкретизации плана, то в нынешних условиях он должен стать органической частью планирования производственной деятельности объединений и предприятий. Хозяйственный договор в современных условиях должен использоваться как инструмент планирования, средство формирования планов производства и реализации продукции. Следовательно, предприятия и объединения должны выступать субъектами планирования. Если планированием затрагиваются интересы потребителей, то планирование должно осуществляться по согласованию с потребителями путём заключения договоров, скрупулезно определяющих ассортимент, номенклатуру, сроки поставки продукции и другие условия производственно-хозяйственной деятельности /5, с. 96/. Но договор ещё не занял в практике такого места.

Реальное повышение роли хозяйственного договора может быть обеспечено только при едином подходе к плану и договору, при его трактовке как особого вида планового акта, как составного элемента процесса планирования. Для этого в условиях, когда предусмотрено заблаговременное доведение до предприятий и объединений предварительных показателей производства в натуральном выражении и необходимых материальных ресурсов, было бы целесообразно в соответствии с этими предварительными заданиями заключать хозяйственный договор, а затем на их базе утверждать планы

предприятий и объединений /6, с. 96/. Но при этом возникает вопрос о заблаговременном обеспечении доведения необходимых показателей до предприятия. Без этого предлагаемая система не действует, а роль договора остаётся лишь теоретической.

Существенно увеличивается роль договора в связи с расширением прав предприятий в стадии реализации продукции и других материальных ценностей, находящихся в его оперативном управлении.

Предоставление предприятию права самостоятельно реализовать сверхплановую продукцию принесёт с собой существенные сдвиги в некоторых принципах, действующих до сих пор. Если исходить из права самостоятельно реализовать сверхплановую продукцию в полном смысле слова, то организацию, реализующую такую продукцию, не могут ограничивать ни система прикрепления, ни сложившиеся длительные хозяйственные связи и т.п.

Самостоятельная реализация продукции состоит на основе договора, заключённого между сторонами. При реализации сверхплановой продукции или продукции, не распределяемой в плановом порядке, возникает вопрос о том, какой договор должен заключаться между отчуждателем и приобретателем. Так как реализуется продукция производственно-технического назначения или товары народного потребления, а договор заключается между социалистическими организациями, то отношения между сторонами оказываются прежде всего отношениями поставки. Однако это лишь общее правило, из которого могут быть исключения. В силу ст. 44 "Основ по договору поставки" организация-поставщик обязуется передать в определённые сроки или срок организации-покупателю определённую продукцию. Таким образом договором поставки является и договор, заключаемый между организациями по их усмотрению, по которому одна организация обязуется передать другой продукцию в срок, не совпадающий с моментом заключения договора, т.е. такой договор должен быть заключён до его исполнения. Значит, продукции (товара), подлежащего передаче по договору поставки в момент заключения договора ещё нет, она производится во время действия договора и будет передана в сроки или срок, установленные договором. А если продукция (товар) на момент заключения договора уже произведена и передается одновременно с заключением договора между сторонами, то такой договор признаётся договором купли-продажи.

Поэтому сверхплановая продукция может быть реализована по договорам поставки или же по договорам купли-продажи, в зависимости от наличия или отсутствия продукции в момент заключения между сторонами договора. В данном случае точное и правильное разграничение отношений, возникающих между сторонами по реализации и приобретению продукции, имеет большое практическое значение, ибо отношения в одном случае регулируются нормами и актами о поставках, в другом случае - нормами о купле-продаже. Как известно, обязанности сторон по исполнению договора, процедура передачи-приёма продукции, проверка качества, - последствия нарушений условий договора и др. носят неодинаковый характер по договору поставки и договору купли-продажи. Общим при реализации сверхплановой продукции по самостоятельному усмотрению между организациями на основе договора поставки или договора купли-продажи является то обстоятельство, что многие условия договоров, в том числе и некоторые существенные условия, устанавливаются сторонами в договоре. Следовательно, роль договора в регулировании данных хозяйственных отношений приобретает особую важность. Если при рассмотрении роли договора в условиях планового распределения продукции отмечается, что договор в современных условиях должен использоваться как инструмент планирования, средство формирования планов производства и реализации продукции, то в условиях самостоятельной реализации роль договора ещё повышается. Договор станет основой планирования и производства продукции, т.к. только при получении заказов и заключении договоров возникает смысл производить такую продукцию. Для расширения производства сверхплановой продукции или продукции, не распределяемой в плановом порядке, необходимо найти будущих покупателей и заключить с ними договоры. Тем самым договоры станут средством организации и активизации производства.

Такая роль требует особого внимания к договору в процессе хозяйственной деятельности вообще. Особое значение в юридическом обслуживании приобретает договорная работа, в ходе которой основное внимание придётся обратить на разработку условий договора. Для заключения планового договора поставки требовалось внести в проект договора лишь некоторые условия или же не согласиться с некоторыми условиями в проекте договора, и все необходимые условия окончательно формировались в ходе преддоговорного спора, т.к.

обе стороны как адресаты планового задания были связаны плановым актом и плановый договор между ними заключался без исключения.

Совсем иначе обстоят дела при заключении договоров между сторонами при отсутствии плановых обязательств между ними. Тут полностью действует правило, по которому договор считается заключённым, когда между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным его пунктам, а существенными являются те пункты договора, которые признаны таковыми по закону или необходимы для договоров данного типа, а также все те пункты, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (ч. I, ст. 165 ГК ЭССР). При заключении договора поставки действуют Положения и все другие акты, регулирующие данные отношения, и таким образом основные условия договора определены в законодательном порядке. Но стороны вправе требовать включения в договор дополнительных соглашений по некоторым другим условиям. Для заключения договора стороны должны прийти к взаимному соглашению, иначе договор остаётся не заключённым между ними. Дело в том, что при отсутствии плановой основы преддоговорные споры рассматриваются арбитражем лишь тогда, когда это специально предусмотрено законодательством или соглашением сторон (см. п. 9 "Правил разрешения хозяйственных споров"). При этом соглашение сторон о передаче в разрешение арбитража разногласий по условиям договора о количестве, о сроках поставки и об ассортименте продукции, реализуемой поставщиком по своему усмотрению, должно быть представлено в письменной форме. Таким образом, сторонами устанавливаются все условия договора, и договор считается заключённым, или же сторонам не удастся прийти к взаимному соглашению, и договор заключён не будет.

Что касается прав предприятия самостоятельно реализовать неиспользуемые сырьё и материалы, оборудование и т.д., то надо отметить существенные изменения в порядке реализации названных материальных ценностей в сравнении с бывшим порядком. Положительным являются при этом такие моменты, как упрощение порядка реализации без обязательного обращения к органам Госснаба и другим, повышение оперативности реализации и поступления в пользование на другом предприятии названных ценностей и т.д. Надо отметить, что переход на самостоятельную реализацию предприя-

тиями таких ценностей усиливает тоже роль договора в реализации такого права предприятия. Так как в момент заключения договора такие ценности налицо и они передаются по достижении взаимного соглашения между сторонами, то между ними могут возникать лишь отношения по купле-продаже, а формой соглашения станет договор о купле-продаже.

Предметом договора о купле-продаже является в данном случае сырьё, материалы, оборудование и другие материальные ценности, которые, как правило, распределяются в плановом порядке. При предоставлении предприятиям права реализовать такие ценности по собственному усмотрению по договорам о купле-продаже необходимо предусматривать определённые условия реализации, обеспечивающие оперативное включение названных материальных ценностей в сферу производства или же в пользование гражданам. В данном случае цель реализации материальных ценностей - обеспечить оперативное пользование ими по их назначению, т.к. неразумно уничтожать или выбрасывать на свалку то, что может пригодиться в домашнем хозяйстве, строительстве жилья, гаражей, садово-огородных домиков /1, с. 36/. Но для реализации по собственному усмотрению сырья, материалов, оборудования и других материальных ценностей такого рода необходимо, чтобы их действительно невозможно было использовать на данном предприятии. Вторым моментом при реализации названных ценностей является цена реализации, особенно тогда, когда они реализуются гражданам, т.е. когда такие материальные ценности выходят из состава социалистической собственности. Поэтому кажется необходимым для реализации неиспользованного сырья, материалов, оборудования и т.д. утвердить соответствующий типовой договор. Типовым договором надо установить порядок заключения договора между сторонами, порядок определения качества и цены реализуемых материальных ценностей и другие основные моменты исполнения заключаемого договора. Приведённые выше моменты договора, на которые необходимо обратить внимание в ходе развития договорного права в новых условиях, названы лишь для примера. Дело в том, что в процессе перестройки необходимо по существу пересмотреть основные моменты гражданского права, в том числе и договорного права.

Наряду с основными проблемами гражданского права на право собственности и другие в процессе разработки новых Основ гражданского законода-

тельства приобретает очень важное значение договорное право. При этом надо отметить постоянное расширение гражданско-правового регулирования. Если ныне действующие Основы гражданского законодательства и гражданские кодексы закрепили многие ранее неизвестные подвиды и разновидности договоров, то в настоящее время в связи с активизацией свободной хозяйственной деятельности появились и появляются всё новые и новые отношения, которые оформляются новыми договорами. Следовательно, расширение сферы гражданско-правового регулирования повышает роль договора в процессе регулирования возникающих отношений. Тем самым практическая необходимость заставляет нас обратить нужное внимание на исследование теоретических проблем договорного права и обеспечить достаточное регулирование общих проблем договорного права в новых разрабатываемых основах гражданского законодательства.

В условиях перестройки нашей хозяйственной деятельности между организациями, между организациями и гражданами и, наконец, между гражданами в небывалом количестве заключаются разные договоры, причём их содержание, оформление и обеспечение часто не на необходимом юридическом уровне. Иногда стороны, намеревающиеся заключить между собой договор, не умеют определить даже тип договора, не говоря уже о точном изложении в договоре основных и необходимых моментов, характеризующих договор данного типа.

К сожалению, даже единая теоретическая база для определения системы договоров отсутствует ввиду того, что в теории вопросами внутрисистемного разграничения институтов почти не занимались, и в каждом конкретном случае эта задача решается эмпирическим путем /7, с. 14-15/. В Основах и гражданских кодексах союзных республик система договоров основана на юридических признаках, среди которых преобладают права и обязанности сторон в договоре, а принятая в законодательстве система договоров не является полной, поскольку многие договоры остаются за рамками Основ и ГК /8, с. 20/.

В юридической литературе предложены многие классификации договоров на основании какого-либо одного критерия - как направленность гражданско-правового обязательства /9, с. 43/ или цель договора /10, с. 31-32/ и т.д. Не повторяя анализа имеющихся в литературе классификаций договоров, изложенного в нашей статье /11, с. 37-48/, предлагаем в процессе разработки новых

Основ гражданского законодательства исходить из классификации, полученной нами в результате систематизации гражданско-правовых договоров на основе тех или иных признаков, характеризующих договоры определённой группы. Как нам кажется, наиболее приемлемой является система гражданско-правовых договоров, где договоры распределены по группам следующим образом:

- договоры по передаче в собственность или в оперативное управление имущества, имеющегося у лица в момент отчуждения (купля-продажа, дарение, мена, отчуждение жилого дома с условием пожизненного содержания);
- договоры по передаче в собственность или в оперативное управление имущества, которого в момент заключения договора ещё нет (поставка, контрактация, договоры на потребление продукции через присоединённую сеть);
- договоры по предоставлению имущества в пользование (договоры имущественного найма, безвозмездного пользования имуществом, займа и банковской ссуды);
- договоры по выполнению (производству) работ (подряд, подряд на капитальное строительство, на выполнение проектных, научно-исследовательских, конструкторских и активно-конструкторских работ, договоры хранения, экспедиции, перевозки и поручения);
- договоры о совместной деятельности /11, с. 48-49/.

Нет сомнений в том, что классификация договоров имеет большое практическое значение в процессе перестройки. Дело в том, что развивающаяся хозяйственная деятельность обуславливает заключение всё новых и разных договоров. Если Основы и гражданские кодексы определяли бы в своих разделах или в главах необходимые нормы для конкретного типа договора, то эти существенные признаки данного типа договора оставались бы неизменными и действовали бы как в отношении типа договора, так и в отношении всех его видов и разновидностей. Значит, при желании заключить договор или при появлении нового договора необходимо прежде всего установить его сущность — установить, в какую группу договоров он входит, является ли он самостоятельным типом либо только видом или разновидностью одного типа определённого договора. От этого зависит содержание заключаемого договора и порядок его регулирования. Общие нормы для каждого типа договора должны содержаться в Основах и в кодексах, но, кроме

этого, специфические правила и нормы могут быть установлены и применимы только к некоторым видам или разновидностям договора данного типа.

В условиях ясности в определении типа, вида и разновидности заключаемого сторонами договора выясняется и его регулирование и установление вопросов, о которых стороны должны договориться, чтобы создать юридическую основу и предпосылки для нормального исполнения договора и обеспечение защиты прав и интересов сторон. А в ходе расширения хозяйственной деятельности и создания всё новых и новых отношений, заключения новых и разных договоров эти проблемы приобретают особое значение.

Использованные материалы

1. Материалы XXVII съезда КПСС. Политиздат, 1986.
2. Закон Союза Советских Социалистических Республик о государственном предприятии (объединении). Принят на седьмой сессии Верховного Совета СССР XI созыва 30 июня 1987 г. // ВВС СССР. - 1987 г. - № 26. - С. 385.
3. Милюков А. Проблемы радикальной реформы // Экономическая газета. - 1986. - № 20.
4. Бриных Е.В. Права предприятия и механизм защиты // Сов. гос-во и право. - 1989. - № 1.
5. Договоры в Социалистическом хозяйстве. - М.: Юридическая литература, 1964.
6. Лаптев В. Правовое обеспечение новых методов хозяйствования. - Плановое хозяйство. - 1986. - № 3.
7. Басин Ю. Вопросы советского жилищного права. - Алма-Ата, 1963.
8. Садиков О.Н. Некоторые положения теории советского гражданского права // Сов. гос-во и право. - 1966. - № 9.
9. Красавчиков О.А. Система отдельных обязательств // Сов. юстиция. - 1960. - № 5.
10. Брагинский М.И. Общее учение о хозяйственных договорах. - Минск, 1967.
11. Плом Э.Л. О системе гражданско-правовых договоров // Актуальные проблемы правового обеспечения продовольственной программы. - Таллин: АН ЭССР, 1986.

ПРАВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПРАВО ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И АРЕНДА В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ЭКОНО- МИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

В. Ф. Чигир

Согласно ст. II Конституции СССР государственная собственность - общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности. В исключительной собственности государства находятся земля, ее недра, воды и леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства.

Государственная собственность составляет единый фонд, единым и единственным собственником которого является Советское государство. Но оно не может непосредственно само осуществлять всю хозяйственную деятельность и правомочия собственника и создает для этой цели специальные ячейки (предприятия, объединения, учреждения, организации), закрепляя за ними соответствующее имущество на праве оперативного управления. Основным звеном в системе этих ячеек является предприятие (объединение). Ему принадлежат правомочия владения, пользования и распоряжения.

В условиях сложившейся командно-административной системы управления, при которой права предприятий были существенно ограничены, трудовые коллективы перестали быть хозяевами имущества, закрепленного за предприятиями, потеряли к нему интерес. Государственная социалистическая собственность стала как бы ничейной, плохо защищенной. Появились группы людей, которые эксплуатировали государственное имущество в своих узкогрупповых интересах, широкое распространение получило расхищение социалистической собственности, теневая экономика и другие негативные явления. В конечном

счете производительность труда стала неадекватной возможностью, которые создаются отношениями социалистической собственности.

XXVII съезд КПСС наметил магистральный путь совершенствования социалистических общественных отношений, системы управления и методов хозяйствования. Он обратил внимание на трудности и негативные процессы в сфере экономики, которые проявились в 70-е и в начале 80-х годов. В этот период заметно снизились темпы роста экономики, производительности труда, ухудшились некоторые другие показатели эффективности, замедлился научно-технический прогресс, усилились диспропорции в экономике. Съезд наметил комплекс мер с целью привести формы и методы управления и хозяйствования в соответствие с современными требованиями, усилить действенность централизованного руководства в решении стратегических задач и одновременно поднять роль и самостоятельность предприятий и объединений, их заинтересованность и ответственность за достижение наивысших результатов на основе подлинного хозрасчета, самоокупаемости и самофинансирования, установления прямой зависимости уровня доходов коллективов от эффективности работы /1, с.104/.

Эта стратегическая установка XXVII съезда КПСС получила развитие в законодательстве. Статья 4 Закона СССР "О государственном предприятии (объединении)" предусмотрела, что оборотные средства предприятия находятся в его полном распоряжении и изъятию не подлежат. Они пополняются за счет собственных ресурсов предприятия, а их недостаток возмещается за счет хозрасчетного дохода коллектива. Предприятие (объединение) получило право передавать другим предприятиям и организациям, продавать, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять бесплатно во временное пользование или займы неиспользуемые здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, инвентарь, сырье и другие материальные ценности, а также списывать их с баланса, если они изношены или морально устарели. Оно вправе передавать материальные и денежные ресурсы, в том числе с согласия трудового коллектива средства фондов экономического стимулирования, другим предприятиям и организациям, выполняющим работы или услуги для предприятия. Выручка от реализации неиспользованного имущества и арендная плата (если сдача имущества в аренду не является основной деятельностью предприятия) направляется в фонд развития производства, науки и техники, а

убытки покрываются за счет фондов экономического стимулирования. По всем производственным и социальным вопросам предприятие вправе принимать не противоречащие закону решения.

Наделение предприятий (объединений) столь широкими правами по владению, пользованию и распоряжению закрепленным за ним имуществом послужило основанием для некоторых ученых, чтобы сделать вывод о необходимости отказаться от правовой категории "право оперативного управления" и признать предприятие (объединение) собственником закрепленного за ним имущества /2, с. 10-11; 3, с. 20-25; 4, с. 7-8; 5, с. 21-25; 6, с. 37-45; 7, с. 84-99/.

В. П. Мозолин констатирует, что, исходя из концепции права оперативного управления, закон предусматривает систему двойных (дублирующих) правомочий (владения, пользования и распоряжения) государства, с одной стороны, и предприятия (объединения) — с другой, на одно и то же имущество, не раскрывая их смыслового значения /5, с. 22/. Вследствие этого правовой режим имущества предприятий определяется многочисленными ведомственными актами, предприятиям доводилось большое число плановых и неплановых показателей, работники министерств и ведомств вмешивались в организацию оперативно-хозяйственной деятельности, а хозяйственный договор во многих случаях превращался в фикцию /6, с. 38/. Он считает, что в условиях предоставления предприятиям хозяйственной самостоятельности, перевода их на полный хозрасчет концепция права оперативного управления вступила в конфликт с требованиями жизни /6, с. 38/, поскольку право оперативного управления не содержит юридического механизма, способного охранять права предприятий (объединений) в вертикальных отношениях /5, с. 23/.

В. П. Мозолин обращает внимание и на теоретическую уязвимость концепции права оперативного управления. Она признает государственные предприятия органами государства, а они ими не являются, поскольку составляют неотъемлемую часть производительных сил и производственных отношений. Он считает, что экономические интересы предприятий коренятся в системе общественного производства, выражая потребности и стимулы деятельности определенных трудовых коллективов /6, с. 38/.

По мнению В. П. Мозолина, существующая концепция признания государства единственным собственником всего общенародного имущества фактически

отделяет гражданина от общенародной собственности и вступает в противоречие с процессом демократизации общества, углублением социалистического самоуправления народа /6, с. 39/.

Подвергнув критике концепцию "право оперативного управления", В.П. Мозолин обосновывает наличие в социалистическом обществе сложно-структурной модели права государственной (общенародной) собственности. Право предприятия (объединения) на закрепленное за ним имущество он назвал сначала "правом хозрасчетного управления" /5, с. 23/, а затем "правом хозрасчетной собственности" /6, с. 42/.

А. А. Рубанов обратил внимание на условный характер понятия "право оперативного управления" и поставил под сомнение правомерность использования этого понятия к такой кардинальной проблеме, как регулирование отношений "между Советским социалистическим государством и государственным социалистическим предприятием" /7, с. 89-90/, поскольку научное понятие управления неприменимо к отдельной вещи. Он считает, что если имуществом как совокупностью вещей можно управлять, то управление имуществом предприятия "осуществляется не одним данным предприятием", а юридическими возможностями для этого обладает широкий круг других субъектов (само государство, органы планирования и т.д.) /7, с. 90-91/. Наука не может базироваться на условности понятия "право оперативного управления", особенно экономическая наука, полагает А. А. Рубанов. Он отметил также, что статьи 19 и 26¹ Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик одинаковым образом закрепляют права самого государства и права государственного предприятия на одно и то же имущество, закрепленное за государственным предприятием, предоставляя им права владения, пользования и распоряжения. Неадекватность такого решения, по мнению А. А. Рубанова, очевидна /7, с. 82/.

По мнению Ю. Х. Калмыкова, право оперативного управления утратило свое значение. "Предприятие - это собственник закрепленного за ним или заработанного трудовым коллективом имущества", - утверждает он /8, с. 134/. Можно назвать и многих других ученых, которые считают возможным признать предприятия собственниками закрепленного за ними имущества.

Право хозрасчетных организаций на имущество предлагает называть правом собственности (хозрасчетной, оперативной) А. А. Собчак /8, с. 61/.

Концепция права хозрасчетной собственности

перекликается с концепцией разделенного права собственности Советского государства и предприятия на одно и то же имущество, которая имела некоторое распространение в советской правовой науке /9, с. 181-183; 10, с. 45-53; 11, с. 94-95/. Как известно, концепция разделенного права собственности была отвергнута цивилистической наукой.

Многие аргументы В. П. Мозолина и А. А. Рубанова относительно сущности права оперативного управления и его значения в нынешних условиях перестройки хозяйственного механизма можно безоговорочно принять. Действительно, категория права оперативного управления уязвима, поскольку правомочия владения, пользования и распоряжения, посредством которых раскрывается его содержание, принадлежат на одно и то же имущество и государству в целом и отдельному предприятию. Верно также, что в вертикальных отношениях права предприятий на закрепленное за ними имущество часто нарушались. Но предложенная им концепция права хозрасчетной собственности порождает ряд не менее сложных проблем. Как уже отмечалось в литературе, если согласиться с В. П. Мозолиным, то придется решать вопрос о том, каким же правом пользуются на закрепленное за ними имущество государственные учреждения (они, как известно, хозрасчетных прав не имеют) и межколхозные организации (они основывают свою деятельность на праве колхозной собственности). Но дело не только в этом. Замена термина "право оперативного управления" термином "хозрасчетное управление", "самоуправление", "хозрасчетная собственность" ничего не меняет в сущности права оперативного управления. Авторы, предлагающие ввести в научный оборот эти термины, раскрывают их содержание посредством категорий права владения, пользования и распоряжения, которыми характеризуется и право оперативного управления. Эта замена не решает и проблемы защиты прав социалистических организаций от посягательств в вертикальных отношениях, в которые они вступают. Такая защита обеспечивается осуществлением намеренных Коммунистической партией и Советским правительством мер по демократизации руководства народным хозяйством, расширению самостоятельности предприятий, переводу их на полный хозрасчет, самофинансирование и самоуправление, качественно преобразованию планирования, системы экономического стимулирования. Теперь эти меры имеют надлежащее правовое обеспечение. Прав О. Н. Садилов, что в этих условиях нет необходимости в

словесных трансформациях в языке законодательства посредством замены термина "право оперативного управления" /12, с. 150/. Следует согласиться с Ю.К.Толстым, который пишет, что "как бы терминологически ни обозначить право, на котором государственное имущество закрепляется за госорганами - юридическими лицами, без включения в его содержание правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом обойтись нельзя" /13, с. 69/. А неосновательное сужение прав предприятия может произойти и при ином терминологическом обозначении права, на котором имущество закрепляется за государственными юридическими лицами, в том числе и при наименовании его правом собственности. Примером может служить имевшее место вмешательство органов государственной власти и управления в деятельность колхозов, являющихся собственниками их имущества, часто влекшее грубое нарушение их права собственности. Решение проблемы о праве оперативного управления лежит в плоскости расширения имущественной самостоятельности государственных юридических лиц и введения системы юридических гарантий защиты их самостоятельности от незаконного вмешательства в их деятельность министерств и ведомств, органов государственной власти и управления. Такие гарантии предоставлены предприятиям ст.9 Закона СССР от 30 июня 1987 г. В частности, в случае издания министерством, ведомством, другим вышестоящим органом акта, не соответствующего его компетенции, либо с нарушением требований законодательства предприятия вправе обратиться в государственный арбитраж с заявлением о признании такого акта недействительным полностью или частично. А убытки, причиненные предприятию в результате выполнения указания вышестоящего органа, нарушившего права предприятия, а также вследствие ненадлежащего осуществления вышестоящим органом своих обязанностей по отношению к предприятию подлежат возмещению этим органом.

Представляется целесообразным внести изменения в ч.1 ст.89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, предусмотрев ответственность за вред, причиненный организациям незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей в области административного управления на общих основаниях.

В экономической литературе в последнее время обсуждается проблема о субъектах собственности

как о понятии многоуровневом. Утверждают, что "наряду с народом как верховным субъектом собственности субъектом этих отношений становятся и трудовые коллективы и какие-то регионально-территориальные ассоциации трудящихся, в рамках трудового коллектива - обычные хозрасчетные бригады" /14, с. 92/. "Отсюда один шаг к выводу о нетождественности общенародной и государственной собственности как по объектам, так и по социальному смыслу" /15, с. 11/. Иначе говоря, автор этой концепции отстаивает многосубъектность общенародной собственности.

Представляется, что ставить вопрос о нетождественности общенародной и государственной собственности можно лишь *de lege ferenda*. Но и на будущее с этим нельзя согласиться. Трудовые коллективы, региональные ассоциации трудящихся, хозрасчетные бригады действительно владеют, пользуются и в определенных пределах распоряжаются определенными объектами государственной (общенародной) собственности. Но это отнюдь не означает, что они являются собственниками этих объектов.

Когда встал вопрос о том, чтобы государственную собственность раздать отдельным коллективам, В.И. Ленин категорически возразил: "Величайшим искажением основных начал Советской власти и полным отказом от социализма является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или на их права ослаблять или тормозить распоряжение общегосударственной власти" /16, с. 481/. В.И. Ленин в другой работе писал: "...задача социализма - переход всех средств производства в собственность всего народа, а вовсе не в том, чтобы суда перешли к судовым рабочим, банки к банковским служащим... Мы задачу, цель социализма видим в том, чтобы превратить землю, предприятия в собственность Советской республики" /17, с. 411/.

Административно-командный метод управления в народном хозяйстве, отчуждение непосредственных производителей от общенародной социалистической собственности, превращение их в "поденщиков", "наемных" работников и другие сопутствующие им деформации общенародной (государственной) собственности не дают оснований для построения теоретических концепций о необходимости перехода к "многосубъектной общенародной собственности", "разгосударствлению" собственности. Проведение таких теоретических рассуждений в жизнь лишило бы правительство страны возможности централизованно-

го регулирования важнейших экономических процессов, привело бы к утрате преимуществ социализма, к непредсказуемым последствиям.

Наличие глобальных проблем экологии, энергетики, сырья привело к тому, что в капиталистической системе хозяйствования явственно проявляются тенденции общегосударственного контроля за развитием производительных сил. "Стихийные регуляторы капиталистической экономики (свободный рынок и свободная конкуренция) приказали долго жить на рубеже прошлого и нынешнего столетий", - пишет Д. Сорокин. И это действительно так. "Современное капиталистическое производство функционирует на основе сознательного регулирования его как целого в национальном и интернациональном масштабе, используя долгосрочные планы (программы) развития. Да, для нас непривычны механизмы этого регулирования, зачастую неприемлемы цели и результаты, но отрицать его эффективность было бы, мягко говоря, неразумно" /18, с.15/.

Отказываться от общенародной (государственной) социалистической собственности, обеспечивающей широкие возможности централизованного руководства развитием производительных сил, нет никаких оснований. "Даже в капиталистическом обществе развитие процессов обобществления ведет к утверждению государственной собственности... Во всех странах современного капитализма государственная собственность выступает как высшее достижение капиталистического обобществления производства. Практика государственно-монополистического капитализма убедительно доказывает действенность государственного регулирования экономики на базе развития государственной собственности /19, с. 14/.

Общенародная собственность - основа принципа демократического централизма. Отказ от государственной собственности как формы общенародной собственности - шараханье от административно-командных методов управления в другую крайность, в сторону группового эгоизма, который и без того уже проявляется в экономической жизни страны, к растраскиванию общенародной собственности не только по предприятиям, организациям, но и по территориальным региональным хозяйственным комплексам.

Радикальная экономическая реформа, сопровождаемая политической реформой, развитием гласности и демократических процессов политической и хозяйственной жизни страны, открывает пути устранения деформации в отношениях общенародной (госу-

дарственной) собственности. Речь идет о переводе предприятий (объединений) на полный хозяйственный расчет, самоокупаемость и самофинансирование и наделение их широкими правами владения, пользования и распоряжения закрепленным за ним имуществом. Речь идет не о том, что они стали хозрасчетными собственниками этого имущества. Они не стали собственниками не только закрепленного за ними имущества, но и основных средств производства, приобретенных за счет части их хозрасчетного дохода. Признание их таковыми поставило бы пакет правовых проблем, которые невозможно разрешить. В частности, встал бы вопрос о праве рабочего, уволенного с работы, на получение части этой собственности. Нередкими были бы случаи, когда уволенный работник требовал бы перевода своей доли в этой собственности другому предприятию, в котором собирается работать. Встал бы вопрос о доле в государственной собственности значительной части населения, которая работает в сфере народного образования, здравоохранения и т.д. Встал бы вопрос и о судьбе имущества государственных социалистических организаций в случае их ликвидации при длительной убыточности и неплатежеспособности, при отсутствии спроса на его продукцию и т.п.

Проблема общенародной государственной социалистической собственности и права на имущество, находящееся в оперативном управлении предприятий, тесно связанная с необходимостью расширения прав государственных предприятий (объединений), могла бы решаться на основе широкого распространения коллективного подряда и аренды. В печати неоднократно сообщалось, какой впечатляющий эффект дает аренда не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. Внедряемый повсеместно в сельском хозяйстве арендный подряд набирает силу в промышленности, торговле и других отраслях народного хозяйства. Впервые в промышленности арендный подряд был внедрен на Бутовском комбинате строительных материалов Московской области. Опыт его работы широко освещен в периодической печати (см.: Экономическая газета. - 1988. - № 25, № 29; Известия. - 1988. - № 23, 37, 57, 113, 138, 366). Этот комбинат, заключив договор аренды с Главмособлстройматериалами, в короткий срок превратился из полуубыточного предприятия в рентабельное. Постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 8 июня 1988 г. утверждены Временные рекомендации по применению арендного подряда на предприятиях (объединениях) и в организациях

производственных отраслей народного хозяйства /20, с. 33-35/.

Аренда предприятия оформляется договором между первичным хозяйственным звеном и вышестоящим звеном хозяйственной системы (министерством, главком, трестом) на длительный срок - 10-15 лет. Согласно договору арендодатель передает арендатору - трудовому коллективу - основные производственные и непроизводственные фонды (здания, сооружения, оборудование и т.п.) и оборотные средства. Руководствуясь интересами всего народного хозяйства и интересами трудового коллектива, арендатор обязуется использовать полученное в аренду имущество с высокой степенью эффективности.

Договор аренды предприятия обеспечивает преобразование отношений общенародной государственной собственности. Посредством этой формы производственных отношений преодолевается отчуждение государственной собственности от работников. Она перестает быть ничейной, становится источником жизнедеятельности опеределенного трудового коллектива.

Арендатор (трудовой коллектив) становится хозяином арендованного имущества и приобретает полную самостоятельность. Он сам решает вопросы планирования, материально-технического снабжения, использования достижений науки и техники, социального развития, форм и методов материального поощрения, организации труда и его оплаты.

За пользование арендованным имуществом арендатор вносит арендную плату. Она представляет собой часть дохода (выручки) арендованного предприятия, которая перечисляется поквартально или ежегодно арендодателю в абсолютной сумме.

Трудовой коллектив арендного предприятия распределяет свой хозрасчетный доход по своему усмотрению, в частности, он сам определяет нормы отчислений на формирование фондов: развития производства, науки и техники; социального развития; единого фонда оплаты труда; материального поощрения; фонда риска (резервный фонд). Важно только, чтобы темп роста заработной платы не опережал темпов роста производительности труда. В противном случае будут развиваться процессы дисбаланса денежных доходов и товарных масс, поступающих в торговый оборот, что в свою очередь может способствовать развитию инфляционных процессов.

Арендные коллективы не нуждаются в наличии целой системы вышестоящих органов. Значительная

их часть подлежит упразднению. Это не исключает создание самими предприятиями различных добровольных ассоциаций и по вертикали и по горизонтали. По-видимому, вышестоящие органы не должны выступать и в качестве арендодателей. В печати предлагали передать функции арендодателей органам Министерства финансов СССР, в составе которого можно создать специальные комиссии на хозрасчетных началах, которые бы рассматривали предложения трудовых коллективов о передаче им в аренду основных и оборотных средств предприятий, исходя из интересов государства /21/. Нам представляется, что функции арендодателей следовало бы передать органам государственного управления - Совету Министров СССР, Советам Министров союзных и автономных республик, исполкомам местных Советов народных депутатов - в зависимости от ведомственной подчиненности предприятий, сдаваемых в аренду.

Широкое распространение аренды во всех сферах народного хозяйства ставит актуальный вопрос: кто является собственником основных средств производства, созданных за счет хозрасчетного дохода трудовых коллективов арендованных предприятий? Следует согласиться с В. Рутгайзером, что они должны быть собственностью государства. Он справедливо полагает, что имущество арендованного предприятия в случае его ликвидации должно принадлежать государству, необходимо только, чтобы "члены трудовых коллективов получили полный расчет по тем акциям и облигациям, которые "принимали участие" в создании этих новых средств производства". И это правило следует внести в ожидаемый Закон об аренде. Необходимо заметить, что даже при ликвидации колхоза или другого сельскохозяйственного кооператива его имущество после завершения расчетов по оплате труда и выплат с личных счетов членов кооператива средств долевого фонда, выполнения обязательств перед бюджетом, банками, владельцами акций и другими кредиторами передается по решению соответствующего совета колхозов (объединения) другим кооперативам и иным предприятиям (организациям) для сельскохозяйственного производства (ст. 36 Закона СССР о кооперации в СССР). Нет никаких оснований иначе решать вопрос о судьбе имущества ликвидируемого арендованного предприятия.

Назрела неотложная необходимость принятия Закона об аренде. После того, как он будет принят, необходимо в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик выделить отдельную главу об аренде предприятий и земельных

угодий, поскольку такая аренда имеет столь специфические особенности, требующие ее самостоятельного регулирования. Такое решение вопроса снимает проблему хозрасчетной собственности предприятий. Оно лишь уточняет концепцию права оперативного управления, но не отвергает ее. Предприятие, сданное в аренду, находится в оперативном управлении соответствующего трудового коллектива, но это оперативное управление освобождено от административно-бюрократического вмешательства в его хозяйственную деятельность.

Использованные материалы

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М., 1987.
2. Мозолин В.П. Формирование гражданского права развитого социализма // XXVII съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. - М., 1982.
3. Мозолин В.П. Гражданское право и хозяйственный механизм // Сов.гос-во и право. - 1984. - № 5.
4. Мозолин В.П. Управление экономикой в СССР и гражданское законодательство // Сов.гос-во и право. - 1985. - № 9.
5. Мозолин В.П. Общие проблемы правовой регламентации хозяйственных отношений // Хозяйственный механизм и гражданское право. - Саратов, 1986.
6. Мозолин В.П. Право государственной (общенародной) собственности в условиях совершенствования социализма // Сов.гос-во и право. - 1987. - № 5.
7. Рубанов А.А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности // Развитие советского гражданского права на современном этапе. - М., 1986.
8. Аникина Е.Б., Брычева Л.И. Право собственности в условиях совершенствования социализма [По материалам Всесоюзной конференции, организованной Институтом государства и права АН СССР в Звенигороде в июне 1988 г.] // Сов.гос-во и право. - 1989. - № 1.
9. Курс советского хозяйственного права. - М., 1935 - Т. I.

10. Миколенко М.Ф. Государственные юридические лица в советском гражданском праве // Сов.гос-во и право. - 1951. - № 7.
11. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. - М., 1958.
12. Садиков О.Н. Рец. на кн.: Развитие советского гражданского права на современном этапе. - М., 1986. // Сов.гос-во и право. - 1988. - № 2.
13. Толстой Ю.К. Социалистическая собственность и оперативное управление // Проблемы гражданского права. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987.
14. За новое экономическое мышление // Коммунист. - 1988. - № 15.
15. Абалкин Л. Обновление социалистической собственности // Экономическая газета. - 1988. - № 45.
16. Ленин В.И. О демократизме и социалистическом характере советской власти // Полн.собр. соч. - Т. 36. - С. 481.
17. Ленин В.И. Выступления на заседании Совнаркома 4 марта 1918 г. // Полн.собр.соч. - Т. 35. - С. 411-414.
18. Сорокин Д. Перестройка отношений собственности: социалистический выбор // Экономическая газета. - 1988. - № 52.
19. Селезнев А. Собственность: государственная и кооперативная // Экономическая газета. - 1989. - № 6.
20. Временные рекомендации по применению арендного подряда на предприятиях (объединениях) и в организациях производственных отраслей народного хозяйства: Утв.пост. Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 8 июня 1988 г. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. - 1988. - № 12.
21. Рутгайзер В. Возьми завод в аренду // Известия. - 1988. - 17 мая.

НОВАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ КООПЕРАТИВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В. В. Сунцов

В связи с проводимыми в нашей стране революционными преобразованиями социально-экономических устоев социалистического общества вполне естественную актуальность приобретают проблемы социалистической собственности как основы нашего общественного строя, сердцевины социалистических производственных отношений. Верно подметили эту важную особенность советские и болгарские социологи: "Собственность - это кардинальный пункт, ядро, в котором преломляются отношения всех членов общества" /9, с. 1, 4/.

Одной из форм общественной собственности на средства производства, согласно ст. 10 Конституции СССР, является колхозно-кооперативная собственность. Необходимость ее нового теоретического осмысления и коренного пересмотра сложившихся взглядов на ее природу и значение в период коренных преобразований социалистического общества не менее актуальна и важна, чем исследование отношений государственной (общенародной) собственности. Мысль об этом, впервые, начиная с 30-х годов, прозвучавшая с партийной трибуны, четко была выражена в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии: "Мы за полную ясность и в вопросе о кооперативной собственности. Она далеко не исчерпала своих возможностей в социалистическом производстве, лучшим удовлетворении потребностей людей..." /2, с.40/.

Новая грань обозначенной проблематики была освещена на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, когда М. С. Горбачев заметил, что социалистическая кооперация располагает широкими потенциями в деле демократизации управления экономикой и социальной сферой. Поэтому Политбюро ЦК КПСС поддержало практические шаги, предпринятые на местах по развитию кооперативных форм деятельности, в частности, в 1986-1987 гг. Советом Министров СССР были одобрены примерные уставы ряда кооперативов: общественного питания, по производству товаров

народного потребления, по бытовому обслуживанию населения, по заготовке и переработке вторичного сырья, — что позволило создать дополнительные условия для лучшей реализации деловых и творческих возможностей советского человека.

Вместе с тем, на Пленуме обоснованно было обращено внимание и на то обстоятельство, что к кооперативной собственности за предшествующие периоды перестройки годы сложилось нарочито предвзятое, неправильное отношение. Она ошибочно изображалась как нечто “второсортное” и бесперспективное. “Все это имело серьезные последствия в аграрной и социальной политике, порождало администрирование в отношениях с колхозами, привело к ликвидации промысловой кооперации” /3, с. 9/. С целью устранения подобных предубеждений следует “решительно преодолеть колебания в отношении кооперативного движения, которые были в прошлом, да наблюдаются еще и сегодня... Кооперация не только не исчерпала свои возможности, но и имеет большие перспективы” /4, с. 27/.

Таким образом, Генеральный секретарь ЦК КПСС вторично обратился (после XXVII съезда партии) к проблемам кооперативной собственности и далее обострил их. Почему? Отвечая на этот вопрос, он сказал: “... несмотря на решения, принятые Центральным Комитетом и правительством о развитии кооперации в сфере материально-технического снабжения, бытового обслуживания и общепита, коммунального хозяйства в местной промышленности и строительстве, дело не получило должного разворота. На его пути воздвигаются всякого рода препоны, еще сильны приверженность к административно-бюрократическим методам управления, неприятие тех форм хозяйствования, которые не вписываются в традиционно сложившиеся представления, хотя они жизненно необходимы, стимулируют инициативу трудящихся, поднимают их социальную активность” /3, с. 27-28/. Во всем этом отражается общеизвестный тезис о том, что все новое с трудом пробивает себе дорогу в старых представлениях о развитии общества. Тем не менее состоявшийся IV Всесоюзный съезд колхозников, выступление на нем М. С. Горбачева, всенародное обсуждение проекта Закона о кооперации в СССР и, наконец, принятие его на девятой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва свидетельствуют о возрождении социалистической кооперации. “Мы должны бесповоротно ввести кооперацию в арсенал могучих средств социалистического строительства. Она должна занять в нашем обществе то достойное место, которое

по праву ей принадлежит" /4, с. 22/. Верность такого подхода не подлежит сомнению, ибо, по словам В.И. Ленина, рост кооперации тождествен росту социализма /1, с. 177-184/.

Итак, несмотря на отсутствие соответствующих теоретических разработок по вопросам кооперативной собственности и теории кооперативного права как таковой, был принят Закон о кооперации в СССР /12/ - первый общесоюзный акт в данной сфере отношений за все годы Советской власти. Его содержательность и прогрессивность, достаточно высокий уровень экономической и юридической мысли в известной мере были достигнуты благодаря всенародному обсуждению законопроекта. В ходе его были высказаны многочисленные предложения и замечания, которые оказали неоценимую помощь в последующей доработке документа и все без исключения были приняты во внимание. "Тем или иным изменениям и дополнениям подверглись 42 статьи из 50" /5, с. 4/. Нельзя не отметить и тот факт, что Закон о кооперации, урегулировав отношения кооперативной собственности, характеризуется по данному поводу определенностью и более высоким качеством в сравнении с Законом СССР о государственном предприятии (объединении), где отношения собственности подвергнуты нечеткому и неполному правовому опосредованию.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на неудачное наименование общесоюзного нормативного акта в сфере кооперативного строительства.

Имеющееся название Закона гораздо шире его содержания. И вот почему. Термин "кооперация" (от латинского *cooperatio* - сотрудничество) содержит в себе как бы два аспекта. В широком смысле - это есть форма организации труда, при которой значительное число людей совместно участвует в одном и том же или других, но связанных между собой процессах труда. В связи с этим Закон, по идее, должен содержать и положения относительно кооперации в государственном секторе экономики между социалистическими предприятиями (объединениями), учреждениями, однако такие правила в нем отсутствуют. Понятно, что данный правовой акт рассчитан на другой, более узкий смысл, когда имеется в виду совокупность организационно оформленных самостоятельных добровольных объединений взаимопомощи рабочих, мелких товаропроизводителей, в том числе крестьян, служащих для достижения общих хозяйственных целей в различных областях экономической деятельности /6, с. 110-112/. Если по этому же поводу обратиться к опыту евро-

пейских стран, то и здесь несложно обнаружить идентичные недостатки. Скажем, в Венгерской Народной республике принят и действует Закон о кооперативах /7/. Очевидна неточность (узость) избранного в данном случае термина, отражающего частный вид кооперативных объединений граждан, а отнюдь не их богатое разнообразие. Представляется, что в наших условиях правильнее и точнее было бы именовать данный правовой акт "О кооперативных организациях в СССР".

Несмотря на отмеченную терминологическую неточность, Закон о кооперации (далее - Закон) выгодно отличает большой ряд правовых, прогрессивных по содержанию новелл, в том числе и в части правового регулирования отношений кооперативной собственности. Между тем, существуют в этом деле и некоторые проблемы - как старые, так и новые.

До сих пор имело место мнение, в соответствии с которым колхозно-кооперативная собственность, несмотря на свою однотипность с государственной социалистической собственностью, по сравнению с последней характеризуется меньшим уровнем обобществления (групповая собственность); не охватывает столь широкий круг материальных объектов, как государственная собственность. Кроме того, колхозно-кооперативная собственность не характеризуется единством фонда, так как ее субъектами являются каждый колхоз, каждая иная кооперативная организация, каждое объединение в отдельности /8, с. 321-323/. Полагаем, что за исключением последнего обстоятельства содержание остальных нуждается в соответствующем пересмотре и уточнении, прежде всего с точки зрения многообразия правовых форм общенародной собственности и специфики отношений кооперативной собственности в современных условиях.

Принятие Закона знаменует собой важный этап в совершенствовании хозяйственного механизма страны. Подтверждается мысль о том, что на данном этапе развития, применительно к современному этапу строительства социализма в СССР, достичь стоящих перед обществом задач усилиями только одного государственного сектора народного хозяйства невозможно. Народнохозяйственный комплекс - не только совокупность государственных предприятий, объединений, учреждений и организаций. Это более емкое и сложное понятие, означающее органическое соединение всех возможных подразделений указанного комплекса: государственного, индивидуального, их интеграционных модификаций и некоторых других,

- направленных на разрешение возникающих в обществе проблем и достижение им социально-экономического прогресса. Поэтому в преамбуле Закона отмечается его направленность на равноправное взаимодействие государственного и колхозно-кооперативного секторов социалистической экономики, а в п.4 ст.1 Закона прямо сказано, что кооперативные организации наряду с государственными предприятиями (объединениями) являются основным звеном единого народнохозяйственного комплекса. В докладе на сессии Верховного Совета СССР Н. И. Рыжков коснулся некоторых наиболее распространенных трудностей создания кооперативных объединений граждан в настоящее время. Одна из названных им причин внешне благовидна: недопустим отток рабочей силы из государственного сектора экономики в кооперативный. Развенчивая такой подход к кооперации, вызванный надуманной, мнимой озабоченностью, он сказал: "Ведь если человек уходит с какого-то предприятия, будь оно государственное или кооперативное, значит, его там не устраивают условия труда, жизни или заработок. И тут надо четко уяснить, что дело не в приоритетах. Оба сектора экономики равноправны. В кооперативном движении имеет право участвовать... любой гражданин. И никаких ограничений здесь быть не должно" /5, с. 14/.

В работе "О кооперации" В. И. Ленин, подчеркивая мысль о необходимости приоритета общественной собственности в контексте развития кооперации, заметил: "... строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией - это есть строй социализма" /1, с. 181/.

Такая постановка вопроса в тех исторических условиях, безусловно, была оправдана. Ведь в то время происходило становление Советской власти, ее базиса - социалистических производственных отношений. Теперь ситуация коренным образом изменилась. Выполнив задачи диктатуры пролетариата, Советское государство стало общенародным. В данных условиях развивается на своей собственной основе (преамбула Конституции СССР 1977 г.). Поэтому опасность сползания общества в результате развития кооперативной деятельности к частнособственническим проявлениям, несмотря на отдельные высказывания советских граждан, практически сводится к нулю. Приоритет общенародной собственности сохраняется и в современный период. Между тем нуждается в переоценке и совершенствовании меха-

низм его реализации при правовом регулировании имущественных отношений.

Ленинская идея применительно к условиям совершенствования производственных отношений и с учетом назначения кооперативной деятельности нашла отражение в п.2 ст.1 Закона, где сказано: "В условиях политической и экономической систем СССР, при ведущей роли государственной (общенародной) собственности, повсеместное развитие получает кооперативная форма собственности, способствующая более полному использованию возможностей и преимуществ социализма, приумножению общественного богатства, насыщению рынка высококачественными товарами и услугами, их удешевлению и все более полному удовлетворению материальных и духовных потребностей советских людей". Ведущая роль общенародной собственности определяется кругом тех объектов, что лежат в основе государственного и политического строя. Согласно ст. 11 Конституции, государственная собственность — общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности. В исключительной собственности государства находятся земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства.

Итак, первоочередное принципиальное положение Закона о кооперации заключается в том, что государственный и кооперативный секторы социалистической экономики равноправны, поскольку кооперативные организации и государственные предприятия (объединения) — основные звенья единого народнохозяйственного комплекса. Точнее этот вывод можно определить как принцип равенства (паритета) общенародной и кооперативной форм собственности. Между тем социально-экономическая ситуация складывается таким образом, что в конечном счете ведущая роль остается по отношению к кооперативной за государственной (общенародной) собственностью. Как бы противоречиво этот вывод ни звучал, он, тем не менее, является генеральным, наиболее важным в правовом регулировании отношений кооперативной собственности, что находит и должно найти свое выражение в следующих положениях.

Во-первых, кооперативная собственность как форма социалистической собственности неприкосновенна и охраняется законом наравне с государственной собственностью. Имущество кооператива может быть изъято только по решению суда или арбитража в соответствии с их компетенцией (п.1, ст. 8 Закона). Вытекающий отсюда принцип неограниченной виндикации государственного и кооперативного имущества известен гражданскому законодательству (ст. 153 ГК РСФСР; ст. 146 ГК УССР). В соответствии с ним государственное и кооперативное имущество, неправомерно отчужденное каким бы то ни было способом, может быть истребовано соответствующими организациями от всякого приобретателя. Однако, как известно, на требования государственного имущества из незаконного владения колхозов и иных кооперативных и других общественных организаций или граждан исковая давность не распространяется (ст.90 ГК РСФСР; ст.83 ГК УССР). А.А.Собчак объясняет это ведущей ролью государственной собственности, являющейся основной формой социалистической собственности в СССР /10, с. 114/. Полагаем, что с учетом закрепленных в Законе о кооперации принципа равенства двух названных форм собственности и необходимости и его реального воплощения на практике данное положение подлежит пересмотру в сторону усиления охраны имущества, принадлежащего кооперативным объединениям. В связи с этим считаем целесообразным уточнить или дополнить содержание ст. 90 ГК РСФСР, ст. 83 ГК УССР, указав, что срок исковой давности не распространяется и на виндикацию кооперативного имущества из незаконного владения других социалистических организаций и граждан. Возможно и увеличение срока исковой давности для данного случая, скажем, до пяти лет. Реализация предложенных мер послужит укреплению юридических гарантий охраны кооперативной собственности.

Во-вторых, сравнивая круг объектов, пребывающих в государственной и кооперативной собственности, надо сказать, что он практически стал для обеих форм собственности по составу однозначен, если не принимать во внимание исключительные объекты права государственной собственности. Так, ранее действовало правило (ст. 100 ГК РСФСР; ст. 95 ГК УССР), что собственностью кооперативных организаций, их объединений являются средства производства и иное имущество, необходимое им для осуществления уставных задач. Такое же правило, в принципе, отражено и в Законе о кооперации. Одна-

ко разница заключается в том, что до принятия этого Закона, говоря откровенно, осуществление предусмотренного ст. 51 Конституции СССР права граждан на объединение в общественные организации в части создания кооперативных объединений было существенным образом ограничено, чрезмерно регламентировано. Видовое разнообразие подобного рода объединений граждан отличалось очевидной бедностью. Отсюда и узость круга объектов кооперативной собственности. В настоящее время ситуация изменилась в диаметрально противоположную сторону. Последовательное осуществление принципа "все, что не запрещено законом - разрешено" дает возможность создавать широкое разнообразие кооперативных организаций, в том числе и смешанные кооперативные юридические лица (ч.5 п.2 ст.3 Закона). Как записано в Законе, кооператив вправе заниматься любыми видами деятельности за исключением запрещенных законодательством Союза ССР и союзных республик (ч.4 п.1 ст. 3). Следовательно, круг объектов этой формы собственности значительно расширен и, как уже отмечалось, является практически идентичным с государственной собственностью, если не считать известного исключения. Собственностью кооператива являются принадлежащие ему средства производства и иное имущество, необходимое для осуществления уставных задач. Кооперативу могут принадлежать здания, сооружения, машины, оборудование, транспортные средства, производственный и рабочий скот, произведенная продукция, товары, денежные средства и иное имущество в соответствии с целями его деятельности (п.1 ст.7 Закона).

Для осуществления своих уставных задач кооператив вправе на договорных началах использовать имущество, предоставляемое ему государственными, кооперативными и другими общественными предприятиями, организациями и гражданами. С согласия предприятий, организаций, учреждений, а также граждан, предоставивших кооперативу имущество в пользование, он может приобретать предоставленные ему здания, помещения, оборудование и другое имущество, относящееся к основным фондам (п.3 ст.9 Закона).

Немаловажным является и то обстоятельство, что государственные органы в случаях прекращения деятельности подведомственных им промышленных, сельскохозяйственных, строительных и других предприятий (организаций) из-за убыточности, неплатежеспособности, отсутствия спроса на их продукцию (работы, услуги) или по другим основаниям, преду-

смотренным ст. 23 Закона о государственном пред-
приятии (объединении), содействуют созданию на
базе мелких и средних предприятий кооперативов по
производству продукции (работ, услуг). Они вправе
продавать, передавать, сдавать в аренду вновь
создаваемым, а также действующим кооперативам
имущество ликвидируемых предприятий (организаций)
на условиях по соглашению сторон (п.3 ст.29
Закона).

Осуществляя социальную политику, кооператив-
ные организации возводят жилые дома, санатории и
профилактории, больницы и поликлиники, дома отды-
ха, пионерские лагеря и детские дошкольные
учреждения, дома для престарелых и инвалидов,
находящиеся в их собственности (п.5 ст.30 Зако-
на). Обеспечение четкости и надежности хозяйст-
венной деятельности кооперативных организаций
ставит их перед необходимостью подготовки собст-
венных квалифицированных кадров, что возможно, в
частности, путем развития своей сети профессио-
нально-технических училищ, школ, учебных центров,
учебно-курсовых комбинатов, техникумов, институ-
тов, а также научно-исследовательских проектных,
технологических и конструкторских организаций
(п.5 ст.31 Закона). Кроме того, кооперативные
объединения граждан вправе иметь свои подсобные
хозяйства, различные производственные, транспорт-
ные, строительные и другие предприятия (ст.46
Закона).

В-третьих, с широтой круга объектов права
кооперативной собственности тесным образом связа-
но содержание гражданской правосубъектности кооп-
еративных организаций.

Общезвестно положение о том, что граждане
обладают общей гражданской правосубъектностью, а
юридические лица - специальной. Последнее отраже-
но в гражданских кодексах союзных республик (в
частности, ст. 26 ГК РСФСР; ст. 26 ГК УССР), где
установлено: юридическое лицо обладает граждан-
ской правоспособностью в соответствии с установ-
ленными целями его деятельности. В настоящее
время принцип специальной правоспособности
несколько утрачивает свое значение и приобретает
ряд современных оттенков.

В старое понимание этого принципа вкладыва-
лось, что юридическому лицу, в зависимости от его
природы и вида, определялась та или иная довольно
стабильная на многие годы цель деятельности, за-
крепляемая в его уставе (положении). Ее изменение
или дополнение или запрещалось, несмотря на имев-
шиеся и продолжающие существовать способы прекра-

щения юридических лиц, либо было жестко регламентировано. В итоге это приводило к низкой народно-хозяйственной оперативности и рентабельности, экономической эффективности предприятий (объединений), кооперативных организаций.

В современных условиях относительно гибкая правовая регламентация анализируемых положений, переход государственных предприятий (объединений) на полный хозяйственный расчет, демократичность в этой части правовых норм Закона о кооперации коренным образом меняют ситуацию. Государственные и кооперативные юридические лица имеют большие потенциальные возможности в решении хозяйственных задач. В контексте сказанного важное значение имеет и новый способ реорганизации кооперативных юридических лиц - преобразование.

Производственный или потребительский кооператив, по смыслу Закона, вправе расширять спектр своих целей деятельности, дозволенных законом, предварительно изменив или дополнив устав, зарегистрированный в соответствующем исполкоме местного Совета народных депутатов. По идее законодателя и в этой части прослеживается примерно равный правовой статус государственных и кооперативных организаций.

Если быть более конкретным, то применительно к кооперативам это выражается в следующем. Закон о кооперации гарантирует гражданам, как сказано в его преамбуле, свободный выбор форм хозяйственной деятельности кооперативов, самостоятельность коллективного хозяйствования и независимость кооператива в принятии решений по выполнению его уставных задач, открывает широкий простор для инициативы и самостоятельности управления, но в то же время повышает ответственность членов кооператива за результаты своего труда. Производственные и потребительские кооперативы, далее, наделены правом, в частности, улучшать жилищные условия своих членов и работников. В наибольшей мере иллюстрирует высказанную мысль представленная кооперативам возможность (в равной мере такой возможностью обладают и государственные предприятия) выхода на внешнеэкономический рынок, создание совместных предприятий с социалистическими и капиталистическими странами. Кооператив за счет собственных средств и кредитов осуществляет природоохранные мероприятия, которые должны компенсировать отрицательное воздействие производства на природную среду. Помимо этого, кооперативные организации по совместному решению могут добровольно создавать союзы (объединения), акцио-

нерные общества, кооперативные банки и кооперативные страховые учреждения.

Колхозу, наряду с сельскохозяйственным производством, разрешено в целях более полного использования земли, производственных фондов, трудовых и финансовых ресурсов и увеличения доходов заниматься без ограничений любыми другими, не запрещенными законодательством видами деятельности: переработкой сельхозсырья, производством пищевых продуктов, товаров народного потребления, продукции производственно-технического назначения, торговлей, ремонтными и строительными работами, оказанием услуг предприятиям, организациям, населению. При этом государство оказывает содействие колхозам в развитии различных видов деятельности как на территории самих кооперативов, так и за пределами места их расположения (п.3 ст.33 Закона).

Таким образом, содержание гражданской правосубъектности кооперативных юридических лиц существенно расширено. Приведенный перечень элементов данного содержания, конечно же, не является исчерпывающим, его можно было бы продолжить, но вряд ли в этом есть необходимость.

Неотъемлемым элементом дееспособности субъектов гражданских правоотношений является, как известно, деликтоспособность. Принципы ее осуществления также приобрели существенно новую окраску. Так, согласно ст. 101 ГК РСФСР, ст. 96 ГК УССР, на принадлежащие колхозом, иным кооперативным организациям, их объединениям здания, сооружения, тракторы, комбайны, другие машины, транспортные средства и иное имущество, относящееся к их основным средствам, а также на семенные и фуражные фонды не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов. Закон о кооперации установил принципиально иное правило: кооператив несет самостоятельную ответственность по обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, включая основные средства.

Однако в целом сохраняется принцип разделения гражданско-правовой ответственности кооперативного юридического лица, его членов и государства (п.4 ст.8 Закона). Тем не менее императивность правила о разделении имущественной ответственности кооперативных юридических лиц и их членов трансформирована в диспозитивное качество. Члены кооператива не несут ответственности по его долгам, за исключением случаев, предусмотренных Законом о кооперации, иным законодательством Союза ССР и союзных республик или уставом кооперати-

ва (п.4 ст.8 Закона). Данное положение несколько конкретизировано в ст. 43 Закона, где установлено, что члены кооператива в сферах производства и услуг несут ответственность по долгам кооператива в порядке, размерах и на условиях, предусмотренных его уставом.

В-четвертых, значительно расширены источники формирования кооперативной собственности. В кооперативном законодательстве прошлых лет, а также науке советского гражданского права непоколебимо существовала мысль о том, что средства кооперативных организаций образуются в основном за счет денежных взносов их членов посредством передачи части индивидуальных доходов в фонды тех или иных кооперативных объединений граждан. Между тем существовали отдельные исключения, но очень редкие и незначительные. Так, садоводческие товарищества вправе были приобретать свои средства, как правило, за счет денежных взносов своих членов, однако допускалось и оказание им безвозмездной финансовой помощи со стороны предприятий (учреждений), при которых они созданы, в виде 25% сметной стоимости хозяйственных работ по благоустройству территории коллективных садов.

Теперь же перечень источников формирования средств кооперативов беспрецедентно (для практики советского кооперативного строительства) расширен. Согласно п. 2 ст. 7 Закона, имущество кооператива создается за счет 1) денежных; 2) материальных взносов его членов; 3) произведенной им продукции; 4) доходов, получаемых от ее реализации и иной деятельности; 5) поступлений от продажи акций и других ценных бумаг кооператива и 6) кредитов банка. В формировании имущества кооператива могут принимать участие на договорных началах путем денежных и материальных взносов государственные, кооперативные и иные общественные предприятия (организации), а также граждане, не являющиеся членами данного кооператива, но работающие в нем по трудовому договору. Кроме названных, следует указать и такой источник образования финансовых ресурсов кооператива, как амортизационные отчисления (ч.2 п.1 ст.22 Закона). Кооператив также получает доходы от помещаемой (по решению общего собрания своих членов) части свободных денежных средств в облигации Государственного внутреннего выигрышного займа, сертификаты банков и другие ценные бумаги, выпускаемые в обращение (п.6 ст. 23 Закона). В случае использования временно свободных средств кооперативов на их счетах в

соответствующих банках последние выплачивают таким объединениям граждан проценты (ч.2 п.2 ст.23 Закона), что также является одной из статей дохода, источником его образования.

Источником кооперативной собственности — собирательная экономическая категория, обозначающая многообразие путей поступления денежных и материальных средств в фонды кооперативных организаций. Порядок их передачи установлен действующим законодательством, где определяются соответствующие правовые формы, опосредующие отмеченные экономические процессы. В юридической литературе такие правовые формы именуют основаниями возникновения права кооперативной собственности. Другими словами, это те фактические обстоятельства, с которыми закон связывает в данном случае возникновение правоотношений кооперативной собственности. Такого рода юридические факты принято разделять на первичные и вторичные. Однако в контексте Закона о кооперации подобное деление носит довольно условный характер, ибо однозначно классифицировать основания возникновения права кооперативной собственности практически трудно ввиду диспозитивности правил создания и деятельности кооперативных объединений граждан. Основаниями возникновения права кооперативной собственности являются различные юридически значимые действия, например, передача членами кооперативных организаций в фонды последних части индивидуальных доходов в виде определенных взносов, вступительных, членских, целевых, паевых; здесь же следует отметить, что круг субъектов по внесению взносов в настоящее время расширен и выходит за рамки членского состава кооперативных организаций; производство материальных ценностей, гражданско-правовые сделки (договоры на закупку материально-технических ресурсов, на исполнение государственного заказа, поставки продукции, кредитные договоры, договоры купли-продажи, мены, займа, аренды и др.), наследование, а также административные акты, в соответствии с которыми осуществляется оказание различных видов помощи кооперативным организациям со стороны государства. Это, конечно, не полная классификация оснований права кооперативной собственности. Данный вопрос может стать предметом специального научного исследования.

Денежные средства кооперативных организаций и приобретенное за них имущество в совокупности с другими материальными ценностями образуют различные имущественные фонды данного рода организаций.

В первую очередь, согласно Положению о бухгалтерских отчетах и балансах от 29 июня 1979 г. /11/, с экономической точки зрения их разделяют на основные и оборотные.

Особенностью правового режима основного и оборотного фондов кооперативных организаций является то, что в свою очередь они подразделяются (в юридическом аспекте) на делимый и неделимый фонды. К примеру, неделимый фонд садоводческого товарищества составляют вступительные и членские взносы его членов, безвозмездные перечисления средств предприятий (объединений) на расчетные счета этих товариществ. Это означает, что названные средства возврату и разделу между членами данного товарищества не подлежат в случае его ликвидации или выхода из числа членов. Целевые взносы членов садоводческого товарищества образуют делимый фонд. Хотя он и является собственностью товарищества, однако в случае ликвидации последнего или выхода из него бывшим членам товарищества возвращаются суммы целевых взносов за вычетом стоимостного выражения процента износа имущества и приходящихся на них убытков данного объединения граждан. Сами объекты, построенные на эти взносы, составляют для садоводческого товарищества основной и одновременно неделимый фонды.

Согласно п.2 "Д" постановления Совета Министров СССР "О создании кооперативов по бытовому обслуживанию населения" /14/ и п.15 Примерного устава кооператива по бытовому обслуживанию населения /15/, после уплаты подоходного налога кооператив направляет оставшиеся средства в фонд развития кооператива, страховой фонд, фонд оплаты труда его членов и лиц, работающих в данной организации по трудовому договору (соглашению), а также трудящихся по договору подряда. Порядок отчисления средств на образование названных фондов определяется уставом кооператива.

Размер отчислений в фонд развития кооператива определяет общее собрание членов кооператива. Оно же утверждает согласованные с исполкомом местного Совета народных депутатов размеры отчислений в страховой фонд (п.29 Примерного устава). Надо полагать, что фонд развития кооператива, по идее, предполагает два направления деятельности: производственное развитие (средства для модернизации и реконструкции производственных мощностей) и социальное развитие (средства для удовлетворения жилищных, культурно-бытовых и иных в данном аспекте потребностей членов кооператива и работающих в нем граждан).

В связи с этим не противоречило бы букве и духу действующего законодательства автономное существование двух разновидностей фонда развития — производственного и социального.

Страховой фонд предназначен на покрытие непредвиденных расходов, убытков, связанных с осуществлением кооперативом своей деятельности, а также на уплату долгов при его ликвидации.

Необходимость создания указанных фондов предусмотрена также и примерными уставами кооперативов общественного питания, по производству товаров народного потребления, по выработке кондитерских и хлебобулочных изделий, по заготовке и переработке сырья при территориальных органах Госснаба СССР. Она прямо не отражена в Законе о кооперации, однако не противоречит ему, ибо согласно п.3 ст.5 данного Закона кооператив в интересах осуществления стоящих перед ним задач вправе принимать любые решения, если это не противоречит действующему законодательству и уставу кооператива.

В соответствии со ст. 28 Закона кооперативные организации наделены правом ведения внешнеэкономической деятельности, которую осуществляют на основе валютной самокупаемости и самофинансирования, в той или иной правовой форме. В результате этой деятельности создается так называемый валютный фонд. Его назначение состоит не только в решении сугубо финансовых задач, но и в повышении экономической заинтересованности и ответственности, расширении самостоятельности в осуществлении экспортно-импортных операций со стороны кооперативных объединений граждан. Получаемая ими таким образом выгода после отчислений государству по нормативам, установленным Советом Министров СССР, поступает в распоряжение кооперативных организаций, изъятию не подлежит и может накапливаться для использования в последующие годы.

Источником пополнения (образования) валютного фонда кооперативных организаций могут служить предоставляемые им банками СССР кредиты в советской и иностранной валюте, а также в переводных рублях. Эти кредиты подлежат погашению в установленные сроки за счет валютной выручки, средств от реализации импортируемой продукции или других собственных средств кооперативных организаций.

В целях повышения заинтересованности членов колхозов или другого сельскохозяйственного кооператива в улучшении использования производственных фондов часть вновь создаваемой за счет собственных средств ежегодной стоимости прироста ос-

новых производственных фондов может зачисляться на специальный счет - д о л е в о й фонд членов кооператива, порядок образования и использования которого определяются уставом данного кооператива.

Средства этого фонда распределяются между членами кооперативной организации и зачисляются на личные счета пропорционально их конкретному трудовому вкладу. На эти средства из валового дохода ежегодно начисляются проценты, размер которых определяется общим собранием данного объединения граждан. Доходы, получаемые членами кооперативов ежегодно в виде процентов, накапливаются на их личных счетах и могут быть использованы по усмотрению самих членов кооператива (п.2 ст.36 Закона).

Изложенное позволяет утвердиться в мысли о последовательном проведении в кооперативном законодательстве принципа паритета кооперативной и государственной форм собственности. Однако такой вывод ни в коей мере нельзя отнести к налоговой политике в кооперативном движении. Хотя частично в Законе о кооперации прослеживается правильная идея налогообложения кооперативных организаций, что выражено в ч.4 п.2 ст.21 Закона: в тех случаях, когда кооперативы реализуют свою продукцию (работы, услуги) по централизованно установленным ценам (тарифам, расценкам), налогообложение членов кооперативов и лиц, работающих в них по трудовому договору, осуществляется по ставкам, установленным для рабочих и служащих государственных предприятий (организаций). Правда, в целом налоговая политика нестабильна. Яркой иллюстрацией этому служит Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1988 г. "О налогообложении граждан, работающих в кооперативах по производству и реализации продукции и оказанию услуг, а также об изменении порядка выдачи патентов на занятие индивидуальной трудовой деятельностью" /16/, содержащий систему налогов, явно не способствующую развитию кооперативного движения в стране, а потому и подвергнутую справедливой критике. Более того, постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1988 г. "О порядке налогообложения доходов членов кооперативов в сфере производства и услуг, сельскохозяйственных кооперативов (кроме колхозов) и лиц, работающих в них по трудовому договору" /17/, действие статьи I и пункта I статьи 5 Указа от 14 марта 1988 г. приостановлено до установления нового порядка налогообложения в сфере кооперативной деятельнос-

ти. В этот период налогообложение должно производиться по ставкам, установленным для налогообложения доходов рабочих и служащих. Данная идея, думается, и должна быть положена в основу разрабатываемой новой системы налогов для кооперативной деятельности. Действительно, если, как отмечалось, кооперативные организации и государственные предприятия (объединения) — основные звенья единого народнохозяйственного комплекса (п. 4 ст. 1 Закона), тогда вполне логично было бы, по общему правилу, подвергнуть однозначному налоговому обложению эти соответствующие субъекты, установив для кооперативов (с учетом их специфики) комплекс особенностей в этом деле.

Известно, что кооперативная собственность характеризуется множественностью субъектов. Каждая первичная кооперативная организация выступает собственником соответствующего имущества. В связи с этим актуальным является вопрос об их классификации.

Закон о кооперации впервые в советском законодательстве указал на возможные типы кооперативных объединений граждан: производственные, потребительские, смешанные, — а также особенности отдельных видов кооперативов (раздел V). Однако в целом классификация кооперативных организаций в данном общесоюзном акте проведена непоследовательно, нечетко и не до конца. Называя типы, отсутствует указание на родовое понятие, а затем и последующая градация его на виды. Регламентированы лишь особенности отдельных видов кооперативов. Очевидна незавершенность этого важного с практической точки зрения вопроса, сквозь призму которого просматривается отсутствие соответствующих теоретических разработок в сфере кооперативного права.

И все же надо заметить, что в Законе дано определение родового понятия кооперативной организации. Оно приведено в п. 1 ст. 5 данного нормативного акта, но применительно не к кооперативным организациям в целом, а к кооперативу — частному виду добровольных объединений граждан на кооперативных началах. Здесь проявляется ошибочность избранной составителями (авторами) Закона аббревиатуры (сокращения): кооперативные организации — кооператив. Отсюда и неточное наименование II раздела Закона «Кооператив — первичное звено системы кооперации в СССР», которое правильнее (точнее) звучало бы «Первичные звенья системы кооперации в СССР», где следовало бы после определения родового понятия кооперативной организа-

ции изложить хотя бы основные разновидности ее правовых форм.

На основании ст. 51 Конституции СССР в научной юридической литературе принято различать понятия общественной организации в широком и узком смысле. В широком смысле - это самоуправляемое единство людей, образуемое по воле составляющих его лиц на основе их определенных потребностей и интересов /13, с.18-19/. Оно включает в себя и кооперативные организации. В узком смысле под общественной организацией понимают добровольное объединение граждан, не ставящее своей целью ведение хозяйственной деятельности и этим отличающееся от кооперативного объединения граждан.

Кооперативная организация - разновидность общественных организаций граждан, создаваемых на основе ст. 51 Конституции СССР, представляющая собой их добровольное объединение на началах членства для совместного ведения хозяйственной и иной деятельности на базе принадлежащего ему на праве собственности, арендованного или предоставленного в бесплатное пользование имущества, самостоятельности, самоуправления и самофинансирования, а также материальной заинтересованности членов данной организации и наиболее полного сочетания их интересов с интересами коллектива и общества.

Правовая форма кооперативной организации - это определенное организационное и юридическое (посредством закрепления в нормах права) выражение совокупности соответствующих особенностей данного юридического лица как субъекта производственных и правовых отношений.

Универсальной правовой формой кооперативных организаций - субъектов имущественных отношений является, естественно, форма юридического лица. Эта общая категория находит свое выражение в виде различных конкретных правовых модификаций (конструкций). Применительно к нашему случаю - это, к примеру, кооператив, товарищество, артель, молодежный жилой комплекс (МЖК) и некоторые другие.

Кооперативная организация может выступать субъектом имущественных отношений не только как юридическое лицо, но и может быть облечена в другую своеобразную правовую форму - форму договора, основываться именно на нем. Иллюстрацией тому служит простое товарищество, соединяющее лиц для достижения общей цели посредством заключения между ними договора о совместной деятельности. Лицо, которому поручено ведение общих дел участников данного договора, действует на

основании доверенности, подписанной остальными участниками договора, а следовательно, выступает в гражданском обороте от их имени (ст. 435 ГК РСФСР; ст. 431 ГК УССР).

Особенности каждой конкретной конструкции кооперативного юридического лица находят свое отражение в специфике правового режима имущества, находящегося в их собственности или пользовании. Понятие правового режима имущества в законе не приводится. Оно выработано наукой советского гражданского права, но и здесь относится к числу дискуссионных. Удачным представляется толкование правового режима имущества кооперативных организаций как установленный государством в комплексе правовых норм порядок его формирования (приобретения), осуществления правомочий по его владению, пользованию и распоряжению, а также порядок обращения взысканий кредиторов на данное имущество и, вместе с тем, способы защиты права собственности кооперативной организации на принадлежащее ей имущество.

С учетом сказанного закономерным видится вывод о том, что право собственности каждой отдельно взятой правовой формы кооперативной организации представляет собой самостоятельный вид (разновидность) права кооперативной собственности с присущими только ему специфическими особенностями, выражающимися прежде всего в специфических правилах регулирования. Эту новую характерную черту права кооперативной собственности следует отграничивать от традиционного, а между тем и нарочито прямолинейного (догматичного) понимания данной формы социалистической собственности, которой свойственно отсутствие единства фонда в связи с тем, что кооперативная собственность принадлежит отдельным группам (коллективам) — членам соответствующих кооперативных организаций даже в том случае, если они образуют систему.

При этом, однако, необходимо учитывать такие новационные моменты:

1. В соответствии с ч. 3 п.3 ст. 7 Закона о кооперации имущество союзов (объединений), в состав которых входят кооперативные организации, принадлежит на праве общей собственности этим объединениям граждан, либо может быть собственностью союза (объединения);

2. Имущество, принадлежащее каждой кооперативной организации в отдельности, находится у нее на праве собственности, как у субъекта правовых отношений — юридического лица, людской субстрат которой составляют ее члены, добровольно объеди-

нившиеся для ведения той или иной хозяйственной деятельности. Именно волеизъявления членов кооперативной организации при соблюдении установленной процедуры ведения общих собраний (в соответствующих случаях - собраний уполномоченных) образуют высшую волю данного объединения граждан как юридического лица. От членского состава кооперативной организации надо отличать понятие трудового коллектива. Хотя оба взаимосвязаны. Трудовой коллектив кооператива составляют его члены, участвующие своим трудом в его деятельности, а также лица, работающие в кооперативе по трудовому договору (п.1 ст.6 Закона), которые обладают правом не решающего, а **совещательного** голоса. В этом смысле трудовой коллектив кооперативной организации отличен от трудового коллектива государственного предприятия (объединения).

В контексте вышесказанного, обращаясь к ст. 10 Конституции СССР, необходимо заметить, что в конституционной норме явно надуманным является словосочетание, обозначающее "колхозно-кооперативную" собственность. В Законе о кооперации абсолютизируется одна из правовых форм кооперативных объединений граждан - кооператив, в Конституции - один из видов кооперативов. Достаточно четким термином, точно обозначающим суть данного социально-экономического явления, есть "кооперативная" собственность. Поэтому ст. 10 Конституции нуждается в уточнении, как, собственно, и ст. 12 Основного Закона, требующая, правда, более серьезной корректировки с учетом приведенного выше материала, основанного на Законе о кооперации в СССР, а также того важного значения, которое придается кооперативной собственности в современных условиях.

Использованные материалы

1. Ленин В.И. О кооперации. - М.: Политиздат, 1971.
2. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М.: Политиздат, 1986.
3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. - М.: Политиздат, 1987.
4. Горбачев М.С. Потенциал кооперации - делу пе-

- рестройки: Выступление на IV Всесоюз. съезде колхозников, 23 марта 1988 г. - М.: Политиздат, 1988.
5. Рыжков Н. И. О роли кооперации в развитии экономики страны и проекте Закона о кооперации в СССР: Докл. на совмест. заседании Совета Союза и Совета национальностей девятой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 24 мая 1988 г. - М.: Политиздат, 1988.
 6. Большая советская энциклопедия. - М., 1973. - Т. 13.
 7. О кооперативном движении в Венгрии: Закон Венгерской Народной Республики о кооперативах/ Всевенгерский Совет кооперативов; Отв. за изд. д-р Йожеф Пал. - Будапешт, 1983.
 8. Советское гражданское право /Под общей ред. В. Ф. Маслова, А. А. Пушкина. - Киев, 1983. - ч. 1.
 9. Кто как входит в дверь самоуправления // Софийские новости. - 1988. - 7 сент.
 10. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / Под ред. С. Н. Братуся, О. Н. Садикова. - М.: Юрид. лит., 1982.
 11. Положение о бухгалтерских отчетах и балансах: Утв. пост. Совета Министров СССР от 29 июня 1979 г. // СП СССР. - 1979. - № 19. - Ст. 121.
 12. Закон о кооперации в СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1988. - № 22. - Ст. 355.
 13. Общественные организации в политической системе - аспекты взаимодействия с партией, государственными органами, трудовыми коллективами/ Отв. ред. Ц. А. Ямпольская. - М., 1984.
 14. О создании кооперативов по бытовому обслуживанию населения: Пост. Совета Министров СССР от 5 февраля 1987 г. // СП СССР. - № 11. - Ст. 43.
 15. Примерный устав кооператива по бытовому обслуживанию населения? Одобрено пост. Совета Министров СССР от 5 февраля 1987 г. // СП СССР. - 1987 г. - № 11. - Ст. 43.
 16. О налогообложении граждан, работающих в кооперативах по производству и реализации продукции и оказанию услуг, а также об изменении порядка выдачи патентов на занятие индивидуальной трудовой деятельностью: Указ Президиума от 14 марта 1988 // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1988. - № 11. - Ст. 174.

17. О порядке налогообложения доходов членов кооперативов в сферах производства и услуг, сельскохозяйственных кооперативов (кроме колхозов) и лиц, работающих в них по трудовому договору: Пост. Президиума Верховного Совета СССР от 29 мая 1988 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1988. - № 31. - Ст. 507.

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРАВ ГРАЖДАН-ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА И РЕАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ И УСЛУГ

А. Е. Щерстобитов

Проблемы охраны прав граждан-потребителей в ходе реализации радикальной экономической реформы приобретают исключительно важное значение. Это связано с тем, что выдвинутая XXVII съездом КПСС и развитая последующими Пленумами ЦК КПСС концепция ускорения социально-экономического развития страны настоятельно требует активизации человеческого фактора /1, с.45/. В связи с этим при решении стоящих в экономике задач основной упор делается на осуществление сильной социальной политики, неотъемлемой составной частью которой является повышение материальных и духовных потребностей советских людей. Усиление охраны прав потребителей требует комплексного использования мер технического, организационного, экономического и правового характера.

Правовое регулирование охраны прав потребителей включает в себя целый ряд крупных проблем. Одной из важнейших таких проблем является обеспечение охраны прав потребителей в области планирования производства и реализации товаров народного потребления и услуг, то есть еще до выхода их на потребительский рынок. Однако прежде чем непосредственно приступить к характеристике данной проблемы, необходимо остановиться на самом понятии "потребитель", которое вкладывается в него в законодательстве. В соответствии со ст. 1.3 Закона о государственном предприятии (объединении) требования потребителя обязательны для предприятия, а их полное и своевременное удовлетворение - высший смысл и норма деятельности каждого трудового коллектива /3/. Из смысла ст. 1 этого закона вытекает, что под потребителем здесь понимаются любые лица, использующие продукцию (товары, работы или услуги) предприятия. В то же время в ст. 15 и 16 закона о предприятии термин "потребитель" используется для характеристики предприятий и организаций, выступающих партнерами данного предприятия и использующих его продукцию. В таком же смысле этот термин употребляется в Положении о

поставках продукции производственно-технического назначения и Положении о поставках товаров народного потребления /11; 12/. В п. 9 Положения о поставках товаров народного потребления дается практически единственное легальное определение понятия "потребитель" в законодательстве, но оно применимо только к отношениям, регулируемым этим Положением. Под потребителем в нем понимается предприятие, приобретающее товары для промышленной переработки, промышленного потребления, эксплуатации, использования (внерыночный потребитель), а также розничное торговое предприятие, предприятие общественного питания /12/. Вообще до последнего времени термин "потребитель" употреблялся в основном в сфере материально-технического снабжения применительно к предприятиям, использующим полученную от изготовителя (поставщика) продукцию или товары для производственного потребления. В отличие от науки, которая с начала 80-х годов стала активно применять термин "потребитель" по отношению к гражданам, в законодательстве, регулирующем отношения с участием граждан, в том числе и в кодифицированном гражданском законодательстве, это понятие не фигурирует. Только в связи с разработкой проекта закона о качестве и охране прав потребителя /18/, а также созданием в стране обществ потребителей, объединяющих на добровольной основе граждан для совместной защиты своих прав в сфере производства и реализации товаров и услуг /19/, этот термин начал применяться и в отношении граждан, приобретающих товары народного потребления и пользующихся услугами для личного потребления. Таким образом, в действующем законодательстве нет четкого разграничения понятия "потребитель" для предприятий и граждан. Между тем такие различия необходимы, поскольку эти категории потребителей имеют не только совершенно различный правовой статус и цели, в которых осуществляется потребление, но и нуждаются в разных, точнее, самостоятельных средствах и способах охраны их прав. Особенно важны различия в средствах и способах охраны прав двух данных категорий потребителей тогда, когда они взаимодействуют друг с другом. Достаточно отметить, что, например, розничное торговое предприятие, являясь в договорных отношениях по поставке товаров потребителем по отношению к предприятию-изготовителю, становится в совершенно иное положение в договоре купли-продажи по отношению к гражданину-потребителю.

В законодательстве буржуазных стран понятие "потребитель" появилось сравнительно недавно. Потребитель в законодательстве и судебной практике может фигурировать в самых различных правовых качествах, в том числе как покупатель, наниматель, потерпевший и т.п. /16, с.35/. И все же во Франции, Бельгии, Дании и Великобритании термин "потребитель" встречается в законодательстве, хотя при этом и не определяется его содержание. В остальных странах-членах ЕЭС этот термин введен в оборот судебной практикой и доктриной /15, с.6/. При трактовке данного термина применяются такие характеристики, как "конечный потребитель", "непрофессиональный потребитель", то есть потребитель, осуществляющий акт личного потребления /15, с. 7-10/.

В дальнейшем в работе внимание будет сосредоточено на том, каким образом учитываются интересы граждан-потребителей в процессе перспективного и текущего планирования производства и реализации товаров и услуг, а также на возможных влияниях граждан-потребителей на производителей товаров, предприятия и организации торговли и сферы обслуживания в области планирования в целях обеспечения охраны их прав и законных интересов.

В условиях радикальной экономической реформы перспективное и текущее планирование экономического и социального развития претерпело серьезные изменения. Переориентация экономики на приоритетное решение задач социального развития обуславливает отражение основных рубежей социального развития в Концепции экономического и социального развития СССР на 15-летний период. Являясь исходной хозяйственно-политической платформой перспектив развития народного хозяйства, Концепция должна тесно увязывать проблемы социального развития с основными направлениями структурной и инвестиционной политики, научно-технического прогресса, задачами повышения образовательного и культурного потенциала. Концепция служит научно обоснованной программой для подготовки проекта основных направлений экономического и социального развития СССР на долгосрочную перспективу, в которых определяются темпы, пропорции, структура общественного производства, пути его интенсификации, развитие народнохозяйственных комплексов, отраслей и регионов, приоритетные научно-технические направления и решение социальных задач /7, п. 3-4/. Главной формой реализации целей и задач, предусмотренных Основными направлениями экономического

и социального развития СССР, является государственный пятилетний план экономического и социального развития. В нем устанавливаются важнейшие показатели и пропорции, характеризующие эффективность народного хозяйства, а также деятельность министерств, ведомств, союзных республик, местных органов, предприятий (объединений) и организаций.

В ходе перспективного планирования экономического и социального развития основой, на которую опираются Концепция и в особенности Основные направления экономического и социального развития, являются долгосрочные комплексные программы, социально-экономические, научно-технические и региональные разработки министерств и ведомств СССР, союзных республик, научные и демографические прогнозы. Активное участие в подготовке всех указанных документов принимают постоянные органы Совета Министров СССР по руководству народнохозяйственными комплексами.

При долгосрочном планировании развития социальной сферы в целом и удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан, в частности, прежде всего учитываются положения Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986-2000 годы /5/. Начиная с 1986 года в Основных направлениях и пятилетних планах экономического и социального развития страны предусмотрено выделение самостоятельного раздела по развитию производства товаров народного потребления и системы платных услуг. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года специально выделен раздел VII "Развитие производства товаров народного потребления и сферы услуг", в котором учтены важнейшие показатели Комплексной программы развития производства товаров и услуг /1, с.302-306/. Вместе с тем в настоящее время перспективное планирование развития производства товаров и услуг не может быть ориентировано исключительно на показатели Комплексной программы развития производства товаров и услуг, так как в ее развитии принят целый ряд дополнительных решений /6; 7/.

К наиболее важным таким решениям относится одобренная Политбюро ЦК КПСС программа ускорения научно-технического прогресса в легкой промышленности /17/. Кроме того, руководствуясь решениями XIX Всесоюзной конференции КПСС об ускорении насыщения рынка разнообразными товарами, необходимости принятия мер по коренному улучшению торгового обслуживания и перестройке сферы платных ус-

дуг населению, Совет Министров СССР принял в августе 1988 года важные решения, предполагающие более высокие по сравнению с установленными Комплексной программой развития производства товаров и услуг темпы роста производства и реализации товаров и услуг /8/. Наконец, с принятием Закона СССР "Об индивидуальной трудовой деятельности" /2/ и Закона СССР "О кооперации в СССР" /4/ при перспективном планировании развития производства товаров и услуг учитывается вклад, вносимый в данную сферу кооперативным и индивидуальным сектором экономики.

В целях совершенствования управления социально-культурным комплексом, улучшения координации работы министерств и ведомств СССР, Совета Министров союзных и автономных республик, а также местных Советов народных депутатов по производству и реализации товаров и услуг и другим социальным вопросам в 1986 году было принято решение о создании Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию - постоянно действующего органа Правительства СССР. Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию занимает особое место в разработке и решении вопросов перспективного планирования производства и реализации товаров и услуг. К его основным задачам относятся: разработка предложений по формированию, развитию и более полному удовлетворению материальных и духовных потребностей населения с учетом интересов различных категорий (семей, имеющих детей, молодежи, пенсионеров, профессиональных групп трудящихся и т.д.); выработка предложений по осуществлению политики в области роста доходов населения и удовлетворения платежеспособного спроса. Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию осуществляет координацию и контроль за работой министерств и ведомств по выполнению Комплексной программы развития производства товаров и услуг, обеспечением высоких темпов роста производства, улучшением качества и ассортимента товаров, развитием розничного товарооборота, совершенствованием торговли и общественного питания, осуществлением мер по созданию современной высокоразвитой сферы платных услуг. На него также возлагается обеспечение реализации социальной программы, организация выполнения пятилетних и годовых планов в части социального развития, разработка мер по совершенствованию планирования, хозяйственного механизма и управления в отраслях социального комплекса.

Выполняя возложенные на него задачи в области осуществления перспективного планирования производства и реализации товаров и услуг, Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию участвует в разработке и рассматривает проекты перспективных планов экономического и социального развития по отраслям социальной сферы, намечаемые задания по социальному развитию других отраслей, а также по производству товаров и развитию платных услуг, представляемые Госпланом СССР с учетом предложений министерств и ведомств СССР, Советов Министров союзных республик. Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию несет ответственность за обеспечение динамичного и пропорционального развития социального комплекса как в масштабе всей страны, так и по отдельным отраслям и регионам. В связи с этим ему предоставлено право осуществлять систематический контроль за развитием отраслей социальной сферы, а также за деятельностью других отраслей по выполнению программ социального развития и планов производства товаров и оказания услуг, соблюдением в этой сфере государственной и плановой дисциплины. При осуществлении контроля Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию вправе заслушивать отчеты министерств и ведомств, Советов Министров союзных республик о выполнении государственных планов в части социального развития, производства товаров, оказания услуг и удовлетворения спроса на них.

Обладая надведомственными функциями, Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию наряду с такими экономическими ведомствами, как Госплан СССР, Госкомцен СССР должно определять основные перспективы политики производства товаров и оказания услуг и цен на них. Охрана прав граждан-потребителей должна обеспечиваться уже в ходе перспективного планирования производства и реализации товаров и услуг, поскольку на этой стадии закладываются важнейшие пропорции между предложением товаров и услуг и платежеспособным спросом населения. В связи с этим в работе Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию активное участие должны принимать представители создаваемого в стране Союза обществ потребителей СССР. Включение представителей обществ потребителей в механизм разработки перспективных планов экономического и социального развития позволит более полно учитывать права и законные интересы потребителей, а также производство необходимых населению товаров и услуг.

В новых условиях хозяйствования уже пятилетние планы экономического и социального развития предприятия (в том числе и по производству товаров и услуг) самостоятельно разрабатываются и утверждаются им (Ст. 10.3 Закона о государственном предприятии). При разработке плана предприятие использует исходные данные планирования, которые можно подразделить на устанавливаемые в централизованном порядке и используемые самим предприятием. К первой категории относятся контрольные цифры, государственные заказы, долговременные экономические нормативы и лимиты, ко второй — прямые заказы потребителей на продукцию (работы, услуги) данного предприятия.

Из устанавливаемых в централизованном порядке исходных данных планирования на удовлетворение материальных и культурных потребностей населения в целом и интересы потребителей в частности оказывают влияние контрольные цифры и государственные заказы. Согласно ст. 10.3 Закона о государственном предприятии контрольные цифры отражают общественные потребности в продукции, производимой предприятием. В их составе важнейшим показателем является производство продукции (выполнение работ, оказание услуг) в стоимостном выражении для заключения договоров. Контрольные цифры, таким образом, отражают общие потребности народного хозяйства и населения, не носят директивного характера и доводятся до предприятий в качестве ориентира, достижение которого должно обеспечить сбалансированное развитие экономики в целом. В целях создания предприятиям возможностей более четкой ориентации в изменениях структуры общественных потребностей и спроса населения в составе общего объема производства продукции (работ, услуг) выделяются важнейшие виды ее важнейших видов по укрупненным позициям в стоимостном или натуральном выражении. В качестве расчетных показателей они применяются для формирования предприятиями планов и заключения договоров /13, раздел 1/. В сфере производства и реализации товаров народного потребления и платных услуг Временное положение о порядке формирования государственных заказов на 1989 и 1990 годы предусматривает в составе контрольных цифр, например, общий объем производства товаров легкой промышленности в розничных ценах, а также отдельных важнейших видов продукции в натуральном выражении; общий объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли и т.д.

В законе о государственном предприятии (ст. 10.3) государственные заказы относятся к таким исходным данным планирования, которые призваны гарантировать удовлетворение первоочередных общественных потребностей. В отличие от контрольных цифр государственные заказы обязательны для включения в план предприятия. Решениями, устанавливающими новые условия хозяйствования, предусмотрено, что государственные заказы на производство промышленных товаров народного потребления выдаются, как правило, на отдельные виды (группы) этих товаров, имеющих особую социальную ценность. По мере насыщения рынка и повышения действенности нового хозяйственного механизма состав и объем государственных заказов должен сокращаться. Планирование предприятиями производства товаров народного потребления должно во все большей степени осуществляться по результатам оптовых ярмарок по продаже товаров /7, ч.6/. Однако Временным положением о порядке формирования государственных заказов на 1989 и 1990 годы предусматривается, что предприятиям всех отраслей народного хозяйства, за исключением системы Министерства легкой промышленности СССР, государственные заказы устанавливаются на весь объем производства продовольственных и непродовольственных товаров народного потребления в розничных ценах и оказания платных услуг населению. По непродовольственным товарам в составе государственного заказа выделяются основные виды товаров, имеющих особую социальную значимость, а также технически сложные изделия длительного пользования по групповой номенклатуре. Предприятиям Министерства легкой промышленности СССР государственный заказ устанавливается на поставку товаров для детей, молодежи и лиц старшего возраста по важнейшим номенклатурным группам. Такое же положение складывается в сфере реализации товаров (Советам Министров союзных республик государственный заказ устанавливается на объем розничного товарооборота государственной торговли), оказания платных услуг (министерствам и ведомствам СССР и Советам Министров союзных республик государственный заказ устанавливается на общий объем этих услуг), осуществления пассажирских перевозок (например, на железнодорожном и авиационном транспорте государственный заказ установлен на весь пассажирооборот). В этих условиях оптовые ярмарки по продаже товаров народного потребления становятся формой реализации государственного заказа, хотя для выполнения подобной функции они не создавались. Безусловно, такой го-

государственный заказ может заставить все предприятия независимо от профиля их деятельности выпускать товары народного потребления, но он не способен в полной мере отражать общественные потребности, так как при данной ситуации государство заказывает любые товары, в том числе и устаревшие, не пользующиеся спросом. Следовательно, в таком виде государственный заказ не обеспечивает в должной мере права и интересы граждан-потребителей. Изменение такого положения возможно лишь в том случае, когда центральные и местные органы государственного управления, ответственные за размещение государственного заказа на товары и услуги, будут формировать его на договорной основе с изготовителями, заинтересовывая их возможностями дотаций на социально приоритетные товары, первоочередным или льготным выделением ресурсов, освобождением от внесения средств в бюджет, выделением материально-технических ресурсов на социальное развитие работников коллектива предприятия-изготовителя товаров и т.д. В этом случае в корне изменится и сам характер оптовых ярмарок по продаже товаров народного потребления, которые станут организационной формой свободной продажи товаров.

Оптовые ярмарки по продаже товаров народного потребления в настоящее время являются организационной формой разработки и утверждения предприятиями своих годовых планов. Согласно ст. 10.4 Закона о государственном предприятии оптовые ярмарки - это база для планирования ассортимента и повышения качества товаров народного потребления /12, п.7/. Ярмарки по оптовой продаже товаров народного потребления проводятся в порядке и на условиях, предусмотренных п. 30 и 31 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 апреля 1986 г. № 489 /9/, а также специальными ведомственными нормативными актами /14/. Этот порядок, действовавший первоначально только в отношении предприятий и объединений легкой промышленности, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1986 г. № 842 /10/ был распространен на все предприятия и объединения, выпускающие товары народного потребления, независимо от их ведомственной подчиненности. Опыт проведения оптовых ярмарок показывает, что эффективности выполнения заказов торговли, учету потребительских нужд населения препятствует ряд обстоятельств, связанных с несовершенством хозяйственного механизма в данной области. Так, предприятия-изготовители товаров, для которых прибыль является одним из важ-

нейших показателей оценки их деятельности и основой формирования хозрасчетного дохода коллектива, стараются строить производственный план не в точном соответствии с договорами, заключенными на ярмарках, а по стоимостным показателям. В связи с этим торговле зачастую навязываются незаказанные товары, либо товары в принудительном ассортименте. В условиях дефицита на потребительском рынке торговля вынуждена брать не пользующиеся спросом товары, поскольку выбора практически нет. Дефицит порождает и попытки незаконного манипулирования ценами, необоснованное установление надбавок без серьезного повышения качества или обновления ассортимента, вымывание дешевого ассортимента. В значительной степени такому положению способствует слабый контроль со стороны торговли, поскольку экономический механизм формирования доходов создает ее заинтересованность в продаже более дорогих товаров /20/. На сегодняшний день для усиления гарантий охраны прав и интересов граждан-потребителей при планировании количества, ассортимента, качества и других показателей, включаемых в производственные планы предприятий-изготовителей товаров народного потребления, недостаточно установления лишь общего запрета производства товаров, не заказанных торговлей и без заключения договоров. Все эти вопросы в рамках оптовых ярмарок должны решаться при непосредственном участии обществ потребителей и их союзов, а их мнение и рекомендации - учитываться при заключении договоров.

Итак, в условиях радикальной экономической реформы, прокладывающей дорогу к созданию в стране социалистического рынка, в сфере производства и реализации товаров и услуг приходится сталкиваться с попытками предприятий промышленности, торговли и обслуживания использовать monopolное положение на потребительском рынке, навязывать потребителям выгодные производителям товары и услуги. В связи с этим потребители должны уже на стадии перспективного и текущего планирования производства и реализации товаров и услуг иметь реальные возможности защищать свои права и интересы. Это важно еще и потому, что потребителям гораздо труднее противостоять некачественным, не пользующимся спросом и опасным для здоровья людей товарам и услугам, если они уже произведены и предназначены для реализации. В области планирования производства и реализации товаров и услуг какое бы то ни было серьезное влияние отдельных потребителей исключается, поэтому наряду с госу-

дарственными органами, осуществляющими надведомственные функции, охрану прав граждан-потребителей должны осуществлять в этой сфере общества потребители. Опыт ряда развитых стран показывает целесообразность создания массовых ассоциаций конечных потребителей, которые обладали бы достаточными правами для контроля качества продукции, "антирекламы", участия в переговорах о стандартизации и т.п. /21/.

Использованные материалы

1. Материалы XXVII съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1986.
2. Об индивидуальной трудовой деятельности: Закон СССР от 19 ноября 1986 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1986. - № 47. - Ст. 964.
3. О государственном предприятии (объединении): Закон СССР от 30 июня 1987 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1987. - № 26. - Ст. 385.
4. О кооперации в СССР: Закон СССР от 26 мая 1988 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1988. - № 22. - Ст. 355.
5. Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986-2000 годы: Утв. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 сентября 1985 г. № 915 // СП СССР - 1985. - Отд. 1. - № 29. - Ст. 143.
6. О мерах по укреплению материально-технической базы и развитию услуг телефонной связи, предоставляемых населению в 1986-1990 годах и на период до 2000 года: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 января 1985 г. // СП СССР 1985. - Отд. 1. - № 5. - Ст. 22; О мерах по развитию услуг по ремонту и строительству жилищ, построек для садоводческих товариществ, гаражей и других строений по заказам населения в 1986-1990 годах и в период до 2000 года: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 марта 1985 г. // СП СССР 1985. - Отд. 1. - № 12. - Ст. 49.
7. О перестройке планирования и повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования

- ния: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 г. № 816 // СП СССР 1987. - Отд. 1. - № 33. - Ст. - 115.
8. Постановление Совета Министров СССР от 5 августа 1988 г.: О мерах по увеличению производства и ускорению насыщения рынка товарами народного потребления // Правда. - 1988 г.: - 21 авг. - О неотложных мерах по улучшению торгового обслуживания населения // Правда. - 1988. - 23 авг.; О мерах по коренной перестройке сферы платных услуг населению // Правда. - 1988 г. - 24 авг.
 9. Об улучшении планирования, экономического стимулирования и совершенствовании управления производством товаров народного потребления в легкой промышленности: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 апреля 1986 г. № 489 // СП СССР - 1986. - Отд. 1. - № 20. - Ст. 108.
 10. О совершенствовании планирования, экономического стимулирования и управления в государственной торговле и потребительской кооперации: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июня 1986 г. № 842 // СП СССР 1986. - Отд. 1. - № 29. - Ст. 156 (изложение).
 11. Положение о поставках продукции производственно-технического назначения: Утв. постановлением Совета Министров СССР от 25 июля 1988 г. № 888 // СП СССР. 1988. - Отд. 1. - № 24-25. - Ст. 70.
 12. Положение о поставках товаров народного потребления: Утв. постановлением Совета Министров СССР от 25 июля 1988 г. № 888 // СП СССР 1988. - Отд. 1. - № 24-25. - Ст. 70.
 13. Временное положение о порядке формирования государственных заказов на 1989 и 1990 годы: Утв. постановлением Совета Министров СССР от 25 июля 1988 г. № 889 // СП СССР 1988. - Отд. 1. - № 26. - Ст. 71.
 14. Положение о порядке формирования заказов торговли на товары народного потребления легкой промышленности СССР 6 февраля 1987 г.; Положение о порядке организации и проведения ярмарок по оптовой продаже товаров народного потребления: Утв. приказом Министерства торговли СССР и Центросоюза СССР от 10 февраля 1987 г. № 33/30 // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР 1987. - № 8. - С. 18-28.

15. Зименкова О.Н. Законодательство о защите прав и интересов потребителей в странах-членах Европейского Экономического Сообщества // Обзорная информация ВНИИСЗ. - М., - 1988. - Вып. 1.
16. Кулагин М.И. Защита интересов потребителей в гражданском праве капиталистических стран // Правовое регулирование отношений в сфере обслуживания граждан. - М., 1983.
17. В Политбюро ЦК КПСС // Правда. - 1988 г. - 26 февр.
18. В Политбюро ЦК КПСС // Правда. - 1988 г. - 6 янв.
19. Проект Примерного положения об обществах потребителей СССР // Московская правда. - 1988. - 17 дек.
20. Павлов В.С. Цены - под контроль // Правительственный Вестник. - 1989. - № 2. - С. 5.
21. Аузан А. Политэкономика социализма: Перестройка ставит проблемы // Коммунист. - 1989. - № 1. - С. 10.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АБСОЛЮТНЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В СФЕРЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

И. А. Зенин

В советском, как и во всем социалистическом, гражданском праве существуют две большие группы абсолютных прав: право собственности (оперативного управления) и право на продукты творческой деятельности — произведения науки, литературы и искусства, открытия, изобретения, промышленные образцы и товарные знаки. На их основе возникает масса относительных прав — в рамках договоров купли-продажи, постановки, подряда, перевозки, жилищного найма, договоров на создание произведений научного и художественного творчества, создание (передачу) научно-технической продукции, а также различных типов договоров об использовании нематериальных благ, именуемых лицензионными.

Известно, что абсолютные права создают своего рода статику гражданского оборота, а относительные — его динамику. Опыт показывает и другое: если неудачно определен режим указанных прав или между ними нет жестко детерминированной взаимосвязи, то законодательство в сфере гражданского оборота или вообще не работает, или работает не в полную силу. Радикальная экономическая реформа сопровождается перестройкой таких абсолютно-правовых институтов, как право государственной социалистической собственности, право оперативного управления, право кооперативной и личной собственности. Плодотворные изменения происходят и в области прав на продукты интеллектуального творчества. Однако здесь, как и в осуществлении права собственности, сохраняются недостатки и трудности. По-прежнему не используются многие ценные изобретения и другие научно-технические достижения. Не до конца ясна концепция их правового режима в условиях полного хозрасчета.

Проблемы детерминации абсолютных и относительных прав в сфере научно-технического процесса порождены изменением роли централизованного механизма организации создания и внедрения новой техники, усилением экономических рычагов и стимулов,

“товаризацией” научно-технических достижений. Все это порождает, к примеру, такие вопросы: нужны ли в сфере научно-технического прогресса абсолютные (исключительные) права и если нужны, то за кем их необходимо закреплять и как трансформировать в права относительные? Надо ли устанавливать в законодательстве общий правовой режим научно-технических достижений? Особо стоит вопрос о правовом режиме изобретений в условиях полного хозрасчета.

В соответствии с новейшим законодательством научно-техническая продукция научных организаций, переведенных на полный хозяйственный расчет и самофинансирование, “является товаром” /1, п.4/. Имеются в виду, в частности, законченные научно-исследовательские, проектные, конструкторские, технологические работы и услуги, изготовленные опытные образцы или партии изделий. Действующее законодательство подробно регламентирует договоры на создание (передачу) научно-технической продукции /2/. По существу подобные договоры заключают с заказчиками также советы (правления), организации ВОИР и НТО в целях внедрения перспективных разработок новаторов, а также молодых разработчиков, сотрудничающих с центрами НТТМ в рамках временных творческих коллективов.

Договорная цена на научно-техническую продукцию рассчитывается предварительно заказчиком либо исполнителем с учетом научно-технического уровня продукции, ее конкурентоспособности, эффективности, периода эффективного использования и других факторов применения научно-технической продукции /2, п.14/. Вроде бы все просто и ясно, но это только на первый взгляд. Не зря на практике сразу же возникла проблема определения договорных цен на научно-техническую продукцию как проявление общей проблематики хозрасчета в науке и “объявления” всей научно-технической продукции товаром. Заговорили о завышении цен и т.п. /3/. Корень проблемы - опять-таки в режиме абсолютных и относительных прав, в самой возможности “объявления товаром” всех научно-технических достижений и установления цены на них как превращенной формы их стоимости (или меновой стоимости).

По словам К.Маркса, “для того, чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена” /4, с.49/. Одновременно, “чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами” /4, с.94/. Какие же права имеют

стороны по договорам на создание (передачу) научно-технической продукции? Чем и как они по закону вправе распоряжаться? Ответов на эти вопросы в законодательстве пока нет. Сторонам предлагается лишь самим указать в договоре свои права по использованию и распоряжению научно-технической продукцией, созданной (переданной) по договору, не противоречащие действующему законодательству /2, п.7 "з"/. То есть стороны должны определить свои договорные (относительные) права, не зная, какими абсолютными правами на научно-техническую продукцию они обладают. В действующем законодательстве не регламентирован общий правовой режим всех научно-технических достижений. В законе четко обозначен правовой режим только изобретений, охраняемых авторскими свидетельствами или патентами. Абсолютные права на использование таких изобретений, принадлежащие патентообладателям или Советскому государству в целом, можно передавать в товарно-денежной форме на основе лицензионных договоров.

Попытки "вычислить" общий правовой режим достижений науки и техники из действующего законодательства до сих пор приводили к противоречиям. Так, в начале 70-х годов в литературе высказывалось мнение, что при социализме ни за одним субъектом в пределах страны не закрепляется абсолютное право на научно-технические идеи. Любой социалистический производитель вправе применять их без каких бы то ни было ограничений. В условиях социализма вообще неправомерно ставить вопрос о правах какого-либо субъекта на идеи. Можно говорить лишь о правовом режиме этого объекта /5, с.58/.

Отсутствие абсолютного права на научно-техническое достижение влечет за собой появление совершенно нового механизма возникновения, развития и осуществления связанных с ним субъективных прав. Связанные с научно-техническими достижениями относительные правомочия основываются только на их фактическом обладании, которое является не абсолютным правом, а юридическим фактом. Относительные права не связаны ни с передачей, ни с созданием абсолютного права на научно-технические идеи /5, с.57/. Вместе с тем в более поздней работе тот же автор допускает противоречие: повторив тезис о том, что "в условиях социализма вообще неправомерно ставить вопрос о правах какого-либо субъекта на идеи" /6, с.24/, он добавляет, что "право на научно-технические знания закрепляется за государством, которое предостави-

ло советским организациям право совершать действия по фактическому использованию знаний". И далее: "Свободное использование знаний социалистическими производителями основывается не на том, что они являются ничейными, а на том, что государство, к о т о р о м у о н и п р и н а д л е ж а т (разрядка моя - И.З.), в общей форме разрешило осуществлять такое использование. Правомочия же, связанные с актами распоряжения знанием, с совершением с ним юридических действий, государство оставляет за собой и осуществляет в лице компетентных органов, которые могут наделить таким правом и другую советскую организацию" /6, с.26/. Иначе говоря, то, что верно по отношению лишь к одному виду знаний - изобретениям, распространено на все научно-технические достижения.

Неурегулированность в действующем законодательстве общего правового режима научно-технических достижений приводит к тому, что на практике в договоры на создание (передачу) научно-технической продукции стороны порой включают оговорки вроде: "права на передаваемую продукцию остаются за разработчиком". Продолжают оставаться неясными вопросы, вправе ли получатель научно-технической продукции дальше передавать ее на возмездных началах, вправе сам разработчик заключать аналогичные договоры с другими заказчиками, а главное, вправе ли все другие социалистические предприятия и организации свободно использовать результаты исследований и разработок без заключения договоров. Ведь до сих пор общепринятым считается мнение, что научно-технические достижения (кроме охраняемых изобретений) - это всеобщее достояние.

Таким образом, строго говоря, пока не вся научно-техническая продукция может признаваться товаром в политэкономическом смысле. Если на опытные образцы (партии) изделий у разработчика есть право собственности или оперативного управления и он вправе ими распоряжаться, то этот вид научно-технической продукции подпадает под понятие товара. На базе абсолютных прав в рамках договорных обязательств возникают и действуют относительные права исполнителя и заказчика. Если же на продукцию (прежде всего на нематериальные результаты исследований и разработок) отсутствуют абсолютные права, то ее передача может в силу закона происходить в товарно-денежной форме, но это не делает ее товаром в политэкономическом смысле. Аналогичный вывод может быть сделан также и другим путем. Поскольку на создание такого продукта труда, как многие исследования и разработ-

ки, не существует средних (общественно необходимых) затрат труда, этот продукт не обладает стоимостью как необходимым свойством любого товара.

Сказанным объясняются возникающие в практике различные недоразумения и конфликты по поводу размера договорной цены на научно-техническую продукцию. Поскольку на многие виды такой продукции отсутствуют общественно необходимые затраты, размер цены определяется эффективностью продукции для потребителя (конкурентоспособностью создаваемого на ее основе изделия, величиной приносимой им прибыли и т.п.). Короче говоря, в условиях полного расчета передача научно-технической продукции в товарно-денежной форме означает, что цена этой продукции в основном будет зависеть от таких категорий, как спрос и предложение.

Несмотря на то, что в итоге дискуссии, прошедшей более двадцати лет назад, было признано, что ни сами по себе изобретения, ни теоретические исследования и разработки не отвечают требованиям товара, а права на их использование лишь могут реализовываться в товарно-денежной форме (по лицензионным договорам), либо сами достижения могут передаваться для использования с применением некоторых элементов товарно-денежной формы, сейчас вновь заговорили об изобретениях или научно-технических разработках как товаре /7, с.12/.

Одновременно ряд авторов высказывают дополнительные аргументы в пользу отсутствия у изобретений стоимости /8, с.18-19/. В этой связи уместно напомнить еще одно высказывание К.Маркса, отмечавшего, что "при данных условиях производства всегда точно известно, сколько нужно рабочих для того, чтобы сделать стол, как велико должно быть количество труда, чтобы изготовить определенный продукт. Иначе обстоит дело со многими "нематериальными продуктами". Здесь определение количества труда, требующегося для получения определенного результата, является столь же гадательным, как и самый результат" /9, с.261/. А раз так, то как же можно говорить о наличии у изобретений и других нематериальных научно-технических достижений стоимости?

Несмотря на важность вновь возникшей дискуссии об отсутствии стоимости у изобретений и других научно-технических достижений, она все-таки касается хотя и очень важного, но все же одного вопроса - о порядке определения цены лицензии или договора на создание (передачу) научно-технической продукции (по общественно необходимым затратам или по создаваемому эффекту). На ваш взгляд,

сейчас более важно доказать, что научно-технические достижения, хотя они и не являются товаром в политэкономическом смысле, могут быть гражданско-го оборота, т.е. могут реализовываться "как товар", отчуждаться в товарно-денежной форме. А для этого необходимо, как минимум, подтвердить, что хотя на научно-технические достижения (помимо охраняемых изобретений) у исполнителей (разработчиков) и нет абсолютного права, но есть что-то вроде квазиабсолютного права, режим которого надо закрепить в законодательстве и которое может служить базой для возникновения относительных прав. Ведь, к примеру, право на использование лишнего стоимости охраняемого изобретения в условиях товарно-денежного международного общения также передается за границу в товарно-денежной форме.

Представляется, что на научно-технические знания, отчуждаемые по договорам на создание (передачу) научно-технической продукции, должен быть распространен правовой режим ноу-хау, до сих пор официально применяемый лишь при передаче достижений советской науки и техники за границу. Ноу-хау - это неохраняемая конфиденциальная научно-техническая и иная информация, обладающая экономической ценностью. Тенденции к "внедрению" в нашу экономику института ноу-хау стала проявляться уже давно. Еще лет десять назад предлагалось дополнить Основы гражданского законодательства разделом П¹, установив в нем диспозитивный принцип беспрепятственного и безвозмездного использования социалистическими организациями всех видов научнотехнических результатов /10, с.17/. В свою очередь для реализации этой рекомендации предлагалось решить главный вопрос: имеет ли само Советское государство какие-либо права на все научно-технические достижения (помимо изобретений, охраняемых авторскими свидетельствами)? Этот вопрос можно было бы проще решить, если бы был установлен режим секретности всех результатов исследований и разработок, проводимых всеми социалистическими организациями. Тогда право использования этих результатов можно было бы отчуждать на условиях безвозмездной (для советских социалистических организаций) или возмездной (для всех иных организаций и граждан) лицензий на "ноу-хау" /11, с.32/.

В настоящее время оба эти предложения нуждаются в корректировке, однако сами по себе обе идеи не только не потеряли актуальности, но стали еще острее. На наш взгляд, в законодательстве следует более четко предусмотреть право научно-

технических организаций, а также предприятий и объединений отчуждать имеющуюся у них ценную неохраняемую научно-техническую и иную информацию на условиях ноу-хау. Для этого уже имеются определенные правовые предпосылки, хотя они и выражены в недостаточно развернутой и ясной форме. Кроме того, в поддержку применения института ноу-хау в народном хозяйстве все чаще высказываются экономисты. Наконец, торговля ноу-хау фактически уже идет на практике.

В самом деле, действующее законодательство предусматривает, что договор на создание (передачу) научно-технической продукции должен содержать "условие соблюдения конфиденциальности" /2, п.7 "и"/. Думается, это важно не только для обеспечения общих интересов безопасности государства, но и экономических интересов сторон по договору, имеющих дело с ноу-хау. В новейших публикациях также прямо предлагается определять цену договора на создание (передачу) научно-технической продукции на условиях выплаты лицензионного вознаграждения /12, с.13-14/. В-третьих, в печати в связи с товаризацией научно-технических достижений отмечается, что "мало законодательно признать за научной продукцией возможности ее реализации в товарно-денежной форме. Нужно, чтобы информация стала действительно предметом владения, пользования и распоряжения участников производственных отношений, объектом хозяйственного расчета". Одновременно обсуждаются плюсы и минусы режима секретности научно-технических достижений в новых условиях хозяйствования /13, с.33-36/. Режим ноу-хау де-факто стали применять научные организации, экспонирующие на открытых выставках результаты своих исследований и разработок. Представитель одной из них на проходившей недавно в Москве выставке заявил, что организация не раскрывает в выставочных материалах "секретов", чтобы не лишиться выгодных заказов.

Использованные материалы

1. О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 сентября 1987 г. // СП СССР . - 1987. - № 48. - Ст.158.
2. Положение о договорах на создание (передачу) научно-технической продукции: Утв. пост. ГКНТ от 19 ноября 1987 г. № 435 по согласованию с Госпланом СССР, Минфином СССР, Госкомцен СССР и Госарбитражем СССР // ВНА министерств и ведомств СССР. - 1988. - № 5.
3. Казьмин Ю. Незнакомым фарватером // Правда. - 1988. - 8 февр.; Васин М. Цветок науки в суровом климате хозрасчета // Правда. - 1988. - 3 марта; он же. ... Ягодки впереди // Правда. - 1988. - 31 мая; Лахтин Г. Необходим ли посредник? // Правда. - 1988. - 10 нояб.
4. Маркс К. Капитал. - Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-ое изд. - Т.23.
5. Дозорцев В. А. Правовой режим научно-технических знаний // Сов. гос.-во и право. - 1973. - № 6.
6. Дозорцев В. А. Законодательство и научно-технический прогресс. - М.: Юрид. лит., 1978.
7. Литвак В. Г. Изобретение как товар // Вопросы изобретательства. - 1988. - № 1.
8. Дементьев В. Н. О правовом и экономическом режиме технических знаний в современных условиях // Вопросы изобретательства. - 1988. - № 1.
9. Маркс К. Капитал. - Т. IV // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-ое изд. - Т.26. - Ч. 1.
10. Зенин И. А. Структура, функции и условия эффективности гражданского законодательства в области научно-технического прогресса: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1980.
11. Зенин И. А., Бут А. А., Левченко Н. П. Основы гражданского законодательства и научно-технический прогресс // Вестник МГУ. Серия II. Право. - 1981. - № 6.
12. Устинов М. Н. Научно-технические разработки как товар // Вопросы изобретательства. - 1988. - № 9.
13. Рубанов В. От "культы секретности" к информационной культуре // Коммунист. - 1988. - № 13.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВАХ АВТОРА

Х. А. Пизуке

Научное и художественное творчество и их материализованные результаты – произведения науки, литературы и искусства – уникальные явления человеческой деятельности. Эти культурные ценности, а в особенности творческий потенциал общества в лице создателей этих произведений является огромными богатством общества. Но только свободное, демократическое общество способно оценить и, следовательно, эффективно поддерживать работу творцов новых научных и художественных ценностей. Во время перестройки существенно повысился престиж нашей творческой интеллигенции. С первых дней перестройки она вступила в борьбу за преобразование общества и до сих пор занимает в ней ведущее положение. К настоящему времени творческие работники добились в процессе перестройки лишь некоторого повышения материальной оценки своей творческой деятельности /1/, однако лишь в рамках давно установившихся правовых форм и теоретических концепций. Перестройка не привела еще к радикальным изменениям и улучшению материального положения советских авторов. Часть вины здесь лежит и на правовой науке, представители которой еще недостаточно исследовали передовую практику других государств по стимулированию труда авторов. В данной статье основное внимание уделяется одной из используемых в мировой практике возможностей компенсации творческого труда авторов – так называемому праву автора на вознаграждение за использование его произведения в публичных библиотеках.

В большинстве стран мира имущественные права авторов зафиксированы в авторском законодательстве. Кроме того, законодательство некоторых государств гарантирует своим авторам особое имущественное право (Public lending right), смысл которого состоит в возможности получить определенное вознаграждение за выдачу (и/или хранение) их произведений в публичных библиотеках /2, с. 671-672/. Это право гарантируется автору, как правило, специальным нормативным актом, а иногда соот-

ветствующие нормы содержатся в авторском законодательстве.

“Матерью” идеи создания нового имущественного права автора считается датская писательница Тит Енсен¹. В 1918 г. она предложила установить специальную плату в пользу автора в размере 5 эре (примерно 1,5 цента по курсу 1918 г.) за выдачу в библиотеках произведения датского автора. В 1919 г. эта идея была высказана на съезде скандинавских писателей, а в 1920 г. принята Ассоциацией датских авторов (писателей). Борьба датских литературных кругов за проведение в жизнь этой идеи длилась 20 лет. В 1941 г. датское правительство дало, наконец, свое согласие. Однако вследствие войны в Дании только 30 марта 1946 г. был принят закон о публичных библиотеках, в котором было установлено для авторов новое имущественное право /3/.

Датское правительство в качестве целей установления нового имущественного права автора декларировало “улучшение материального положения датских авторов” и “гарантирование авторам умеренного (справедливого) вознаграждения по поводу выдачи их книг” /3/. С самого начала исходным для установления данного права является положение, что вознаграждение авторам выплачивается из специально выделяемых правительством для этих целей фондов, то есть не за счет читателей и самих библиотек.

По традиции унификации законодательства Скандинавских стран право авторов на вознаграждение за выдачу их книг в библиотеках было установлено также в законодательстве Норвегии (1947), Швеции (1954), Финляндии (1964) и Исландии (1968). Это право установлено также в законодательстве Нидерландов (1971), ФРГ (1972), Новой Зеландии (1973), Австралии (1974), Великобритании (1979). В Великобритании и ФРГ данное право гарантируется автору законом, в других странах — нормативными актами правительства или ведомств. Только в ФРГ такое право автора на вознаграждение устанавливается Законом об авторском праве. В других странах принят специальный нормативный акт, либо соответствующие положения содержатся в нормативных актах о библиотеках. Однако содержание этого права и возможности его осуществления имеют в каждой стране свои особенности.

¹Thit Jensen — Maria Kristine Dorothea Jensen (Fenger) (19.01.1876 — 14.05.1957).

В Великобритании предложение об установлении авторам специального имущественного права было высказано в 1951 г. писателями Джоном Брофи и Эриком Лейландом². Предложение Д. Брофи взимать с каждого читателя (абонента) одно пенни за выданную ему книгу получило известность как "Пенни Брофи" /3/. Парламентская борьба вокруг этого права началась в 1957 г., и только в 1979 г. девятый законопроект (билл) стал законом под названием Public Lending Rights Act.

Особенностью установленной в Великобритании системы является предусмотрение ряда формальностей и ограничений. Так, например, чтобы получить вознаграждение, авторы должны специально зарегистрировать свои произведения; книги должны включать как минимум 32 страницы, а произведения поэзии и драматургии - 24 страницы; соавторов может быть только три; автор или художник книги, указанные на титульном листе, должны быть гражданами одного из государств Европейского Экономического Сообщества и проживать в Великобритании; переводчики, составители и редакторы не вправе получать это вознаграждение и т.д. При определении срока права автора на получение вознаграждения (со дня опубликования книги до 50 лет после смерти автора) во многом исходили из аналогии с авторским правом. В законе были определены также пределы годичного вознаграждения - от 5 до 5 000 фунтов стерлингов (£). Количество выдач книг вычисляется на основании данных 16 библиотек, расположенных в разных местах государства /3/.

Общегосударственная система выплаты авторам вознаграждения стала действовать в Великобритании в 1983 г. Тогда было зарегистрировано 7750 авторов с 66 850 произведениями (в 1985 г. соответственно 9600 авторов). Они получили в общей сумме 1 588 000 £, административные затраты и расходы на создание системы составили 412 000 £ (1985 - 350 000 £), а затраты на компьютеризацию всей системы исчислялись 772 000 £. За одну выдачу книги ее автору полагалось 1,02 пенни (в 1985 г. 1,27 пенни). Максимальную ставку - 5000 £ получили 46 писателей (в том числе Jeffrey Archer, Barbara Cartland, Ursula Bloom и др; в 1985 г. - 63). В пределах 2500 - 4999 £ было выдано вознаграждение 81 писателю, 1000 - 2499 £ - 247, 500 - 999 £ - 318, 100 - 499 £ - 1516 (в 1985 г. -

²-----
John Brophy, Eric Leyland.

2433), 1 -99 £ - 3876 писателям (в 1985 г. - 6200) /3/.

В ФРГ право автора на вознаграждение за выдачу произведений в библиотеках входит в систему авторского права и, естественно, построено на принципах этого института. Так, это право принадлежит авторам всех охраняемых авторским правом произведений (в том числе аудио- и видеокассет, пластинок, слайдов, периодических изданий и т.д.). Срок его, как и других прав автора, - вся жизнь автора и 70 лет после его смерти.

Однако организационная система, созданная в ФРГ для осуществления авторами своего права, довольно сложная. Заключаются специальные договоры между федеральным правительством, 10 союзными землями и 4 обществами, специально созданными для сбора вознаграждения. Общество VG Nord обслуживает писателей, VG Wissenschaft - авторов и издателей научной литературы, GEMA - композиторов и VG Bild/Kunst - художников и фотографов. Автор получает вознаграждение через одно из этих обществ, которое он уполномочивает вести свои дела. Несмотря на различия в практике распределения вознаграждения в этих обществах, можно выделить одну общую черту: значительные суммы, полученные обществами, направляются в специальные фонды социального обеспечения (на пособия по болезни, пенсии и т.д.).

Вознаграждения в ФРГ получают свыше 20 000 авторов, которые пишут на немецком языке, и 7000 переводчиков. Все авторы подразделены на 9 групп исходя из числа выдачи их книг за год. Расчет ведется 2 раза в год в течение 2 недель в разных по величине и структуре библиотеках. Эти библиотеки определяются на каждый год Ассоциацией немецких библиотек. В 1980 г. общая сумма, полученная четырьмя обществами от федерального правительства и союзных земель, составляла 13 млн. марок /3/.

В некоторых странах единицей расчета является не только количество выдач книг. Так, в Скандинавских странах вознаграждение автора зависит также от общего количества книг данного автора в библиотеках. А в Австралии, например, автор получает 50 центов в год за каждый хранящийся в библиотеках экземпляр его книги (книга должна быть, как минимум, в 50 библиотеках страны). Такое вознаграждение автор получает на протяжении 50 лет после опубликования произведения. Кроме того, издатель получает за каждый экземпляр 12,5 цента в год /3/.

В США вопрос об установлении авторам рассматриваемого имущественного права снова стал на повестку дня в начале 80-х годов, после создания соответствующей общегосударственной системы платы авторам в Великобритании. В 1983 г. сенатор Матиас предъявил Сенату законопроект (билл), где предложил создать специальную комиссию Конгресса для исследования данного вопроса /4; 5/. В 1985 г. Ч. Матиас представил новый билл о дополнении Закона США об авторском праве 1976 года положениями о Public Lending Right /6/. Эти предложения получили широкую поддержку, и можно прогнозировать, что если в США будут приняты соответствующие изменения в правовом положении авторов, то за этим последуют аналогичные изменения и во многих других странах мира.

В западной литературе /3; 4/ на основании сложившейся практики государств, гарантирующих своим авторам рассматриваемое право на вознаграждение, сделаны некоторые обобщения о целях и эффекте его установления. Так, можно выделить следующие положительные моменты:

1) получение автором некоторой компенсации за неполученный доход. Читатели, которые брали книгу в библиотеке, как правило, сэкономили на цене книги, за счет чего автор не получил доход (в западных странах автор получает в виде гонорара определенный процент от суммы, вырученной за продажу книги);

2) усиление поддержки культурной сферы страны со стороны государства;

3) стимулирование национальной литературы на национальном языке (это особенно подчеркивается в Скандинавских странах);

4) справедливость получения вознаграждения за использование произведения и в этой сфере (в библиотеках); принятие во внимание действительного престижа произведения в обществе, поскольку размер вознаграждения находится в прямой зависимости от читательского спроса. Эти обстоятельства имеют положительное психологическое воздействие на автора;

5) объединение творческих работников, их координированная коллективная деятельность в борьбе за свои интересы (например, в Дании и Великобритании борьба писателей и представителей других творческих профессий за установление нового имущественного права длилась свыше 20 лет).

Забегая немного вперед, можно сказать, что если исключить первый момент, то остальные четыре заслуживают внимания и в нашем обществе.

В то же время в литературе /3; 4/ выделяют и отрицательные моменты, иные из которых, несомненно, останутся на повестке дня и при установлении рассматриваемого права применительно к нашим авторам. К ним относятся 1) сравнительно высокие административные затраты, 2) бюрократические явления, формальность (требование о регистрации) и ограничение числа авторов и их произведений в некоторых странах (например, в Великобритании), 3) то обстоятельство, что вознаграждение получают именные авторы, которые по своему материальному положению меньше в нем нуждаются, и т.д.

Перенести западные юридические конструкции в нашу систему, конечно, невозможно. Но заимствование идей и положительного практического опыта целесообразно. Принимая это во внимание, необходимо в ближайшее время кардинально усовершенствовать правовое положение наших творческих работников в сфере науки и искусства.

Существует несколько путей улучшения материального положения советских авторов. Так, можно, например, сохранить действующую систему авторского вознаграждения (так называемую систему вознаграждения за количество и качество творческого труда), повысить лишь ставки и уменьшить нормы тиража. Можно, кроме того, использовать традиционные способы влияния на материальное положение лица, регулируя доходы авторов средствами подоходного налога. Следует также продумать систему выдачи пособий (стипендий) творческим работникам. В Эстонии в настоящее время этими вопросами активно занимаются кооперативы и общественные организации, хотя такая поддержка творческих работников должна в первую очередь входить в компетенцию государства. Однако имеются и более кардинальные пути, требующие преобразования всей системы компенсации творческого труда авторов. Сюда относятся, например, переход к хорошо испытанной в мировой практике системе авторского вознаграждения в виде определенного процента от оборота произведения (в мировой практике часто до 15%) и установление применительно к нашим авторам распространяемых в мировой практике новых имущественных прав. Думается, что в нашем обществе оптимальным вариантом на ближайшее будущее было бы объединение элементов традиционной системы с учетом действительного оборота произведения. В то же время, на наш взгляд, целесообразно установить и у нас в рамках советского авторского законодательства особое имущественное право автора — право на вознаграждение за использование произ-

ведения автора в библиотеках /17, с. 14 - 18/.

Социальный смысл установления такого права в нашем обществе состоял бы в том, что оценка читателя или другого непосредственного пользователя произведением приобрела бы определенное значение при стимулировании авторов. Автор получал бы вознаграждение за реальное использование и действительную популярность его произведения. Установление такого права имело бы особое значение в союзных, а также автономных республиках при поощрении и стимулировании национальной литературы на национальном языке, переводческой деятельности и т.д. Возражения, согласно которым деньги будут в первую очередь получать те популярные авторы, которые уже в известной мере материально обеспечены, и при этом не учитываются критерии качества (художественного уровня) произведения, не выдерживают критики, поскольку демократическому обществу чужды уравнивание доходов и официальное установление критериев качества произведений. В то же время критерии качества имеют свои меры стимулирования (так называемое официальное признание произведения в виде премий, пособий и т.д.). Конечно, установление нового имущественного права авторов связано с большими затратами по созданию системы учета. Однако создание в ближайшем будущем в наших библиотеках электронных информационных систем - требование времени. Эти системы могли бы служить технической базой для учета вознаграждения. А органами, занимающимися сборанием и выплатой вознаграждения, могут стать республиканские отделения Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП).

Вопрос об установлении авторам определенного вознаграждения за использование их произведений в библиотеках целесообразно решать на уровне республиканского законодательства, и создать соответствующие фонды следует из средств республиканского бюджета. Такое решение вопроса находится в соответствии с концепцией регионального хозрасчета Эстонской ССР (ИМЭ), и при переходе республики с 1 января 1990 года на самофинансирование предложение о создании нового имущественного права вполне реализуемо. Сущность и способы осуществления предлагаемого нового субъективного права, а также соответствующие организационные вопросы требуют специального исследования.

Использованные материалы

1. О ставках авторского вознаграждения за издание произведений: Пост. Совета Министров ЭССР от 24 ноября 1988 г. № 564 // ВВСП ЭССР. - 1989. - № 2. - Ст. 22.
2. The Librarians' Glossary and Reference Book. - Worcester & London, 1977.
3. Mayer D.Y. Literary Copyright and Public Lending Right // Case Western Reserve J. Int. Law. - 1986. - Nr.18.
4. Establishment of Public Lending Right Explored at Recent Conference // Patent, Trademark & Copyright J. - 1985. - Vol. 34, N 830.
5. Bill Would Create Commission to Study Public Lending Right // Patent, Trademark & Copyright J. - 1983. - Vol. 27, 657.
6. Text of S.658 and Introductory Remarks // Patent & Copyright J. - 1985. - Vol. 29, N 722.
7. Pisuke H. Public Lending Right: Kas ka meile oma analoog - autori õigus laenutustasule // ENSV TA Fr. R. Kreutzwaldi teesid. - Tartu, 1988.

Поскольку источники под пунктами 3-6 использованы с помощью электронных информационных систем WESTLAW и LEXIS, в данной статье не было возможности указать конкретные страницы журналов.

ЭКОЛОГИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Ю. Х. Калмыков

До сих пор считалось, что законодательство в области охраны окружающей среды в достаточной мере обеспечивает надлежащую регламентацию соответствующих общественных отношений. Но сейчас обнаруживается, что нормативные акты, принятые в начале восьмидесятых годов, имеют столь общий характер и содержат так много пробелов /1, с.2/, что говорить об их эффективности не приходится.

Между тем в силу различных причин (в том числе - и несовершенства законодательства) растет и ширится вредное воздействие человека на окружающую среду. В различных сферах оно проявляется по-разному. В аграрном секторе, как отмечалось в литературе, наибольшее распространение получили факты бесхозяйственного отношения к земле, продолжающееся разрушение почвенного ее покрова; в нашей стране насчитывается свыше двух миллионов гектаров нарушенных земель, к тому же около семидесяти процентов пашни расположено в районах, подверженных эрозии. Промышленность довольно интенсивно продолжает загрязнять реки, моря и озера, ежегодно выбрасывает в атмосферу сотни тонн дыма и пыли, содержащих вредные для живых организмов компоненты. Министерства и ведомства не выполняют плановых заданий по охране окружающей среды. Минэнерго СССР, например, за последние десять лет ничего не сделало для улавливания на тепловых электростанциях сернистого ангидрида.

В нашем государстве вообще-то многое делается для охраны окружающей среды, однако положение дел еще остается неудовлетворительным, и нужны новые усилия для достижения поставленных целей. Нельзя забывать и о том, что современные проблемы экологии имеют не региональное, а всеобщее, международное значение. Считается, что, если темпы и масштабы наметившихся здесь негативных процессов сохранятся в ближайшие годы, может случиться катастрофа, равная последствиям атомной войны. Вот почему эффективные меры борьбы с загрязнением окружающей среды должны разрабатываться на разных уровнях: национальном, межгосударствен-

ном, международном. С экологических позиций природа не знает не только ведомственных, но и государственных границ, она имеет общечеловеческое значение.

Правовая охрана окружающей среды преследует двудединую задачу: с одной стороны, она обеспечивает защиту и надлежащую эксплуатацию таких важнейших объектов права государственной собственности, как земля, ее недра, леса и воды, а с другой — решение актуальных экологических проблем. Отрывать эти задачи друг от друга нельзя хотя бы потому, что принятие экологически выгодных решений зачастую оказывается эффективным в экономическом плане /2, с.37/.

Охрана природной среды осуществляется различными отраслями права, прежде всего гражданским, уголовным и административным. Нормы природоресурсового законодательства имеют в основном отсылочное значение и самостоятельно применяются в редких случаях. Как уже отмечалось, в правовом регулировании рассматриваемых отношений есть определенные пробелы и недостатки, встречаются ошибки в деятельности правоохранительных органов. Малоэффективными признаются, например, меры уголовного наказания, используемые при присвоении объектов природной среды. Трудности возникают при разграничении уголовного и административного правонарушения. В ряде случаев судебные и арбитражные органы либо вообще не взыскивают причиненный ущерб, либо неосновательно снижают его размеры. Словом, упущений здесь немало, и как правотворческим, так и правоохранительным органам предстоит еще проделать значительную работу, чтобы устранить перечисленные и другие недостатки. Сейчас принимаются кардинальные меры по улучшению охраны окружающей среды. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О коренной перестройке дела охраны природы в стране" предусматривает прежде всего необходимость создания союзно-республиканского Государственного комитета по охране природы (Госкомприрода СССР) /3, с.1/. Мы долго шли к такому решению. В предыдущие годы вопрос об охране природной среды находится в компетенции контролирующих органов разных ведомств: Госкомгидромета, Минводхоза, Минрыбхоза, Гослесхоза, Мингео и Госагропрома СССР. Разрозненность усилий, неодинаковый подход к решению экологических проблем, наличие множества разнохарактерных штрафов, мешали проведению единой экологической политики. Не случайно ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР еще в 1986

году приняли постановление "О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений 27 съезда КПСС", которым предусматривалась необходимость создания в союзных республиках государственных комитетов по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов /4, ст. 151/. Несмотря на эту установку, они нигде созданы не были. Исключение составляли две союзные республики: в Литве еще с 1957 года функционирует государственный комитет по охране природы, а в Эстонии более двадцати лет существует Министерство лесного хозяйства и охраны природы. Попытка создать аналогичные органы в других республиках, например в Казахстане, не увенчалась успехом в связи с противодействием указанному мероприятию со стороны все тех же Госкомгидромета, Минводхоза, Минрыбхоза, Гослесхоза и Госагропрома СССР. Тогда, вопреки указанию директивных органов, перечисленные ведомства признали нецелесообразным создание республиканских комитетов по охране природы.

Новое постановление исходит из необходимости создания единой системы охраны природы, включающей в себя государственные комитеты союзных республик, органов этих комитетов в краях, областях, автономных республиках и округах, районах и городах.

Основные направления деятельности нового Государственного комитета будут выражаться в осуществлении комплексного управления природоохранной деятельностью в стране, реализации контрольных функций, проведении природоохранных мероприятий, экономическом и экологическом обосновании наиболее важных хозяйственных проектов, осуществлении подготовки и издания необходимых актов природоохранного значения и других мероприятиях. В условиях научно-технической революции особенно возрастает значение такой функции, как осуществление государственной экологической экспертизы генеральных схем развития и размещения производительных сил страны и отраслей народного хозяйства. Если бы в свое время оценку соответствующим проектам давали органы Государственного комитета по охране природы, не было бы проблем, связанных с Байкалом, Ладогой, Ясной Поляной; дело не дошло бы до принятия решения об отказе от поворота северных рек.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О коренной перестройке дела охраны природы

в стране" впервые вводятся для предприятий долго-временные нормативы платы за природные ресурсы, а также за выбросы загрязняющих веществ в природную среду. В нем также отмечается, что за превышение допустимых выбросов (сбросов) загрязняющих веществ в природную среду и аварийное загрязнение с объединений, предприятий и организаций будет взиматься повышенная (в кратном размере по отношению к экономическому нормативу) плата, источником которой является хозрасчетный доход коллектива.

Указанные меры, безусловно, будут иметь важное стимулирующее значение. Но как быть в тех случаях, когда превышения предельно допустимых выбросов (сбросов) нет, а вред все равно причиняется? Мы полагаем, что в подобных ситуациях надо шире использовать правила статьи 90 Основ гражданского законодательства. При рассмотрении споров, связанных с компенсацией причиненного природе ущерба, сейчас обычно ориентируются на вину — если она имела место, вред возмещается, если же нет, не наступает и ответственность. Например, по делу о взыскании с межхозяйственного комплекса 17125 рублей Верховный суд РСФСР, отметив, что "загрязнение реки Кукса произошло по вине комплекса, не принявшего мер к полному прекращению сброса в водный объект сточных вод, содержащих вредные вещества", взыскал с ответчика всю сумму причиненных убытков /5, с. 2/.

Сам по себе такой подход возражений вызывать не может, ибо принцип ответственности за вину является основополагающим в советском гражданском праве. Вместе с тем, природной среде, особенно в условиях научно-технического прогресса, вред нередко причиняется источниками повышенной опасности. Однако каких-нибудь критериев использования в этой сфере отношений статьи 90 Основ гражданского законодательства ни практика правоохранительных органов, ни теория не предусмотрели. Нет никаких указаний на этот счет ни в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 3 июля 1985 г. "О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов", ни в Инструктивном письме Госарбитража СССР от 3 января 1976 г. "О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с нарушением законодательства об охране природы". Справедливости ради надо отметить, что раньше в названном Инструктивном письме говорилось: "Разрешая споры, связанные с возмещением ущерба, в случаях, когда он причинен природе предприятиями и организациями, деятельность которых связана с повышен-

ной опасностью для окружающей природной среды, арбитражи должны руководствоваться статьей 90 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик" /6, с. 5/. Но и эта довольно общая формулировка в последнем издании Инструктивного письма была опущена, можно только предполагать, что она просто отменена. Между тем, надо было не только ее оставить, но и развить, предусмотреть какие-то ориентиры для правильного применения статьи 90 Основ.

Мы полагаем, что для использования указанной нормы права в области охраны природы необходимо, чтобы: а) деятельность предприятия была связана с повышенной опасностью для окружающих и, с этой точки зрения, входила в особый перечень; б) она причиняла реальный и исчислимый вред природной среде.

Самым трудным, естественно, остается вопрос, является ли деятельность предприятия источником повышенной опасности или нет. Для ответа на него следует, прежде всего, руководствоваться сложившимся определением понятия источника повышенной опасности как деятельности, которая не поддается полностью контролю человека и в силу этого создает высокую степень вероятности причинения вреда. Если, несмотря на установленные сооружения, предприятие все же загрязняет природную среду, оно должно отвечать за наносимый ущерб. Причина одна - его деятельность не в полной мере подконтрольна человеку. И неважно, являются ли нормы предельно допустимых выбросов и загрязнений достаточно обоснованными или нет. Важно то, что они существуют, а предприятие не в состоянии даже при наличии очистных и иных сооружений предотвратить появление ущерба. Значит, оно - источник повышенной опасности.

Помимо этого исходного положения, в руководящих актах высших правоохранительных органов - Верховного суда СССР и Госарбитража СССР - следовало бы предусмотреть примерный перечень предприятий, которые могли бы представлять наибольшую опасность для природной среды (атомные электростанции, крупные химические комбинаты и т.д.). При наличии такого ориентира судебные и арбитражные органы стали бы смелее применять статью 90 Основ и тем самым - эффективнее обеспечивать охрану государственной социалистической собственности.

В литературе высказано суждение, согласно которому в понятие источника повышенной опасности, применительно к природным ресурсам, нужно

ввести новый элемент - наряду с высокой вероятностью наступления аварийной ситуации или несчастного случая (подобную характеристику авторы называют традиционной) рассматриваемое понятие должно включать в себя наличие возможности причинения окружающим (обществу) значительного (крупномасштабного) ущерба /7, с.67-68/.

Но деятельность владельца источника повышенной опасности создает высокую степень вероятности причинения не только масштабного, но и локального или личного вреда. Что делать в подобной ситуации? А как быть в тех случаях, когда значительный ущерб причиняется в результате совершения явно виновных действий предприятиями, которые особой опасности для окружающей среды не представляют? Словом, предложенный критерий не может быть взят на вооружение правоохранительными органами потому, что вред (масштабный он или незначительный) всегда выступает уже как последствие деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих; он - не свойство этой деятельности, а ее результат.

Использованные материалы

1. Яблоков А. Щели в заборе // Правда. - 1987. - 25 июля
2. Никонов А. В союзе науки и практики // Коммунист. - 1986. - № 9.
3. О коренной перестройке дела охраны природы в стране: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 января 1988 // Правда. - 1988. - 17 янв.
4. О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XVII съезда КПСС: Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 25 июля 1986 // СП СССР. - 1986. - № 27. - Ст. 151.
5. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. - 1987. - № 6.
6. О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с нарушением законодательства об охране природы: Инструктивное письмо Госарбитража СССР от 3 января 1976 г. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. - 1976. - № 5.

7. Корнилов В.Н., Субботин А.А. Возмещение крупномасштабного ущерба, причиненного объектам природы // Сов. гос.-во и право. - 1987. - № 6.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ В ДОМАХ СОВХОЗОВ

Х. В. Сепп

Вопросы пользования жилыми помещениями в домах совхозов недостаточно разработаны и сравнительно слабо освещены в литературе. Некоторые соображения по этим вопросам излагаются в настоящей статье.

Ранее совхозы были включены в список предприятий и учреждений важнейших отраслей народного хозяйства и отдельных ведомств, из домов которых допускалось выселение на основании действующей тогда ст. 62 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Поэтому на пользование жилыми помещениями в домах совхозов с 1 января 1982 г. распространились правила ч. 3 ст. 37 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик¹, допускающие выселение только с предоставлением другого жилого помещения. С принятием Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 437 от 24 мая 1982 г. /14, п. 24/ правовое положение жилых помещений в домах совхозов резко изменилось. В п. 24 этого Постановления было установлено, что жилые помещения в домах совхозов включаются в число служебных жилых помещений, в том числе и в домах, заселенных до принятия этого Постановления.

Пленум Верховного суда СССР в ч. 2 п. 21 своего Постановления № 2 от 3 апреля 1987 г. "О практике применения судами жилищного законодательства" разъяснил, что в этой связи к условиям использования жилых помещений в домах совхозов уже не могут применяться положения ч. 3 ст. 37 Основ /16/.

Следовательно, с 24 мая 1982 г. жилые помещения в домах совхозов в качестве служебных подчинены наиболее жесткому правовому режиму. Многие нормы, регулирующие отношения сторон по договору

¹В дальнейшем - Основы.

найма жилого помещения, к пользованию служебными жилыми помещениями либо вообще не применяются (ч. 5 ст. 103 ЖК ЭССР), либо применяются с весьма существенными изъятиями. Наниматели, прекратившие трудовые отношения с наймодателем, подлежат выселению из служебных жилых помещений со всеми проживающими с ними лицами и, как правило, без предоставления другого жилого помещения.

В связи с вышеуказанными изменениями в законодательстве небезынтересно здесь отметить, что совсем по другому пути развивалось правовое регулирование пользования жилыми помещениями в домах, принадлежащих колхозам. Согласно ч. 3 ст. 39 Основ эти жилые помещения лишь по усмотрению самого колхоза могут быть включены в число служебных. В противном случае наниматели в этих домах располагают всеми правами и обязанностями нанимателя в домах государственного и общественного жилищного фонда, за исключением ограничений ч. 3 ст. 68 и п. 2 ч. 1 ст. 96 ЖК ЭССР. В этой связи в литературе указывается, что сложилась своеобразная ситуация в развитии законодательства о социальном статусе сельчан — жилищные права колхозников оказались полнее, чем у работников совхозов /1, с. 57/.

В законе (ч.1 ст. 39 Основ) зафиксированы признаки служебных жилых помещений. Согласно этой норме служебные жилые помещения предназначаются для заселения граждан, состоящих с наймодателем в трудовых отношениях, если в связи с характером этих трудовых отношений они должны проживать по месту работы или вблизи от него. Пока в теории и практике нет единого мнения в вопросе, относятся ли оба эти признака и к служебным жилым помещениям в домах совхозов.

Представляется, что второй признак к служебным жилым помещениям в домах совхозов не относится. Они предоставляются всем работникам совхоза, независимо от характера их работы в хозяйстве. В литературе правильно указывается, что в отношении совхозов лишено смысла и установление перечня категорий работников, которым могут быть предоставлены служебные жилые помещения, поскольку любой из них может проживать в этих служебных жилых помещениях /4, с. 25/.

Поэтому можно согласиться с высказанным в литературе мнением, что распространение правового режима служебных жилых помещений к жилым помещениям в домах совхозов расшатало зафиксированные в законе признаки служебных жилых помещений /10, с. 93/.

Представляется, что это относится прежде всего к первому признаку служебных жилых помещений.

Действительно, относятся ли все жилые помещения в домах совхозов к числу служебных, или же к служебным относятся только помещения, соответствующие первому признаку служебных жилых помещений, т.е. помещения, предоставленные работникам в связи с их трудовыми отношениями с совхозом?

Следует отметить, что п.24 вышеуказанного постановления не содержит ответа на этот вопрос. В то же время именно от ответа на поставленный вопрос во многом зависит решение всех существенных проблем, связанных с использованием жилых помещений в домах совхозов.

В 1984 г. Верховный суд СССР в обзоре судебной практики придерживался точки зрения, что в силу п. 24 вышеуказанного постановления, все жилые помещения в домах, принадлежащих совхозам, отнесены к числу служебных ...“ /12, с. 41/. Такое же разъяснение содержится в п. 17 Постановления Пленума Верховного суда РСФСР № 5 от 26 декабря 1984 г. /17/. Необходимость наличия трудовых отношений с наймодателем в этих разъяснениях не упоминается.

Отсюда иногда делается вывод, что у совхозов, исходя из этих разъяснений, нет жилых помещений с иным режимом /1, с. 58; 4, с. 25/.

В 1985 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР пояснила, что если жилое помещение в доме совхоза предоставлено не в связи с трудовыми отношениями, то на него не распространяются правила, относящиеся к пользованию служебными жилыми помещениями /13, с. 29/.

Из этого можно сделать вывод, что не все жилые помещения в домах совхозов отнесены к служебным.

Если придерживаться первой точки зрения, тогда в принципе вообще исключается возможность выселения граждан из домов совхозов на основании ч.2 ст. 40 Основ /2, с. 74; 3, с. 427/. Дело в том, что перечисленные в ч. 2 ст. 40 Основ граждане в случае прекращения трудовых отношений не могут быть выселены в другое служебное жилое помещение /13, с. 29; 17, п. 18/. Высказанное в литературе противоположное мнение /9, с. 65/ явно не вытекает из действующего жилищного законодательства. Но другого, неслужебного жилого помещения совхоз выселяемым предоставить не может, так как, согласно этой точке зрения, все жилые помещения в его домах являются служебными в силу п.

24 вышеуказанного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Так как эти жилые помещения отнесены к числу служебных общесоюзным нормативным актом, они не могут быть исключены из числа служебных в порядке, установленном в п. 14 Положения о порядке предоставления служебных жилых помещений /15/.

Кроме того, первая точка зрения приводит еще к одному противоречию.

При оценке обоснованности первой точки зрения нельзя не учесть, что и совхозам иногда приходится из своего фонда предоставлять гражданам квартиры на основании ч. 1 ст. 45 Основ в связи со сносом их домов. Согласно этой норме гражданам предоставляются благоустроенные квартиры в домах государственного или общественного жилищного фонда. Само собой разумеется, что недопустимо предоставление гражданам в таких случаях служебных жилых помещений. Следовательно, соблюдение совхозами этого требования закона становится невозможным.

В то же время нельзя не отметить, что к не менее серьезным противоречиям приводит в настоящее время и придерживание другой точки зрения. Ведь если к служебным относятся лишь те помещения в домах совхозов, которые предоставлены гражданам в связи с их трудовыми отношениями с совхозом, то возникает вопрос о правовом режиме помещений, предоставленных в домах совхозов учителям, врачам и другим сельским специалистам, работающим в сельской местности. Предоставление жилых помещений в домах совхозов таким сельским специалистам основывается на п. 24 вышеуказанного постановления. Согласно этой норме жилые помещения в домах совхозов предназначаются для заселения не только работниками совхоза, но и "другими лицами, которым в соответствии с действующим порядком предоставляется жилая площадь в домах хозяйства" /14/. Следовательно, часть жилой площади совхозов на законном основании могут занимать граждане, никогда не состоявшие с ними в трудовых отношениях.

В литературе высказано мнение, что в случае увольнения такие сельские специалисты не могут быть выселены без предоставления другого жилого помещения, так как жилое помещение было им дано не в связи с трудовыми отношениями с совхозом /5, с.152; 7, с. 142; 6, с. 125/. Это мнение обосновывается разъяснением, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного суда РСФСР № 5 от 26 декабря 1984 г. /17, п.19/.

Отсюда вытекает, что вышеуказанные авторы относят такие жилые помещения к служебным, хотя и они были предоставлены сельским специалистам не в связи с их трудовыми отношениями с совхозом. Но из служебных жилых помещений не могут быть выселены без предоставления другого жилого помещения лишь граждане, перечисленные в ч. 2 ст. 40 Основ. Сельские же специалисты к таким гражданам не относятся, и их следовало бы выселить без предоставления другого жилого помещения.

Если же вышеуказанные авторы не относят такие жилые помещения в домах совхозов к служебным, тогда вообще нет оснований для выселения этих сельских специалистов по мотиву прекращения ими трудовых отношений. Надо иметь в виду, что выселение граждан, в том числе и их выселение с предоставлением другого жилого помещения, может иметь место не по любым основаниям, а только по прямо предусмотренным в законе. Любые соображения и мотивы, если они не опираются на конкретную норму закона, основанием для выселения служить не могут. В настоящее время нет нормы, предусматривающей выселение таких сельских специалистов по мотиву прекращения трудовых отношений. Следовательно, они в этих случаях вообще не подлежат выселению из помещений, предоставленных им в домах совхозов.

Легко можно заметить, что такой вывод явно противоречит принципу равных жилищных прав, перечисленных в п. 24 вышеуказанного постановления, граждан в домах совхозов. Работники совхоза всегда могут быть выселены по мотиву прекращения трудовых отношений, сельские же специалисты по такому же мотиву вообще выселению не подлежат.

Несмотря на это, нам представляется обоснованной вторая точка зрения в затронутом выше вопросе. По-видимому, без трудовых отношений служебное жилое помещение вообще немыслимо. Тот факт, что жилые помещения в домах совхозов могут быть предоставлены и сельским специалистам, не числящимся в штатах совхозов, сам по себе надежности этого критерия не опорочивает.

В чем же заключается выход из создавшегося положения?

В литературе высказано мнение, что сельским специалистам, не числящимся в штатах совхозов и колхозов, также следует предоставить служебные жилые помещения со всеми вытекающими отсюда последствиями /1, с. 58/. С таким мнением можно полностью согласиться. В то же время немалые сомнения вызывает вывод, что этот и другие вопросы

найдут ясные решения в том случае, если включение жилых помещений в домах совхозов в число служебных будет производиться в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 39 Основ /1, с. 58/. Здесь явно не учитывается, что признаком служебных жилых помещений является не всякое трудовое отношение нанимателя, а лишь его трудовое отношение с наймодателем. Поэтому представляется, что выходом из создавшегося положения было бы дополнение ч. 1 ст. 39 Основ предложением примерно следующего содержания: "К служебным жилым помещениям относятся и жилые помещения в домах совхозов, предоставленные сельским специалистам, не числящимся в штатах совхозов".

Такое дополнение к ч. 1 ст. 39 Основ несло бы, на наш взгляд, существенную правовую нагрузку и при определении жилищно-правового положения сельских специалистов, проживающих в домах совхозов в качестве членов семьи нанимателя.

До последнего времени судебная практика исходила из того, что уволившиеся с работы наниматели жилых помещений в домах совхозов и при наличии таких членов семьи подлежали выселению со всеми проживающими с ними лицами, но только с предоставлением другого жилого помещения /13, с. 29-30; 19, с. 76-77/. Другими словами, их можно было выселить на основании ч. 2 ст. 40 Основ. Нельзя, однако, не учитывать, что такие сельские специалисты, как уже было указано выше, не включены в перечень граждан, имеющих льготы при выселении из служебных жилых помещений. Поэтому ч. 2 ст. 40 Основ в этих случаях явно не применима, и выселение должно проводиться на основании ч. 1 ст. 40 Основ, т.е. без предоставления другого жилого помещения.

Совсем с иных позиций подходит к этой проблеме Пленум Верховного суда СССР. В ч. 1 п. 21 своего вышеуказанного постановления он приравнивает членов семьи нанимателя, находящихся в трудовых отношениях с совхозом, к членам его семьи, не числящимся в штатах совхоза и работающим специалистами в сельской местности. Исхода из этого судам разъясняется, что прекратившие трудовые отношения с совхозом наниматели вообще не могут быть выселены, если в составе их семьи имеют сельские специалисты, которым в соответствии с законом может быть предоставлено жилое помещение в доме совхоза.

Такая позиция Верховного суда СССР представляется обоснованной по существу. Однако она в настоящее время приводит, на наш взгляд, к одному

противоречию. Заключается оно в том, что предоставленное уволившемуся нанимателю жилое помещение остается в таких случаях служебным жилым помещением, однако режим служебного жилого помещения, в частности относительно оснований выселения, на эти жилые помещения уже не распространяется.

Представляется, что предлагаемое нами дополнение к ч. 1 ст. 39 Основ устраняет подобное противоречие. При наличии такого дополнения сельским специалистам, не числящимся в штатах совхозов, на основании закона тоже может быть предоставлено служебное жилое помещение в домах совхозов. Пока они работают сельскими специалистами, они вправе пользоваться служебными жилыми помещениями в доме совхоза. После прекращения трудовых отношений они подлежат выселению со всеми проживающими с ними лицами в общем порядке на основании ст. 40 Основ. Перечисленные в ч. 2 ст. 40 Основ граждане и в этом случае могут быть выселены только с предоставлением другого жилого помещения в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 97 ЖК ЭССР.

В этой связи нельзя не обратить внимание на явно неудачные редакции ч. 1 ст. 97 и ч. 5 ст. 103 ЖК ЭССР. Из редакции ч. 1 ст. 97 ЖК вытекает, что эта норма применяется только в отношении граждан, выселяемых на основании ст. 96 ЖК ЭССР. Из редакции ч. 5 ст. 103 ЖК ЭССР тоже вытекает, что норма ч. 1 ст. 97 ЖК не применима к пользования служебными жилыми помещениями. В целях совершенствования редакции ч. 1 ст. 97 ЖК ЭССР следовало бы опустить слова "на основании правил статьи 96 настоящего кодекса". Одновременно надо бы дополнить перечень в ч. 5 ст. 103 ЖК ЭССР отсылкой к ст. 97 этого же кодекса. Здесь уместно отметить, что в этот перечень следовало бы включить и некоторые нормы, регулирующие расторжение договора найма жилого помещения. Вряд ли можно толково объяснить, почему в этот перечень не включены, например, нормы ст. 89, ч. 1 ст. 92, ч. 1 ст. 98, ч. 3 ст. 98 и ст. 99 ЖК ЭССР.

В литературе высказано мнение, что лицо из служебной отдельной квартиры может быть выселено в общую /5. с. 153/ или благоустроенную квартиру на первом этаже этого же дома /9, с. 60/. Следует согласиться, что в обоих случаях фактически имеет место ухудшение жилищных условий выселяемого из служебного жилого помещения. В то же время при выселении из служебных жилых помещений на основании ч. 2 ст. 40 Основ суды должны, на наш взгляд, учитывать состояние здоровья выселяемых. Поэтому

следовало бы дополнить ч. 1 ст. 97 ЖК ЭССР отсылкой к ч. ч. 2 и 3 ст. 39 этого же кодекса.

В заключение хотелось бы обратить внимание на случаи, когда уволившийся наниматель служебного жилого помещения относится к перечисленным в ч. 2 ст. 40 Основ гражданам, но так как он, например в связи с распадом семьи, уже сам выселился, против него иск о выселении не предъявляется.

Пока нет ясности в том, выселяются ли члены семьи такого выбывшего нанимателя на основании ч. 1 ст. 40 Основ, т.е. без предоставления другого жилого помещения.

В литературе высказано мнение, что и члены семьи такого выбывшего нанимателя могут быть выселены только на основании ч. 2 ст. 40 Основ, т.е. с предоставлением другого жилого помещения /11, с. 28/. Эта точка зрения вызывает немалые сомнения. Думается, что жилищные льготы граждан, перечисленных в ч. 2 ст. 40 Основ, не переходят к другим лицам, в том числе и к членам их семьи. По этому соображению представляется более обоснованным противоположное мнение, сложившееся в судебной практике Эстонской ССР /18/. Вопрос этот явно нуждается в разъяснении на уровне постановления Пленума Верховного суда СССР.

Использованные материалы

1. Богорад В.А. Правовой режим жилых помещений в домах колхозов и совхозов // Сов.гос-во и право. - 1987. - № 3.
2. Громошина Н.А. Некоторые вопросы судебного рассмотрения жилищных дел // Актуальные проблемы защиты субъективных прав граждан и организаций: Сб. науч. тр. - М.: В. и., 1985.
3. Касоя А. О проблемах в связи с выселением из служебных жилых помещений // Сов. право. - 1987. - № 6.
4. Жгунова А., Травсковская В. Пользование жилыми помещениями совхозов // Сов. юстиция. - 1987. - № 3.
5. Золотарь В.А., Дятлов П.Н. Советское жилищное право. - Киев: Вища школа, 1985.

6. Маслов В.Ф. Право на жилище. - Харьков: Вища школа, 1986.
7. Мушкин А.Е. Предоставление жилых помещений и пользование ими. - Л.: Лениздат, 1985.
8. Никитюк П.С. Жилищное право. - Кишинев: Штиинца, 1985.
9. Руденченко Н.А. Защита жилищных прав граждан при выселении с предоставлением другого жилого помещения // Вопросы гражданского обеспечения интересов потребителей в свете решений XXVII съезда КПСС: Межвузовский сб. науч. тр. - Пермь: Б.и., 1987.
10. Толстой Ю.К. Проблемы жилищного законодательства // Сов. гос-во и право. - 1987. - № 11.
11. Федотов С., Чефранова Е. Выселение из служебных жилых помещений // Социалистическая законность. - 1986. - № 12.
12. О судебной практике по применению Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик: (Обзор судебной практики) // Бюллетень Верховного суда СССР. - 1984. - № 1.
13. Ответы на вопросы судов и ведомств // Бюллетень Верховного суда СССР. - 1985. - № 2.
14. О мерах по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни сельского населения: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 437 от 24 мая 1982 г. // СП СССР. - 1982 - № 17. - Ст. 89.
15. Положение о порядке предоставления служебных жилых помещений: Утв. постановлением СМ ЭССР и ЭРСР от 28 марта 1986 г. № 152 // ВВСР ЭССР. - 1986. - Ст. 237.
16. Бюллетень Верховного суда СССР. - 1987. - № 3.
17. Бюллетень Верховного суда РСФСР. - 1985. - № 3.
18. Гражданское дело Верховного суда ЭССР за № 2-2/740-1986 г.
19. Социалистическая законность. - 1987. - № 2.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА И ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ЛИЦАМ, ПОСТРА- ДАВШИМ ОТ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ

П. А. Варул

1. 7 декабря 1988 г. Верховным Советом Эстонской ССР был принят закон "О внесудебных массовых репрессиях в Советской Эстонии в 1940-1950-е годы" /1/, пункт 4 которого обязал Совет Министров Эстонской ССР разработать порядок возмещения ущерба потерпевшим от массовых репрессий. В соответствии с этим законом 20 февраля 1989 г. Советом Министров ЭССР было принято постановление "О порядке возвращения имущества и возмещения ущерба лицам, пострадавшим в ходе массовых репрессий" /3/. Поскольку в большинстве других республик еще не установлен порядок возмещения ущерба и возвращения имущества, то главной целью данной статьи является разъяснение проблем, возникших в связи с постановлением от 20 февраля 1989 г. и его применением. Некоторая практика относительно таких вопросов в республике уже имеется. Для того, чтобы изложенное было более понятным, в качестве приложения к статье приводится текст постановления от 20 февраля 1989 г. (далее: постановление) /3/.

2. Прежде всего необходимо определить круг тех лиц, которых следует считать пострадавшими от массовых репрессий и у которых вследствие этого возникает право требовать возврата имущества и возмещения ущерба. Соответственно п.1 постановления такое право возникает у тех пострадавших от репрессий, которые реабилитированы. Следовательно, для определения круга интересующих нас лиц необходимо выяснить основания и порядок реабилитации репрессированных. Реабилитация зависит от обстоятельств репрессирования, по которым можно различать несколько групп реабилитированных.

Прежде всего, самая массовая их часть - высланные, т.е. лица, которые были незаконно поселены из Эстонской ССР, что происходило достаточно произвольно и на основании зачастую случайно составленных списков без всякого судебного разбирательства. На официальном языке эти лица

назывались высланными на спецпоселение. В Эстонии наиболее массовые выселения происходили в 1941 и 1949 гг. Соответственно п.2 закона от 7 декабря 1988 г. все высланные реабилитированы. Они реабилитированы на основании закона и поэтому больше ничего не должны доказывать и ни о чем ходатайствовать. Но необходимо получить справку о реабилитации, чтобы начать ходатайствовать о возвращении имущества и возмещении ущерба. Справки о реабилитации выдает Министерство внутренних дел ЭССР.

В следующую группу входят лица, репрессированные на основании приговоров "троек" или "особых совещаний". Эти органы, будучи противоконституционными, создавались для проведения репрессий в упрощенном порядке, заменяя судебные органы. Лица, репрессированные по приговорам этих органов, также признаны реабилитированными, но уже по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов" /2/. Но там же сказано, что реабилитация не распространяется на изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников националистических бандформирований и их пособников, работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления /2, п.1/. Входящие в эту группу лица должны обратиться в Прокуратуру ЭССР, где проверяется наличие обстоятельств, исключающих реабилитацию, и если эти обстоятельства отсутствуют, то там же выдается справка о реабилитации. Если же выяснится, что имеется дело с лицом, на которое реабилитация не распространяется по вышеуказанным причинам, то такое лицо имеет право ходатайствовать о рассмотрении дела в порядке судебного надзора, обратившись с соответствующим заявлением в республиканскую прокуратуру или непосредственно в Верховный суд. Решение выносит Верховный суд.

В третью группу входят лица, репрессированные на основании судебного приговора. Они должны ходатайствовать о своей реабилитации в порядке судебного надзора. Если решение о реабилитации вынесено, то и на них распространяются все права, вытекающие из упомянутого постановления.

Хотя вышеописанными вариантами охвачено большинство репрессированных, имеются все же лица, которые были репрессированы, но не входят ни в одну из указанных групп. Так, людей просто

выгоняли из дома без всяких на то законных оснований, но из республики не высылали и не осуждали. Например, членам семьи репрессированных, которых не арестовали и не высылали, не разрешали дальше жить в своем доме. Или же лица, внесенные в списки высылаемых, т.е. подлежавшие высылке, но которым удалось уклониться от высылки, были вынуждены вследствие этого бросить свой дом и имущество. Такие лица также являются потерпевшими от репрессий, и им следует возратить изъятое имущество или возместить ущерб. Отдельно стоит проблема доказательств того, что репрессирование в действительности все же имело место, так как документов может и не быть. Вопрос о реабилитации следует в таких случаях решать в зависимости от конкретных обстоятельств, и то, кто должен принять решение о реабилитации, зависит также от тех обстоятельств, при которых происходило репрессирование.

Если репрессированный умер, то право требовать возврата имущества и возмещения ущерба имеют его наследники. В этом случае необходимо доказать право наследования, будь то наследование по закону (ст. 536 ГК ЭССР; ст. 532 ГК РСФСР) или по завещанию (ст. 539 ГК ЭССР; ст. 534 ГК РСФСР).

3. Следующая проблема: когда можно требовать **возвращения имущества** и кто должен это делать? Первейшей предпосылкой возможности возвращения имущества является, естественно, то, что данное имущество сохранилось. Если оно имеется в наличии, то далее следует выяснить, как гражданин или организация, во владении которых имущество находится, получили его. Согласно п.6 постановления, реабилитированному возвращают имущество те организации (или их правопреемники) и те граждане (или их наследники), которым имущество было первоначально безвозмездно передано и у которых оно сохранилось. В отношении такого имущества действует внесудебный порядок возврата имущества, предусмотренный в постановлении.

Возникает вопрос: подлежит ли возвращению имущество, приобретенное первоначально за плату или же приобретенное настоящим собственником не как правопреемником (наследником), а куплено или приобретено путем иных сделок? В отношении такого имущества не действует приведенный в постановлении внесудебный порядок, но это имущество от настоящих его владельцев можно истребовать путем предъявления виндикационного иска согласно ст.ст. 155 и 156 ГК ЭССР (ст.ст. 151, 152 ГК РСФСР). Настоящие владельцы в большинстве своем — добро-

совестные владельцы, и истребование от них имущества является, конечно, в их отношении несправедливым; но поскольку это имущество в свое время изъято из владения собственника помимо его воли, то гражданское законодательство отдает предпочтение все же интересам бывшего собственника.

В практике возникла спорная проблема: если имущество находится во владении такого собственника, у которого его нельзя истребовать в порядке, предусмотренном постановлением, то является ли единственной возможностью предъявление виндикационного иска или же можно вообще отказаться от истребования имущества и ходатайствовать о возмещении стоимости имущества в порядке, предусмотренном постановлением? Мы считаем, что тут следует оставить реабилитированному свободу выбора - истребовать имущество у его владельца или ходатайствовать о компенсации со стороны государства. Это было бы одновременно справедливым решением и по отношению к настоящим добросовестным владельцам имущества. Если не оставить возможности такого выбора и говорить, что государство не возмещает стоимости этого имущества ни в коем случае, то в постановлении (п.б) не нужно было определять и круг тех лиц, у которых можно истребовать имущество в определенном постановлением внесудебном порядке, а было бы достаточно положения, что любое сохранившееся имущество подлежит возврату его бывшему владельцу. Установление в положении лишь определенной возможности возврата имущества указывает на то, что в отношении неуказанного здесь сохранившегося имущества есть возможность требовать компенсации от государства.

Но в части того имущества, порядок возврата которого регулируется постановлением, возможности выбора нет - если такое имущество сохранилось, то в случае отказа от него нет возможности требовать компенсации.

Отдельно стоит вопрос о том, что подразумевать под невозможностью возврата имущества (п.2 постановления). Естественно, ясно, что имущество нельзя возвратить тогда, когда его уже нет. А если, например, дом капитально перестроен? Здесь критерием могло бы служить обстоятельство, когда о доме в его прежнем качестве можно говорить не менее чем на 50%. Если качество имущества изменилось более чем на 50%, то уже нельзя говорить о наличии того же имущества, и можно сказать, что его нельзя истребовать. Если же, например, от дома остались одни развалины, возникает вопрос:

может ли собственник отказаться от них и требовать возврата стоимости всего дома, или все же он должен принять сохранившуюся часть, получив возмещение лишь в части износа? Из постановления прямо не вытекает, есть ли у лица в таком случае возможность выбора или нет. Но так как предусмотрено как возвращение имущества вместе с возмещением износа, так и возмещение стоимости всего имущества при невозможности его возврата, то можно сделать вывод, что у лица возможность такого выбора все-таки должна быть, при условии что оно сможет доказать, что сохранившуюся часть имущества (например, развалины жилья) невозможно больше использовать по первоначальному назначению (опять-таки можно пользоваться критерием 50%). Если же данное обстоятельство не найдет подтверждения, то нет права отказываться от возврата имеющегося имущества, чтобы за счет этого получить компенсацию (отказаться можно, ведь нельзя заставить лицо насильно приступить к владению имуществом, но не возникает права на возмещение ущерба в части сохранившегося имущества).

Во многих домах, принадлежавших реабилитированным, сейчас находятся различные общественные учреждения - библиотеки, аптеки и т.д., или в них живут квартиросъемщики. Такие дома принадлежат в основном колхозам и совхозам. Возникает вопрос: являются ли такие обстоятельства достаточным основанием для того, чтобы считать возвращение таких домов невозможным? Считаю, что ответить следует отрицательно, препятствием для истребования имущества не может быть то, как используется имущество в момент его истребования. Критерии истребования даны в гражданском законодательстве (характер владения - добросовестный или недобросовестный; возмездное или безвозмездное приобретение; способ перехода имущества из владения собственника - согласно воле собственника или помимо его воли), и нет никаких оснований расширять их круг. Самостоятельный вопрос заключается в том, что произойдет тогда, когда, например, дом, в котором проживают квартиросъемщики, возвращен реабилитированному. Переход права собственности на данный дом не означает еще прекращения договора найма, заключенного с прежним владельцем, и обязанности квартиросъемщиков освободить помещения. Возникает положение, при котором жильцы дома оказываются в жилищных правоотношениях с бывшим владельцем дома, восстановившим свои права. Данные отношения основываются на жилищном законодательстве и представляют собой правоотноше-

ния между собственником домовладения, принадлежащем ему на основе права личной собственности, и квартиросъемщиками, проживающими в доме. Прекращение данного правоотношения может произойти лишь соответственно действующему жилищному законодательству. Учитывая специфику, вытекающую из описанного положения, когда реабилитированное лицо как собственник домовладения само не заключало договора о найме с теми лицами, которые оказываются живущими в возвращенном ему доме, заслуживает, по-видимому, внимания такое дополнение жилищного законодательства, когда у собственника домовладения, при желании, была бы возможность в более упрощенном порядке, чем до сих пор, получить помещения в свое владение, а квартиросъемщикам было бы в то же время гарантировано получение взамен благоустроенной жилплощади.

Видимо, в дополнительном правовом регулировании нуждается и вопрос о том, что будет с теми учреждениями (библиотеками и т.п.), которые находятся в домах, возвращаемых реабилитированным. Следует избегать положения, при котором восстановление социальной справедливости в отношении одних лиц приводит к несправедливости в отношении других.

4. Если имущество вернуть невозможно, то возмещается его стоимость, при определении которой исходят из действующих в настоящее время цен (п.3). Так как цены по сравнению с временами репрессий значительно повысились, то такое положение является благоприятным для реабилитированных. В постановлении нашел закрепление принцип полного возмещения ущерба, т.е. при возмещении ущерба не указывается никаких высших пределов, возмещению подлежит весь причиненный ущерб. Но в доказательстве нуждается факт, что имущество, стоимость которого взыскивается, имелось в действительности. Так как со времени репрессирования прошло уже довольно много лет, то доказательство того или иного обстоятельства может оказаться достаточно сложным, если не невозможным. Тем более, что в ходе репрессий во многих случаях описи имущества не производилось или же производилось неряшливо и неполно, многие документы в архивах отсутствуют и у самих людей не сохранились. Учитывая это, в постановлении предусматривается, что в случае, если невозможно установить стоимость имущества (т.е. установить состав имущества), то выплачивается компенсация в твердо установленной сумме (п.4). В качестве компенсации предусмотрено 15 000 руб. (если в имущество входили и построй-

ки) или 3 000 руб. (если построек не было). Эти суммы предусмотрены на всю репрессированную семью.

Поскольку взаимосвязь между возмещением стоимости имущества и выплатой компенсации в определенной сумме в постановлении зафиксирована неточно и не совсем удачно, следует сделать некоторые уточняющие замечания, так как на практике в этой части уже возникли некоторые проблемы.

На наш взгляд, следовало бы исходить из того, что в рамках компенсационной суммы не следовало бы требовать никаких особых доказательств (в части построек, конечно, нужно доказать факт их наличия), значение компенсации в том и состоит, что это сумма ущерба предполагаемая, вероятностная. В случае же, если репрессированный утверждает, что у него было больше имущества, чем это покрывается компенсационной суммой, то вся истребуемая сумма должна быть уже подтверждена конкретными доказательствами. Сказанное основывается на предположении, что в репрессированной семье все равно все имели какое-то имущество, которого их лишили, так как с собой они могли взять только минимум. Если же теперь предъявить требование, что и в рамках компенсационной суммы состав имущества должен быть точно доказан, то многим практически невозможно будет ничего получить, поскольку документальный материал очень недостаточный, а наличие свидетелей случайно. В таком случае не нужно было вообще устанавливать компенсацию в определенных размерах, было бы достаточно общего правила - возмещению подлежит ущерб, наличие которого доказано.

Ч.1 п.4 постановления сформулирована неточно, из нее следует, что компенсация подлежит выплате лишь в случае невозможности возмещения стоимости имущества. Возникает вопрос: когда же отсутствует возможность возместить причиненный ущерб? Главной причиной является обстоятельство, что невозможно установить состав имущества. Но состав имущества все равно абсолютно точно установить нельзя из-за давности. Если даже сохранились акты описи имущества, реабилитированный всегда может утверждать, что в действительности имущества было больше. Так как большинство актов описи имущества действительно составлено непрофессионально, а во многих случаях такие акты вообще отсутствуют, то нельзя исходить из тезиса, что доказано лишь то, что записано в актах, а утверждения самого лица в расчет не берутся. Возникает, таким образом, по-

ложение, при котором в рамках компенсационной суммы лицо может представить и не соответствующие действительности данные, компенсацию тем не менее следует выплатить. Такое положение не идет на пользу авторитету законодательства. Правильнее было бы ч.1 п.4 постановления сформулировать, исходя из приведенного выше принципа: компенсационная сумма выплачивается как предполагаемый ущерб, причем размеры ущерба следует доказать тогда, когда ходатайствуют о его возмещении в размерах, превышающих компенсацию.

5. В постановлении предусмотрен упрощенный, внесудебный порядок возвращения имущества и возмещения ущерба. При всех районных и городских исполнительных комитетах созданы соответствующие комиссии (пп.7-9), которым следует представить заявление с ходатайством о возврате имущества или возмещении ущерба. Комиссия должна установить состав возвращаемого реабилитированным имущества и оценить его стоимость. Решение о возврате имущества или возмещении ущерба выносит соответствующий исполнительный комитет. Решение должно быть принято в течение шести месяцев, считая со дня поступления заявления в исполнительный комитет (п.8). Само заявление следует подать не позднее чем в течение трех лет после принятия постановления (т.е. в течение трех лет начиная с 21 февраля 1989 г.) или, при более поздней реабилитации гражданина, в течение трех лет со дня получения известия об этом (п.8). Заявление следует подать в тот районный или городской исполнительный комитет, где проживало лицо во время репрессий. Решение исполнительного комитета может быть обжаловано в Совет Министров Эстонской ССР.

Возмещение ущерба происходит через финансовый отдел из госбюджета. Имущество должны возвратить те, в чьем владении оно находится. В случае если лица, владеющие этим имуществом, откажутся возвратить его реабилитированным, несмотря на решение исполкома, реабилитированный имеет право истребовать имущество в судебном порядке путем предъявления виндикационного иска.

6. Постановлением реабилитируются и некоторые другие вопросы восстановления социальной справедливости в отношении репрессированных, такие, как первоочередное право на жилплощадь и специальный порядок исчисления трудового стажа (п.п.15 и 16). Но некоторые проблемы нуждаются еще в решении, прежде всего возмещение репрессированным причиненного морального и физического ущерба (подпункт 1 п.4 закона от 7 декабря 1988

г. предусматривает также разработку порядка возмещения репрессированным лицам причиненного морального и физического ущерба. Но до сих пор это еще не сделано.)

В заключение можно сказать, что как закон от 7 декабря 1988 г., так и указ от 16 января 1989 г., в особенности же постановление от 20 февраля 1989 г. являются заметным прогрессом, важным шагом на пути к правовому государству, создав прецедент и, таким образом, хорошие предпосылки для дальнейшего совершенствования законодательства как Эстонской ССР и других союзных республик, так и всесоюзного законодательства в данной области.

Использованные материалы

1. О внесудебных массовых репрессиях в Советской Эстонии в 1940-1950-е годы: Закон Эстонской ССР от 7 декабря 1989 г. // Ведомости ЭССР. - 1988. - № 52.
2. О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1989. - № 3.
3. О порядке возвращения имущества и возмещения ущерба лицам, пострадавшим в ходе массовых репрессий: Постановление Совета Министров ЭССР от 20 февраля 1989 г. // Ведомости ЭССР. - 1989. - № 10.

Приложение

В соответствии с Законом Эстонской ССР от 7 декабря 1989 г. "О внесудебных массовых репрессиях в Советской Эстонии в 1940-1950-е годы (Ведомости ЭССР 1988 г., № 52, ст. 754) и в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов" и в целях защиты прав и законных интересов реабилитированных Совет Министров Эстонской ССР п о с т а н о в л я е т:

1. Установить, что всем гражданам, необоснованно репрессированным в Советской Эстонии в 1940-1950 годы и впоследствии реабилитированным (независимо от времени реабилитации), возвращается их имущество или возмещается его стоимость.

В случае смерти реабилитированного имущество возвращается или его стоимость возмещается наследникам умершего.

2. Реабилитированным возвращается конфискованное, изъятое и оставленное в связи с репрессиями имущество (за исключением имущества, гражданский оборот которого запрещается) с денежным возмещением износа. В случае невозможности возвращения имущества возмещается его стоимость.

3. Стоимость имущества определяется следующим образом:

1) стоимость строений и сооружений - по действующим в момент рассмотрения заявления оценочным нормам государственного обязательного страхования с учетом износа на день оставления имущества.

В случае, если строения и сооружения не подвергались государственному страхованию, их оценка производится на основании постановления Совета Министров Эстонской ССР от 11 января 1962 г. № 14 (в изложении постановления Совета Министров Эстонской ССР от 28 ноября 1983 г. № 596 - Ведомости ЭССР, 1984г., № 6, ст. 67);

2) размер компенсации за износ устанавливается на основе разницы между стоимостью строений и сооружений, определенной по подпункту 1 настоящего пункта, и их фактической стоимостью (в момент рассмотрения заявления);

3) стоимость скота, птицы и сельскохозяйственной продукции - по закупочным ценам, действующим в момент рассмотрения заявления;

4) стоимость иного имущества - по розничным це-

нам, действующим в момент рассмотрения заявления, а в случае их отсутствия определяется решением исполнительного комитета с учетом мнения комиссии, указанной в пункте 7 настоящего постановления.

4. Установить, что в случае невозможности возвращения имущества или возмещения его стоимости в установленном пунктом 2 настоящего постановления порядке ущерб возмещается реабилитированному путем выплаты компенсации в точно определенном размере.

Предусмотреть выплату реабилитированным (на репрессированную семью) компенсации за имущество в размере 3 тыс. рублей с возвращением строений и сооружений, выплатой компенсации за износ или возмещением их стоимости или выплатить им компенсацию в размере 15 тыс. рублей за все имущество (включая строения, скот, сельскохозяйственный инвентарь и т.д.).

5. Реабилитированным и их наследникам, заново приобретавшим конфискованное, изъятое или оставленное из-за репрессий имущество, возмещается покупная цена имущества.

Реабилитированным не возвращается национализированное имущество, включая жилой дом (его часть), не возмещается стоимость этого имущества и не выплачивается компенсация.

6. Имущество возвращают реабилитированным государственные органы, предприятия, общественные и кооперативные организации (в том числе колхозы) или их правопреемники или граждане и их наследники, которым имущество было первоначально передано безвозмездно и у которых оно сохранилось.

Стоимость имущества возмещается и компенсация за имущество и его износ выплачивается за счет государственного бюджета.

7. Гор- и райисполкомам создать комиссии по определению возвращаемого реабилитированным имущества, его износа и стоимости с привлечением к их работе необходимых специалистов.

8. Вопросы возвращения имущества и выплаты компенсации за его износ или возмещения его стоимости, а также выплаты компенсации за имущество по заявлениям граждан, указанных в пункте 1 настоящего постановления, решаются вышеназванными комиссиями.

Реабилитированные граждане или их наследники вправе представить в течение трех лет после принятия настоящего постановления, а в случае более поздней реабилитации гражданина - в течение трех лет после уведомления об этом заявление о

возвращении конфискованного, изъятого или утраченного вследствие репрессий имущества в адрес гор- или райисполкома по месту жительства владельца в момент репрессий.

Заявление подлежит рассмотрению в шестимесячный срок со дня поступления его в соответствующий исполнительный комитет.

Установленный срок действует также по заявлениям, поступившим в исполнительный комитет до принятия настоящего постановления.

Заявления, предоставленные по уважительным причинам по истечении трехгодичного срока, рассматриваются исполнительным комитетом в том же порядке.

9. Комиссия устанавливает состав имущества, подлежащего возвращению реабилитированному, и устанавливает его стоимость на основании документов о конфискации, изъятии и реализации имущества, затребованных у архивов и других учреждений.

В случае отсутствия или неполной сохранности указанных документов комиссия устанавливает состав возвращаемого имущества на основании других доказательств.

Наследникам реабилитированных возвращается имущество или выплачивается компенсация за его износ, возмещается стоимость имущества или выплачивается компенсация за имущество при представлении завещания, свидетельства о праве на наследство или других документов, удостоверяющих наследование по закону, а наследникам, входящим в состав крестьянского хутора или колхозного двора - при представлении документа, удостоверяющего их отношение к крестьянскому хутору или членство в колхозном дворе.

10. Гор- или райисполком принимает решение о возмещении материального ущерба с учетом акта, составленного указанной в пункте 7 настоящего постановления комиссией, и:

1) обязывает государственные органы и предприятия, первоначально получившие имущество безвозмездно, и рекомендует общественным кооперативным организациям (в том числе колхозам) или их правопреемникам, или гражданам и их наследникам, у которых находится имущество, возратить его без взъясания с получателей расходов на хранение имущества;

2) дает финансовым органам поручение о выплате предусмотренных в пунктах 2 и 4 настоящего постановления сумм за счет средств государственного бюджета.

11. Государственные органы и предприятия возвращают реабилитированному имущество и выплачивают компенсацию за его износ, возмещают стоимость имущества или выплачивают компенсацию за имущество в установленные гор- или райисполкомом сроки, но не позднее одного года после принятия исполнительным комитетом соответствующего решения.

12. Решение гор- или райисполкома о возвращении имущества, возмещении стоимости имущества и выплате за его износ или выплате компенсации за имущество может быть обжаловано заявителем в Совет Министров Эстонской ССР.

13. Связанные с возвращением имущества споры между реабилитированными и их наследниками с одной стороны и государственными органами, предприятиями, общественными и кооперативными организациями (в том числе колхозами) и гражданами с другой стороны разрешаются в судебном порядке.

14. Министерству юстиции ЭССР совместно с заинтересованными органами подготовить и представить в Президиум Верховного Совета Эстонской ССР проект законодательного акта о порядке освобождения реабилитированных и их наследников от уплаты судебных расходов по спорам, возникающим в связи с применением настоящего постановления, и о начале исчисления срока исковой давности по предъявляемым искам о возвращении имущества репрессированных.

Принято к сведению, что Министерство финансов ЭССР освободило наследников реабилитированных от уплаты государственной пошлины за выдачу им свидетельства на право наследства.

15. Реабилитированные, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, имеют право на получение жилого помещения вне очереди, они принимаются также вне очереди на учет желающих вступить в жилищно-строительный кооператив. При желании им выделяется вне очереди участок для индивидуального жилищного строительства.

Реабилитированные, проживающие в настоящее время за пределами республики, вправе возвратиться в Эстонскую ССР и получить жилое помещение в случае невозможности возвращения им жилых помещений, которыми они пользовались до репрессий. Жилое помещение предоставляется им исполнительным комитетом местного Совета или государственным органом, предприятием, общественной или кооперативной организацией (включая колхоз), на чьей территории находится их прежнее место жительства или в чьем доме они проживали.

16. Установить, что у указанных в настоящем постановлении реабилитированных граждан:

1) время пребывания в ссылке и местах заключения включается в их общий, непрерывный и специальный трудовой стаж;

2) время оплачиваемой работы после их возвращения из ссылки или места заключения включается в непрерывный трудовой стаж, если период с момента получения уведомления об освобождении из ссылки или места заключения и днем поступления на работу не превышает шести месяцев, при этом не учитывается время проезда до места жительства;

3) время пребывания в местах заключения или в ссылке в районах Дальнего Севера и приравненных к ним местностях включается в трудовой стаж, дающий право на получение пенсии на льготных условиях.

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ В КАЧЕСТВЕ ИСХОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ВОПРОСОВ

И. Ю. Кулл

В решениях XXVII съезда КПСС и последующих пленумов ЦК КПСС большое значение придается вопросам социального преобразования села. Мероприятия, проводимые по социальному развитию сельских трудовых коллективов, предусмотрены в разделе Продовольственной программы "Улучшение социально-бытовых условий жизни на селе", а также в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 мая 1982 г. "О мерах по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни сельского населения" и в других законодательных актах, принятых на основе Продовольственной программы.

В качестве основных задач социальной политики нашего государства выдвигается непрерывное улучшение условий жизни и труда советских людей, все более полное осуществление во всех сферах общественных отношений принципа социальной справедливости сближения классов и социальных групп и слоев, преодоление существовавших различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней /15, с. 37/.

Решение экономических и социальных задач взаимосвязано и взаимообусловлено. Дальнейшая интенсификация общественного производства в условиях повышения роли человеческого фактора все в большей мере будет зависеть от уровня развития социальной инфраструктуры села, от уровня культуры сельского населения. Задачей социальной инфраструктуры является удовлетворение материальных и культурных потребностей всех членов общества. Нормальное существование всех членов общества имеет в виду возможность в равной мере пользоваться духовными благами, участие в общественной деятельности, возможность отдыха, общения с другими людьми /7, с. 18/.

Долгое время политика нашего государства была направлена на наращивание производственной сферы. На развитие социальной сферы на селе не обращалось должного внимания. В результате этого

возникло серьезное отставание сельскохозяйственного производства. Поэтому в проблемах комплексного социально-экономического развития села важное место отводится непроизводственной сфере. Именно она должна обеспечить качественное улучшение условий жизни сельского населения.

В связи с проблемой улучшения условий жизни сельского населения высказана мысль, что необходимо содействовать сближению условий жизни между сельским и городским населением /2, с. 76/. Думается, что в наше время надо пересмотреть суть такого сближения, подразумевая под этим в первую очередь равные возможности удовлетворения различных потребностей, в том числе и культурных.

Активная социальная политика, несомненно, стимулирует закрепление кадров на селе, развитие производственного и социального потенциала в целом /2, с. 76/. Этот процесс, конечно, двусторонний. С одной стороны, от уровня развития общественного производства зависит выделение ресурсов на развитие социальной инфраструктуры. С другой - развитие этой инфраструктуры является обязательной предпосылкой дальнейшего развития самого общественного производства. В какой степени и в каких размерах они взаимообусловлены - требует еще всестороннего изучения на основе социологических исследований.

Первостепенное развитие социальной сферы предусматривается и такими законодательными актами, как Примерный Устав колхоза и "Закон о государственном предприятии (объединении)". В настоящее время колхоз - это такой социальный комплекс, в котором решаются вопросы не только увеличения и расширения производства, но и преобразования всей жизни деревни, воспитания нового человека. Закон о государственном предприятии (объединении) возлагает на государственные сельскохозяйственные предприятия обязанности в области социального развития коллектива.

Именно социальная сфера деятельности сельскохозяйственных предприятий обретает в наши дни особое значение, поскольку перестройка - это и приоритетное удовлетворение потребностей людей в хороших условиях труда и быта, отдыха, забота о духовном богатстве, культуре каждого человека /11, с. 16/. Существующие факторы развития - научно-технический прогресс, эффективность и интенсификация - не функционируют без образованного, культурного человека.

Общественные связи, обеспечивающие многообразные запросы людей, охватывают разнообразные

стороны их жизни и деятельности. Основные жизненные заросы людей зафиксированы правом. Так, в Конституции СССР зафиксировано право на жилье, образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и т. д. Выполнение этих конституционных прав обеспечивается другими отраслями права. В литературе даны разные деления прав граждан. Ясно одно - советское право действительно устанавливает ряд прав граждан на удовлетворение личных потребностей. Их классификация зависит от основы классификации. Подобной основой может быть и подробное определение содержания социально-культурной сферы деятельности общества.

Понятие "социально-культурное" включает такие сферы жизнедеятельности людей, как народное образование, культура, наука, физическая культура и спорт, здравоохранение, социальное обеспечение /17, с. 3/. Но подобное определение явно не охватывает всех сторон социально-культурной сферы деятельности общества.

Социальная сфера деятельности общества гораздо шире. Сюда входит все, что связывается с нормальным существованием человека, с его жизнью, с созданием условий для участия в трудовом процессе общества. В то же время создание условий жизни и участия в трудовом процессе составляет и основную деятельность огромного количества людей. Наряду с понятием "социально-культурная сфера жизни" существует и понятие "культурно-бытовое обслуживание". На наш взгляд, "быт" - более узкое понятие, и оно представляет только одну часть социальной сферы общественной жизни.

Несмотря на возросший интерес к социально-культурной сфере жизни общества, в юридической литературе вопросы правового регулирования этой сферы не изучены. Так, социальным правам работников сельского хозяйства посвящено только одно исследование - монография А.И. Бобылевой /1/. Вопросы правового регулирования культурного обслуживания сельского населения не освещаются ни в одной статье.

Для удовлетворения различных потребностей - материальных и духовных - функционирует служба быта сельского населения. Деятельность работников просвещения, культуры, предприятий непромышленных подотраслей бытового обслуживания, а также органов государственного управления, общественных организаций рассматривается как нематериальное обслуживание /5, с. 8-9/. Говоря о культурном обслуживании сельского населения и о правовом регулировании этой деятельности, нас прежде всего

интересует вопрос, что из себя представляет культура. От раскрытия понятия культуры зависят формы культурного обслуживания и их правовая регламентация.

Определение понятия культуры не является задачей юристов. Поэтому мы вынуждены обратиться к достижениям и выводам других отраслей науки.

Как правило, культурные услуги определяются как нематериальные, предназначенные удовлетворять возрастающие запросы различных категорий населения, обеспечить необходимые возможности для самостоятельного художественного творчества, развивать способности людей /5, с. 9/.

Однако данное определение не дает возможности указать конкретную сферу культурного обслуживания, предмета правового регулирования.

Теория культуры в нашей стране стала формироваться и развиваться преимущественно в плане философии /10, с. 57/. Наиболее распространенным был подход к определению культуры как положительным достижениям общества. Так, в Большой Советской Энциклопедии культура рассматривается как исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях /3, с. 594/.

Выделяется форма и сущность культуры. Существование культуры в предметной форме в результате человеческой деятельности понимается как внешняя форма существования. Содержанием культуры считают процесс постепенного исторического развития человеческих сил и способностей, воплощающихся во всем богатстве и многообразии создаваемой людьми предметной действительности /12, с. 19/. В данном случае культуру трактуют как свойство самих людей, находящихся на определенном уровне своего духовного развития.

Культуру рассматривают и как в виде духовного богатства, которое включает в себя нормы морали, навыки эстетического преобразования среды, потребность осмысливать жизнь с помощью искусства и философии, интерес к природе и обществу /18, с. 2/. Культуру понимают и как систему средств обеспечения целесообразного функционирования социального организма, как сферу самореализации, самосознания человека /4, с. 183/.

В последнее время, в связи с преобразованиями во всех сферах жизни общества, с необходимостью восстановить этические и гуманистические ценности, вопросы культуры и культурности стали

особенно актуальными. Поэтому происходит переоценка всех теорий, в том числе и теории культуры. Понятие культуры стало довольно широким, исходящим из конкретных целей определения ее понятия. Поднят вопрос о необходимости выработки новой концепции культуры. Но пока такая концепция еще не предлагалась. Намечены только некоторые тенденции, а именно: более точный учет исторического происхождения культуры, многогранность ее, национальные корни и особенности культуры, необходимость хранения и изучения культурного наследия, участие общественности в культурном движении и др. Не ожидая новой концепции о культуре, мы учтем в дальнейшем исследовании все новые тенденции в культурном движении.

Особое внимание обращается на эстетическое и нравственное воспитание как на сферу культурной деятельности или же на образование как на источник культуры. Здесь, видимо, возникает вопрос уже не о культуре в общем плане, а о влиянии культуры на различные сферы действия человека, о культурном человеке.

Действительно, критерием культурности должен быть комплексный показатель: в какой степени и как в личности человека интегрированы интеллектуальное, нравственное и мировоззренческое, художественное развитие /9, с. 3/.

Названные аспекты культуры несомненно существенны, но не раскрывают всех сторон этого многогранного и сложного явления. Можно согласиться с тем, что культуру следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, это продукты культуры, взятые в их функционирующем состоянии, скажем, произведения научного и художественного творчества. Во-вторых, это рассмотрение культуры как производства, распределения и потребления ее продуктов /10, с. 76/.

Большинство исследователей трактует культуру как способ человеческой деятельности /8, с. 16; 2, с. 199; 12, с. 21; 16, с. 11/. Здесь надо учитывать, что понятие культурной деятельности носит двоякий характер. С одной стороны, это "вертикальный срез" целостной системы социальной деятельности человека, рассматриваемый под одним специфическим углом зрения. В этом контексте мы можем говорить о политической, экономической, нравственной, бытовой и т.д. культуре. Ее можно понимать как культурность всей деятельности человека. С другой стороны, это особая сфера человеческой деятельности, механизм функционирования культуры, деятельность, направленная на раскрытие

и опредмечивание сущностных сил человека /16, с. 15/.

Авторы, трактующие культуру с функциональной точки зрения, выделяют четыре вида культурной деятельности: производство, распространение, сохранение и потребление ценностей духовной культуры. В данном случае рассматривается культурная деятельность именно как особая сфера человеческой деятельности. Эти две стороны понятия культурной деятельности можно назвать широким понятием "культура", поскольку они охватывают все явления, связанные с ним.

К пониманию культуры как к способу деятельности авторы подходят по-разному. В некоторых случаях данный способ человеческой деятельности отождествляют с понятием "технология деятельности", у других она рассматривается как "внебиологический способ деятельности людей", где культурная деятельность понимается именно как нечто человеческое, искусственное по сравнению с природной /16, с. 36/.

Наиболее распространен подход к культуре как синониму творческой деятельности /2, с. 199/. В этих трактовках культуры творческая деятельность направлена на преобразование окружающего мира; природы, общественных отношений и самого человека. Но творчество здесь понимается как созидание в противоположность разрушению. В таком понимании творческая деятельность включает в себя не только создание уникальных результатов, но и их репродукцию, их усвоение и освоение, поскольку она является активным процессом, в ходе которого происходит преобразование внутреннего мира человека, формирование в нем новых культурных потребностей.

С юридической точки зрения наиболее приемлема трактовка культуры как творческих сил, духовных потенций человека в деятельности разных видов /16, с. 36/. Подобный подход даёт возможность определить и сферу правового регулирования, учитывая компоненты культурной деятельности (производство, распределение, сохранение и потребление).

Распространено также деление культуры на материальную и духовную, происходящее соответственно двум основным видам производства. Именно материальное и духовное производство предстают как две основные социальные сферы развития культуры.

Материальная культура охватывает всю сферу материальной деятельности и ее результаты. К материальной культуре относят обычно культуру мате-

риального производства и быта, поскольку и ценности в этих сферах носят преимущественно предметный характер и свидетельствуют о степени проявления и развития сущностных сил человека в сфере материального производства, хотя, несомненно, в сфере материального производства имеет место и духовная сторона /12, с. 24/.

Духовную культуру связывают с духовным производством, так как именно достижения науки, нравственные и эстетические ценности свидетельствуют о степени проявления и развития сущностных сил человека. Эти ценности могут существовать и в предметной форме (книги, картины и т.д.). Но не менее важной формой их проявления служит деятельность, не воплощающаяся в предметах /12, с. 24/. Именно производство общественного сознания, или духовное производство, образует сферу развития духовной культуры /3, с. 596/.

Совокупность идей, теорий и учений составляет предметную форму духовной культуры. Здесь нужно подчеркнуть именно творческое содержание духовной деятельности и складывающиеся отношения между людьми /12, с. 26/.

Основанием деления культуры на духовную и материальную является функциональная характеристика явлений культуры. Критерием различения считают выполнение ими двух функций: 1) преобразование биофизической среды, самого человека и 2) воздействие на психику людей с целью регуляции их поведения. Имеются в виду доминантные функции, так как они носят полифункциональный характер /10, с. 75/.

Деление культуры на материальную и духовную, конечно, ограничено и имеет конкретные цели. Различия между материальной и духовной культурой относительны, они выступают частями целостной системы культуры в широком смысле.

В ходе развития общества происходит все большая интеграция этих форм культуры. Возрастает роль материальной стороны массовой информации и пропаганды в печати, по телевидению, радио, кино, появление домашних средств потребления культуры (телевизор, магнитофон, видеомагнитофон и т.д.). В то же время в материальной культуре растет роль духовной ее стороны, роль производственной этики и культуры /12, с. 24/.

Материальная и духовная культуры не являются обособленными сферами человеческой деятельности. Здесь рассматривается социальная деятельность человека в широком смысле под специфическим углом зрения - в культурном аспекте.

Для определения сферы правового регулирования, конкретно – культурного обслуживания, кажется обоснованным рассмотреть именно функциональную сторону культуры. Функциональная сторона культуры выражается, как уже говорилось, в производстве ценностей и норм, их сохранении – распределении, обмене и потреблении.

Сфера культуры призвана удовлетворять возрастающие запросы различных категорий населения, обеспечивать возможности для самостоятельного творчества, развивать способности и высокие эстетические вкусы /14, с. 58/. Средством достижения названных целей культурной деятельности является обмен духовной деятельностью – идеями, навыками, научными и духовными моделями мира и т.д. В такой социальной деятельности проявляются сущностные силы (присвоение части духовного, социального богатства общества) людей /8, с. 9-10, 24/.

Способом реализации культурной деятельности является прежде всего производство духовных ценностей, которое обуславливает в свою очередь его потребление людьми. Потребление духовных благ может быть пассивным, а также активным творческим процессом. Именно в таком активном процессе можно формировать духовные потребности, влиять на духовное развитие людей /12, с. 35/.

Не менее важным и актуальным стал в наше время вопрос о сохранении культурных ценностей. Но здесь имеется в виду не только музейно-архивное сохранение, но и обеспечение возможностей функционировать в современной культурной среде.

Распространение и репродуцирование осуществляются через систему народного образования, средствами массовой информации и пропаганды, учреждениями культуры (театры, музеи, клубы, библиотеки и т.д.), социальными институтами /12, с. 36/. Конечно, в деятельности некоторых из них можно выделить и другие функции помимо распространения и репродуцирования духовной культуры. Например, ряд социальных институтов специально предназначен для осуществления духовного производства (творческие союзы, любительские кружки), но в их деятельности отводится место и распространению духовной культуры. Существуют и учреждения культуры, занимающиеся только распространением культуры (кино, концертные организации).

В культурной деятельности возникают общественные отношения, разные по содержанию и кругу субъектов. Некоторые из них регулируются правом, иные – другими видами социальных норм.

При рассмотрении культуры с разных сторон возникает вопрос, можно ли вообще определить понятие культуры, дать универсальное определение ее. Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько мы в состоянии довести абстрактное понятие культуры до живого представления о ней.

Культура в целом - это не только совокупность входящих в нее элементов, но и организация этих элементов, единство, придающее им смысл и оправдание /16, с. 138/.

Задачей общества нынешнего этапа является более полное использование всех возможностей разных социальных институтов, более согласованная их деятельность, увеличение различных новых форм, активное участие населения, учет интересов, демократический учет государственными органами потребностей масс и т.д. Этому должно способствовать и право. Возникают и такие проблемы: в какой части культура вообще подчиняется правовому регулированию, насколько право может тормозить или развивать культуру, каким образом право учитывает особенности культуры, особенно ее национальный характер, в каких формах осуществляется культурное обслуживание, какова роль права в регулировании этой деятельности и др.

Исходным пунктом для изучения этих вопросов является, на наш взгляд, само толкование культуры.

Использованные материалы

1. Бобычев А.И. Социальные права работников сельского хозяйства. - М.: Профиздат, 1984.
2. Боголюбова Е.В. Культура и общество: (Вопросы истории и теории). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
3. Большая советская энциклопедия / Гл.ред. А.М. Прохоров. - М.: Сов. энцикл., 1976.
4. Диалектика деятельности и культура / Отв.ред. В.Т. Табачковский, А.Н. Яценко - Киев: Наукова думка, 1983.
5. Закарая Г.К. Управление бытовым обслуживанием населения: Административно-правовые проблемы. - М.: Юрид.лит., 1981.
6. Кабалкин А. Сфера обслуживания и закон / Научн.ред. Б. Лазарев. - М.: Моск. рабочий, 1975.

7. Культурная деятельность: Опыт социологического исследования / Отв. ред. Л.Н. Коган - М.: - Наука, 1981.
8. Лаанемяэ А. Формирование духовной культуры: (Опыт и проблемы). - Таллинн: Ээсти раамат, 1988.
9. Макарян Э.С. Теория культуры и современная наука: (Логико-методологический анализ). - М.: Мысль, 1983.
10. Материалы пленума Центрального Комитета КПСС 27 - 28 января 1987. - М.: Политиздат, 1987.
11. Основы марксистско-ленинской теории культуры: Уч. пособие / Под.ред. А.И. Арнольдова. - М.: Высш. шк., 1976.
12. Примерный устав колхоза: Принят III Всесоюзн. съездом колхозников 27 ноября 1969 г. Изм. и доп. внесены собр. представителей советов колхозов союзн. респ. 20 марта 1980 г. - М.: Колос, 1980.
13. Программа коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. - М.: Изд-во полит. лит., 1986.
14. Свасеян К.А. Человек как творение и творец культуры // Вопросы философии. - 1987. - № 6. - С. 132-138.
15. Ханова О.В. Культура и деятельность / Под ред. Г.Л. Фоминой. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.
16. Шабайлов В.И. Правовое регулирование социально-культурной деятельности / Научн. ред. В.А. Круталевич. - Минск: Наука и техника, 1982.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

А.Х. Линдмяэ

В связи с перестройкой всего нашего хозяйственного механизма радикальные решения принимаются и в области внешнеэкономической деятельности. В соответствии с новыми нормативными актами, принятыми в СССР, в настоящее время стали возможными новые формы сотрудничества советских предприятий с предприятиями и фирмами социалистических, капиталистических и развивающихся стран в форме совместных хозяйственных организаций на территории СССР¹. Законодательство допускает создание на территории нашей страны трех видов совместных хозяйственных организаций: совместных предприятий (в дальнейшем СП), международных объединений и совместных организаций².

В настоящей статье рассматривается самая распространенная на практике форма совместных хозяйственных организаций - совместное предприятие. По состоянию на июнь 1989 г. в СССР было зарегистрировано около 400 СП /3, с. 13/. В статье дается также краткий обзор развития советского законодательства по вопросам создания СП и раскрывается действующий в настоящее время порядок создания СП.

¹В юридической практике не сформировалось пока единого понятия совместных хозяйственных организаций. Подчеркивается, что по формальным признакам совместные хозяйственные организации образуются на началах членства хозяйственных организаций, они управляются участниками совместно, располагают обособленным имуществом и действуют в качестве юридического лица /1, с. 63/.

²О сущности и признаках этих организаций см. /2, с. 34-39/.

Первым по времени нормативным актом, в котором предусмотрена возможность создания на территории СССР совместных хозяйственных организаций, был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1983 г. "О порядке осуществления деятельности на территории СССР совместных хозяйственных организаций СССР и других стран - членов СЭВ" /4/. В п.1 Указа устанавливается, что эти организации создаются на территории СССР в соответствии с договоренностями между правительством СССР и правительствами заинтересованных стран - членов СЭВ. Следует подчеркнуть, что в Указе не делается какой-либо конкретизации возможных правовых форм (в том числе и СП), в которых могут быть организованы совместные хозяйственные организации.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 992 от 19 августа 1986 г. /5/ уже предусмотрены конкретные организационные формы сотрудничества советских объединений, предприятий и организаций с соответствующими организациями других стран - членов СЭВ. Среди них СП характеризуются как организации, создаваемые на территории СССР или других стран содружества на базе общей социалистической собственности участников. В п.15 постановления отмечается, что СП создаются на основе международных договоров СССР. Там же указывается, что предложения о создании СП вносятся отраслевыми министерствами, ведомствами СССР и Советами Министров союзных республик для последующего рассмотрения их в Совете Министров СССР.

Важным шагом, направленным на создание правовой базы для учреждения и деятельности в СССР СП, стало принятие 13 января 1987 г. трех нормативных актов: Указа Президиума Верховного Совета СССР /6/ и постановлений Совета Министров СССР № 48 /7/ и № 49 /8/.

Указ от 13 января 1987 г. предусматривал наряду с созданием СП социалистическими странами также создание СП с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран; постановления от 13 января 1987 г. № 48 и 49 охватывают в принципе весь круг вопросов по организации и деятельности СП. Конкретный порядок создания СП фиксируется соответственно в пунктах 4 и 2 постановлений № 48 и 49, согласно которым предложения о создании СП вносятся заинтересованными организациями в министерства и ведомства, в систему которых они входят, а республиканские министерства и ведомства пред-

ставляют такие предложения в Советы Министров соответствующих союзных республик. Предложения о создании СП согласовываются указанными министерствами и ведомствами СССР и Советами Министров союзных республик с Госпланом СССР, Министерством финансов СССР и другими заинтересованными министерствами и ведомствами. Согласованные предложения о создании СП вносятся в Совет Министров СССР.

Таким же образом предусматривался и разрешительный порядок создания СП. Сущность его заключалась в том, что условием создания СП являлось разрешение Совета Министров СССР, который проверял законность и целесообразность создания соответствующей организации. Следует отметить, что такой порядок создания СП характеризуется сложностью и довольно высокой степенью администрирования. В решении вопроса о целесообразности создания СП принимают участие многие учреждения, и вся эта процедура требует немало времени.

30 июня 1987 г. Верховный Совет СССР принял Закон СССР "О государственном предприятии (объединении)" /9/, в котором среди других прав предприятия в области внешнеэкономической деятельности говорится и о возможности создания СП. В п.3 статьи 19 Закона устанавливается, что порядок создания и деятельности СП на территории СССР определяется согласно законодательству СССР.

В перечисленные акты от 13 января 1987 г. были внесены весьма существенные изменения постановлением Совета Министров СССР № 1074 от 17 сентября 1987 г. /10/. Согласно п.2 этого постановления право самостоятельного принятия решений о создании СП предоставлено министерствам и ведомствам СССР, а также Советам Министров союзных республик. Разумеется, предоставление упомянутым государственным органам этого права не освобождает их от согласования вопросов о создании СП с другими соответствующими государственными органами.

С целью упрощения организационной процедуры, сокращения сроков создания СП, уменьшения числа инстанций, в которые надлежит обращаться партнерам создаваемого СП, постановление Совета Министров СССР № 1405 от 2 декабря 1988 г. /11/ совершенствовало порядок создания таких предприятий. В п.35 постановления определяется, что окончательное решение об учреждении СП принимается самими государственными предприятиями,

объединениями и организациями с согласия их вышестоящих органов управления. Ранее такое решение принималось в Совете Министров СССР, а потом министерствами и ведомствами. Здесь можно проследить тенденцию к децентрализации.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 7 марта 1989 г. № 203 /12/ в СССР установлена система государственного регулирования внешнеэкономической деятельности, следовательно, все эти элементы относятся и к СП.

Итак, можно отметить, что процедура создания СП претерпела ряд изменений. На основании указанных общесоюзных нормативных актов в настоящее время в процессе образования СП можно выделить несколько стадий:

1. подготовительная стадия. На этом этапе проводятся определенные подготовительные работы. Они охватывают проявление инициативы со стороны самого предприятия или объединения, выбор партнера, проведение с ним предварительных переговоров, составление технико-экономического обоснования, разработку проектов учредительных документов и т.д. /2, с. 42/;

2. решение вопроса о создании СП самими государственными предприятиями, объединениями и организациями с согласия их вышестоящих органов управления и подписание учредительных документов;

3. после вступления в силу учредительных документов (в момент их подписания) организация должна быть зарегистрирована в Министерстве финансов СССР. С момента регистрации организация приобретает права юридического лица (п.9 постановлений № 48 и 49).

При регистрации СП исходят из специальной Инструкции Министерства финансов СССР от 24 ноября 1987 г. № 224 /13/. В п.4 инструкции определяется, что регистрация осуществляется Управлением государственных доходов Министерства финансов СССР на основании письменного заявления одного из участников СП. Зарегистрированной организации выдается справка о регистрации. На основании этой справки СП публикует сообщение о своем создании (п.9 инструкции).

После окончания процесса образования СП наступает период, в течение которого создаются материальные, организационные и иные условия для его деятельности (завершается формирование органов СП, принимаются необходимые нормативные документы, определяющие отношения внутри организации и т.д.) /2, с. 55/.

Если в общесоюзном законодательстве намечается тенденция к упрощению создания СП, то в Эстонии сохранен более сложный порядок, по которому вопрос о создании СП, по существу, решает Совет Министров ЭССР.

При этом в постановлении Совета Министров Эстонской ССР от 27 февраля 1989 г. № 90 /14/ можно наблюдать некоторую противоречивость при решении этого вопроса. Так, в п.1 постановления подчеркивается, что в основе его лежит постановление Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 г. № 1405 (где зафиксирован упрощенный порядок создания СП). В то же время в п.9 указано, что создание СП в Эстонии производится в установленном Советом Министров Эстонской ССР порядке. Конкретный порядок создания СП в Эстонии зафиксирован в протоколе № 4 оперативной комиссии президиума Совета Министров Эстонской ССР от 13 февраля 1989 г. /15/. Там указывается, что вопрос о создании СП прежде всего координируется через Госплан ЭССР заинтересованными всесоюзными министерствами и ведомствами, а проекты учредительных документов СП дополнительно согласовываются до представления их в Совет Министров ЭССР с местными органами власти, Министерством финансов ЭССР, Госпланом ЭССР, Госстроем ЭССР, Госснабом ЭССР и другими заинтересованными министерствами и комитетами республики. Несомненно, согласование в какой-то степени является необходимым, но при этом недопустимо, чтобы сложность системы стала препятствием для создания СП. В таком случае следует упростить процедуру создания СП.

Если говорить о практике других стран - членов СЭВ, то в настоящее время социалистические страны принимают меры по упрощению организационной процедуры, сокращению сроков создания СП. Уменьшается число согласований, упрощается процедура рассмотрения учредительных документов. В Венгрии, например, в последние годы центральные органы проверяют их только с точки зрения соответствия целям экономической политики страны и законодательству, а решение всех конкретных экономических и юридических вопросов полностью осуществляется по усмотрению партнеров /16, с. 134/.

Как показывает опыт, этап согласований и решений вопроса о создании СП можно по существу сократить. Так, в Венгрии есть особый орган - межведомственная комиссия, где представлены все заинтересованные в деятельности СП учреждения. В

настоящее время в Венгрии и Польше установлен срок, в течение которого должен быть получен ответ от национальных руководящих органов по вопросу создания СП. В Венгрии Министерство финансов должно дать разрешение на ведение переговоров о создании СП в течение месяца. В Польше на выдачу разрешения на учреждение СП отводится три месяца /16, с.134/.

Развитие законодательства СССР по созданию и деятельности СП в течение последних двух лет резко изменилось, и с точки зрения правового регулирования этот процесс стал динамичным. Однако есть еще много возможностей совершенствования правового регулирования отношений по вопросам создания СП. Здесь следует учитывать практику как других социалистических стран, так и развитых капиталистических стран. В целом же можно отметить, что развитие правового регулирования СП на территории СССР происходит довольно быстрыми темпами. При этом условия создания и деятельности СП становятся более льготными.

Литература

1. Правовые формы организации совместных производств стран - членов СЭВ / Под общей ред. Усенко Е.Т. - М.: Наука, 1985. - 228 с.
2. Совместные предприятия, международные объединения и организации на территории СССР: Нормативные акты и комментарии / Отв. ред. Голубов Г.Д. - М.: Юрид. лит., 1988. - 544 с.
3. Драйден С. Деловые отношения преодолевают политические границы: Сотрудничество и проблемы. - Экономическая газета. - 1989. - № 23.
4. О порядке осуществления деятельности на территории СССР совместных хозяйственных организаций СССР и других стран - членов СЭВ: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1983 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1983. - № 22. - Ст. 330.
5. О мерах по совершенствованию управления экономическим и научно-техническим сотрудничеством с социалистическими странами: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1986 г. № 992 // СП СССР. - 1986(1). - № 33. - Ст. 172.

6. О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1987 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1987. - № 2. - Ст. 35.
7. О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций СССР и других стран - членов СЭВ: Постановление Совета Министров СССР от 13 января 1987 г. № 48 // СП СССР. - 1987(1). - № 8. - Ст. 38.
8. О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран: Постановление Совета Министров СССР от 13 января 1987 г. № 49 // СП СССР. - 1987(1). - № 9. - Ст. 40.
9. Закон Союза Советских Социалистических Республик о государственном предприятии (объединении): Утв. Законом СССР от 30 июня 1987 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1987. - № 26. - Ст. 385.
10. О дополнительных мерах по совершенствованию внешнеэкономической деятельности в новых условиях хозяйствования: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 сентября 1987 г. № 1074 // Внешняя торговля. - 1987. - № 11. - С. 4-10.
11. О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий и организаций: Постановление Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 г. № 1405 // СП СССР. - 1989(1). - № 2. - Ст. 7.
12. О мерах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности: Постановление Совета Министров СССР от 7 марта 1989 г. № 203 // Экономическая газета. - 1989. - № 13. - С. 21-23.
13. О порядке регистрации совместных предприятий, международных объединений и организаций, создаваемых на территории СССР с участием советских и иностранных организаций: Инструкция Министерства финансов СССР от 24 ноября 1987 г. № 224 // Внешняя торговля. - 1988. - № 1. - Приложение.

14. О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций: Постановление Совета Министров Эстонской ССР от 27 февраля 1989 г. № 90 // Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР. - 1989. - № 12. - Ст. 134.
15. Протокол № 4 оперативной комиссии Президиума Совета Министров Эстонской ССР от 13 февраля 1989 г. Создание совместного предприятия (методический материал) - Таллинн: Изд-во ТПИ, 1989. - Отд.1.д.1.
16. Яковлева Е.Л. Смешанные общества в практике стран - членов СЭВ. - М.: Междунар. отношения, 1989. - 160 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, СОЗДАВАЕМЫХ НА ТЕРРИТОРИИ СССР С УЧАСТИЕМ ФИРМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

А. А. Сийбак

Одним из вопросов внешнеэкономической деятельности СССР, вызывающих в последнее время исключительный интерес как внутри нашей страны, так и за рубежом, является создание совместных предприятий с иностранными фирмами. В истории Советского государства вопрос о деятельности на территории страны совместных предприятий с участием иностранного капитала возникает второй раз. Впервые они стали создаваться в начале 20-х годов в период введения в стране новой экономической политики. Переход к созданию вновь совместных предприятий как форме международного сотрудничества произошел не вдруг и не сразу. Более двух десятилетий назад в СССР началось освоение лицензионной торговли. К середине 80-х годов число закупленных лицензий приблизилось к тысяче, большое количество лицензий на советские научно-технические достижения было продано западным фирмам. В то же время начали появляться договоры о производственной кооперации, которые предусматривали взаимные поставки кооперированной продукции /1, с. 12/.

Настоящая статья посвящена только некоторым вопросам правового статуса совместных предприятий, создаваемых на территории СССР с участием фирм капиталистических стран. Делается попытка на основе нормативных актов и имеющейся литературы проанализировать основные вопросы правового статуса совместных предприятий.

Совместными Постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1986 г. № 991 /2/ и № 992 /3/ были предусмотрены меры, направленные на коренное совершенствование управления внешнеэкономическим комплексом, экономическим и научно-техническим сотрудничеством с другими странами.

13 января 1987 г. были изданы Указ Президиума Верховного Совета СССР "О вопросах, связанных

с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления" /4/ и Постановление Совета Министров СССР № 49 "О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран /5/ (далее - Постановление № 49).

Постановлениями Совета Министров СССР от 17 сентября 1987 г. № 1074 /6/, с. 18 - 19/ и от 2 декабря 1988 г. № 1405 /7/ были приняты важные дополнения и изменения к указанным нормативным актам.

Наряду с этими основополагающими актами различными ведомствами принят целый ряд конкретных нормативных актов, регулирующих также деятельность совместных предприятий.

В п.3 Постановления № 49 указывается, что целью создания совместных предприятий является более полное удовлетворения потребностей страны в определённых видах промышленной продукции, сырьевых и продовольственных товарах, привлечение в народное хозяйство СССР передовой зарубежной техники и технологии, управленческого опыта, дополнительных и финансовых ресурсов, развитие экспортной базы страны и сокращение нерационального импорта. Отсюда следует, что законодательствует предусматривает не просто создание совместных предприятий в СССР с привлечением иностранных капиталов, но нацеливает прежде всего на использование передовой зарубежной техники и технологии, управленческого опыта.

В Постановлении № 49 не указаны конкретные сферы народного хозяйства, в которых могут быть созданы совместные предприятия. В отличие от этого акта в п. 2 Постановления Совета Министров СССР от 13 января 1987 г. № 48 /8/ указано конкретно, что совместные предприятия создаются для осуществления производственной, научно-производственной, научно-технической и иной хозяйственной деятельности в области промышленности, науки, сельского хозяйства, строительства, торговли, транспорта и в других областях народного хозяйства. Как показывает практика, совместные предприятия наиболее часто создаются в машиностроении и социальном секторе, много их в химиколесотехническом комплексе, производстве и переработке сельскохозяйственной продукции, строительстве, металлургии, топливно-энергетической отрасли /9/, с. 21/. Таким образом при создании

совместных предприятий не ограничивается сфера их деятельности в какой-либо области народного хозяйства.

В Постановлении № 49 нет конкретного определения совместного предприятия. Но анализ норм данного нормативного акта позволяет сделать вывод, что совместные предприятия создаются для непосредственного осуществления хозяйственной деятельности и действуют на началах хозяйственного расчета. Распространение и в других странах получило понимание о совместных предприятиях как о единой форме международного экономического сотрудничества. Сущность этого сотрудничества основывается на объединении капиталов разных стран, совместном финансировании, управлении в целях достижения определенного экономического результата /10, с. 25/.

Постановление № 49 о совместных предприятиях предусматривает важнейшие правовые принципы организации указанной формы сотрудничества и функционирования в условиях нашей экономики. Они следующие: 1) разрешительный порядок создания совместных предприятий; 2) применение к таким предприятиям национального права; 3) преимущественно договорное, а не законодательное регулирование отношений между участниками совместного предприятия.

Решение по вопросам создания на территории СССР совместных предприятий с фирмами капиталистических и развивающихся стран принимаются самостоятельно государственными предприятиями, объединениями и организациями с согласия вышестоящего органа управления. Производственные кооперативы создают с участием зарубежных организаций и фирм совместные предприятия с согласия соответственно Совета Министров союзной республики, не имеющей областного деления, либо с согласия министерства, (ведомства), при предприятии (организации, учреждении) которого образован кооператив /7, п. 35/.

В п.1 Постановления № 49 отмечается, что совместные предприятия руководствуются в своей деятельности указанным постановлением, а также законодательством Союза ССР и союзных республик, к которому относятся нормы о юридических лицах (ст. 11 - 13 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик; ст. 25 - 42 ГК ЭССР); нормы советского законодательства, регулирующие пользование и распоряжение имуществом совместных предприятий и защиту этого имущества; нормы об охране промышленной собственности; нормы

трудового и социального законодательства и т.д.

Для дальнейшего развития Постановления № 49 различными ведомствами принят целый ряд актов, регулирующих некоторые вопросы деятельности совместных предприятий. К числу таких актов относятся: инструкция Министерства финансов СССР от 24 ноября 1987 г. № 224 о порядке регистрации совместных предприятий /11, с. 47/; инструктивное письмо Министерства финансов СССР и Центрального статистического управления СССР от 27 февраля 1987 г. о ведении учета и отчетности на совместных предприятиях /12, с. 47/, инструкция Министерства финансов СССР от 4 мая 1987 г. № 124 о налогообложении совместных предприятий /13, с. 48/, инструкция Ингосстраха от 5 июня 1987 г. о порядке страхования имущества совместных предприятий /14, с. 48/ и др.

В Постановлении № 49 большое значение придается договорному оформлению отношений между советскими и иностранными участниками.

Учредительные договоры при образовании совместных предприятий заключаются во всех странах мира и условия этих договоров весьма детально регламентированы акционерными законами. В них установлены обязательные положения, подлежащие внесению в учредительные договоры применительно к избранной сторонами правовой форме совместных предприятий. Вопросы о минимальном размере капитала, о способах его формирования, выпуска акций, о структуре органов управления, отчетности и многие другие урегулированы в таких законах императивными нормами. Мысль законодателя сводилась здесь к тому, чтобы в торговом обороте страны функционировали однотипные субъекты, правовой статус которых был бы единым, строго определенным /15, с. 124/.

В Постановлении № 49 нет конкретных положений о договоре, заключаемом участниками совместного предприятия. В п. 7 лишь перечисляются те основные пункты, которые должны содержаться в уставе совместного предприятия. Устав определяет предмет и цели деятельности предприятия, его местонахождение, состав участников, размер уставного фонда, размер долей участников, порядок формирования уставного фонда, структуру, состав и компетенцию органов управления предприятием, порядок принятия решений и круг вопросов, решение которых требует единогласия, а также порядок ликвидации совместного предприятия. Следует заметить, что перечисление вышеуказанных пунктов, которые должны быть включены в устав, далеко не

означает конкретного их регулирования. Следовательно, стороны обладают большой свободой при составлении учредительных документов, что, на наш взгляд, объясняется не намерением законодателя, а проблемами в Постановлении № 49. Впрочем, в литературе встречаются и противоположные мнения /16, с. 180/.

В Постановлении № 49 целесообразно уточнить момент вступления учредительного договора в силу и установить конкретные правовые последствия, которые наступают после его надлежащего подписания сторонами, но до регистрации совместных предприятий в Министерстве финансов СССР. Именно факт регистрации свидетельствует о приобретении конкретным совместным предприятием (создание которого определено его учредительным договором) прав юридического лица /п. 9 Постановления № 49/.

Инструкция Минфина СССР от 24 ноября 1987 г. о порядке регистрации совместных предприятий запрещает советским организациям заключать какие-либо сделки с совместными предприятиями до их регистрации, а банкам открывать им расчетные и текущие счета /11, п. 3/. Из этого положения можно сделать вывод, что и учредительный договор окончательно вступает в силу после регистрации совместного предприятия в Министерстве финансов СССР.

Совместные предприятия признаются юридическими лицами по советскому законодательству (п. 6 Постановления № 49). Это означает, что созданные на территории СССР совместные предприятия: во-первых, признаны юридическими лицами в СССР в соответствии с действующим в нашей стране законодательством; во-вторых, они являются национальными юридическими лицами; в-третьих, их личным статусом является советское законодательство, и, следовательно, они должны, если иное не установлено межгосударственными или межправительственными соглашениями, руководствоваться действующими в СССР нормами. Однако декларирование принадлежности совместных предприятий к советской правовой системе явно недостаточно для признания этих хозяйственных образований советскими юридическими лицами. В этом отношении законодатель как бы остановился на полпути, не решившись ввести совместные предприятия в систему советских юридических лиц.

Следует согласиться с С. Запольским в том, что, поскольку национальная принадлежность предприятий с участием иностранного элемента в международной коммерческой и юрисдикционной практике

является элементом правового статуса таких предприятий, признание совместных предприятий, создаваемых на территории СССР советскими юридическими лицами, не может вызывать никаких негативных последствий и является обоснованным /17, с. 28/.

Участниками совместных предприятий согласно п. 4 Постановления № 49 могут быть одно или несколько советских предприятий (объединений или других организаций), являющихся юридическими лицами, и одна или несколько иностранных фирм (компаний, корпораций и др.), являющихся юридическими лицами. Доли советских и иностранных участников в уставном фонде совместного предприятия определяются по договоренности между ними /7, п. 31/.

Исходя из этого, участие иностранной фирмы в совместном предприятии, помимо количественной характеристики её доли в уставном фонде, может выражаться в различных юридических качествах, включая несколько видов товариществ или партнерств, корпорации, акционерные общества.

Но поскольку в советском законодательстве нет норм о правовых формах, в которых могли бы создаваться совместные предприятия, то такая форма совместной деятельности рассматривается как второстепенная, продиктованная ограниченной целью /17, с. 29/. Отсюда вытекает предложение о законодательной регламентации видовой классификации совместных предприятий.

Отсутствие норм о правовых формах совместных предприятий следует считать наиболее существенным пробелом в законодательстве, поскольку именно эти детально разработанные нормы помогают участникам не только правильно составить учредительные документы, но и облегчить и ускорить весь процесс создания совместных предприятий. Еще более важно то обстоятельство, что именно эти нормы обеспечивают весьма эффективный контроль за учреждением и деятельностью совместных предприятий. В литературе встречается даже предложение о разработке единого акта о смешанных, совместных, акционерных организациях универсального действия /10, с. 30; 17, с. 30/.

Моделью для разработки предлагаемого законодательного акта может послужить Положение об акционерных обществах, утвержденное ВЦПК и СНК СССР от 17 августа 1927 г. /18/ и действовавшее вплоть до его отмены в 1962 г. с принятием Основ гражданского законодательства. С принятием акта об акционерных обществах удалось бы уменьшить не оправдывающую сейчас себя излишнюю долю диспозитивности сторон по узловым вопросам создания и

деятельности совместного предприятия.

Принципиально важным вопросом правового статуса совместного предприятия является вопрос о юридической природе прав совместного предприятия на имущество, находящееся в его ведении. Известно, что в отношении имущества советских кооперативных и общественных организаций применяется режим права собственности, в отношении имущества государственных предприятий, объединений, организаций - режим права оперативного управления. В отношении имущества совместной хозяйственной организации СЭВ вопрос режима права собственности законодателем решен. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1983 г. /19, п. 2/ рассматривает имущество совместных хозяйственных организаций как общую социалистическую собственность СССР и соответствующих стран-членов СЭВ, которое состоит в оперативном управлении совместных организаций. В Постановлении № 48 имеются положения о признании имущества совместного предприятия общей социалистической собственностью СССР и соответствующей страны-члена СЭВ /8, п. 25/. Однако вопрос о правовой природе имущественных прав совместного предприятия, создаваемого с участием фирм капиталистических стран, законодателем оставлен открытым. В п. 15 Постановления № 49 говорится, что совместное предприятие осуществляет согласно советскому законодательству владение, пользование и распоряжение своим имуществом в соответствии с целями своей деятельности и назначением имущества. Используемая здесь формула о владении, пользовании и распоряжении широко применяется советским гражданским правом прежде всего для закрепления независимости соответствующего субъекта гражданского права от других участников гражданского оборота в вопросах обращения с его вещами. Закрепление независимости совместного предприятия в вопросах обращения со своим имуществом путем использования традиционной для советского права формулировки создает для него прочную правовую базу. Тем не менее в дальнейшем необходима научная разработка юридической природы права совместного предприятия на имущество.

По нашему мнению, следует согласиться с теми авторами, которые считают, что имущество совместных предприятий, за исключением объектов исключительной собственности государства (земля, леса, недра, воды), должно находиться у них на правах собственности /20, с. 39; 21, с. 77; 22, с. 140/.

Опираясь на анализ действующего законодательства, можно сделать вывод, что специальное

регламентирование совместных предприятий в целом на сегодняшний день весьма краткое. В законодательном порядке затронуты далеко не все возникающие в практике вопросы. На наш взгляд, в первую очередь должны быть выработаны нормы (желательно на уровне Совета Министров СССР), которые детально и последовательно определили бы именно процесс создания и полного определения правового статуса совместных предприятий. Такое мнение обосновывается и в юридической литературе /10, с. 31; 15, с. 125/.

Положительным сдвигом на этом пути является положение Постановления Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 г. № 1405 о необходимости разрабатывать в течение 1988 - 1990 годов законодательство по акционерным обществам, о правилах конкуренции, о защите интересов потребителя и по многим другим вопросам внешнеэкономической деятельности.

Использованные материалы

1. Дремов Ю. Д. Создание совместных предприятий: состояние, проблемы и перспективы // Правовое положение совместных предприятий на территории СССР / Под ред. Богуславского М. М., Рубанова А. А., Славина М. М. - М., 1988.
2. О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1986 г. № 991 // СП СССР. - 1986. - № 33. - Ст. 172.
3. О мерах по совершенствованию управления экономическим и научно-техническим сотрудничеством с социалистическими странами: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1986 г. № 992 // СП СССР. - 1986. - № 33. - Ст. 172.
4. О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1987 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1987. - № 2. - Ст. 35.

5. О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран: Постановление Совета Министров СССР от 13 января 1987 г. № 49 // СП СССР. - 1987. - № 9. - Ст. 40.
6. О дополнительных мерах по совершенствованию внешнеэкономической деятельности в новых условиях хозяйствования: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 сентября 1987 г. № 1074 // Экономическая газета. - 1987. - № 41.
7. О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций: Постановление Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 г. № 1405 // СП СССР. - 1989. - № 2. - Ст. 7.
8. О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций СССР и других стран-членов СЭВ: Постановление Совета Министров СССР от 13 января 1987 г. № 48 // СП СССР. - 1987. - № 8. - Ст. 38.
9. Рачков Б. В добрый путь, СП! // Экономическая газета. - 1989. - № 14.
10. Вознесенская Н.Н. Правовой статус совместных предприятий, создаваемых на территории СССР с участием фирм капиталистических стран // Правовое положение совместных предприятий на территории СССР / Под ред. Богуславского М.М., Рубанова А.А., Славина М.М. - М., 1988.
11. О порядке регистрации совместных предприятий, международных объединений и организаций, создаваемых на территории СССР с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления: Инструкция Министерства финансов СССР от 24 ноября 1987 г. № 224 // Внешняя торговля. - 1988. - № 1.
12. О ведении учета и отчетности на совместных предприятиях, в международных объединениях и организациях, создаваемых на территории СССР: Инструктивное письмо Министерства финансов СССР и ЦСУ СССР от 27 февраля 1987 г. № 53/13-09 // Внешняя торговля. - 1988. - № 1.
13. О налогообложении совместных предприятий: Инструкция Министерства финансов СССР от 4 мая 1987 г. № 124 // Внешняя торговля. - 1988. - № 1.

14. О порядке страхования имущества и интересов совместных предприятий: Инструкция Ингосстраха от 5 июня 1987 г. // Внешняя торговля - 1988. - № 1.
15. Вознесенская Н.Н. Совместные предприятия с участием фирм капиталистических и развивающихся стран на территории СССР // Сов. гос-во и право. - 1988. - № 1.
16. Новый механизм внешнеэкономической деятельности и международного сотрудничества: Пособие для практических работников министерств, ведомств, организаций, предприятий, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность / Под ред. Иванова И.Д. - М.: Международные отношения, 1988.
17. Запольский С. Совместные предприятия: правовые проблемы становления // Соц. законность. - 1988. - № 8.
18. Положение об акционерных обществах: Постановление ВЦИК и СНК от 17 августа 1927 г. // СЗ СССР. - 1927. - № 49. - Ст. 499.
19. О порядке осуществления деятельности на территории СССР совместных организаций СССР и других стран - членов СЭВ: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1983 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1983. - № 22. - Ст. 330.
20. Мозолин В.П. Совместное предприятие в системе советского права // Правовое положение совместных предприятий на территории СССР / Под ред. Богуславского М.М., Рубанова А.А., Славина М.М. - М., 1988.
21. Рубанов А.А. Правовые формы участия совместных предприятий в хозяйственном обороте // Правовое положение совместных предприятий на территориях СССР / Под ред. Богуславского М.М., Рубанова А.А., Славина М.М. - М., 1988.
22. Клишин А.А. Правовые аспекты создания и деятельности совместных предприятий в СССР и США // Сов. гос-во и право. - 1988. - № 3.

О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ
(В АСПЕКТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭСТОНСКОЙ ССР)¹

П. П. Касък

Глубокоуважаемые председатель и члены учёного совета!

Прежде всего разрешите поблагодарить руководство института за приглашение для выступления с докладом перед Вами. Это для меня большая честь и ответственность.

Тема выступления была первоначально определена мною слишком обширно - о спорных вопросах теории права собственности. В рамках одного доклада рассмотреть все спорные вопросы права собственности невозможно. Поэтому я ограничил тему такими вопросами права собственности, которые связаны с законодательной деятельностью в Эстонской ССР в течение последнего времени. Думаю, что такой вариант позволяет рассматривать достаточно широкий круг теоретических вопросов права собственности и одновременно представляет для Вас больший интерес, чем абстрактное обсуждение соответствующих вопросов. Постараюсь информировать Вас о том, какие точки зрения и почему взяты за основу в Эстонии при решении отдельных теоретических вопросов права собственности. Обсуждение по этим вопросам будет полезным и для меня и для моих коллег, которым я передам мысли, высказанные здесь Вами в ходе обсуждения.

Имеется еще один практический аспект сегодняшнего обсуждения: через два дня, т.е. в четверг, состоится очередной съезд Верховного Совета Эстонской ССР, где между прочим на повестке дня стоит и принятие закона об основах хозяйственного расчёта ЭССР, выписка из проекта которого (II часть. Собственность) была приложена к тезисам моего доклада. Это значит, что критические замечания и предложения, услышанные здесь, можно будет передать депутатам для обсуждения на съезде.

¹ Доклад, представленный на расширенном заседании учёного совета ВНИИСЗ 15 мая 1989 года.

Итак, посмотрим, какие теоретические вопросы собственности и права собственности затрагивают изменения и дополнения в Конституции ЭССР от 16 ноября 1988 года.

Во-первых, вопрос о том, какие отношения собственности составляют основу экономической системы ЭССР. В прежней редакции ст. 10 Конституции ЭССР и в соответствующих действующих статьях Конституции СССР и других союзных республик зафиксировано, что "основу экономической системы СССР и союзных республик составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной и колхозно-кооперативной собственности)". Отсюда неизбежно возникает вопрос, почему оставлены в стороне отношения собственности общественных организаций на средства производства, почему эти отношения собственности не рассматриваются в качестве составной части основы нашей экономической системы. Нельзя сказать, что в собственности общественных организаций нет средств производства. Правда, их удельный вес среди других материальных ценностей невелик, но они существуют. Например, в системе союза художников, Общества глухих, Общества слепых как в общественных организациях занимаются между прочим и производственной деятельностью. Следовательно, там есть и средства производства и существуют отношения собственности на средства производства.

Естественно, что основу экономической системы социалистического государства составляют все отношения социалистической собственности на средства производства. Кстати, так это было сформулировано в проекте действующей Конституции СССР. Почему-то при принятии Конституции изменили текст ст. 10 в этой части. Теперь пора ликвидировать этот недостаток.

Что касается того, что в новой редакции в ст. 10 Конституции ЭССР включены в основу экономической системы, кроме отношений собственности общественных организаций, также отношения собственности общественных движений, то это следует признать неправильным, ибо общественные движения производственной деятельностью не занимаются и средств производства не имеют, а следовательно, отсутствуют и отношения собственности на средства производства с их участием.

Во-вторых, в новой редакции ст. 10 Конституции ЭССР представляет интерес формулировка: "В экономическую систему Эстонской ССР входят также личная, частная и смешанная собственность".

Признание существования частной собственности в экономической системе Эстонии не означает ликвидации главного завоевания социалистической революции, как это иногда толкуется. По существу, тут дело состоит в том, что понятие частной собственности определяется по-разному. По одному пониманию, отношения частной собственности возникают и существуют в связи с тем, что средства производства принадлежат отдельным гражданам. Принадлежность средств производства гражданам — это неотделимый признак частной собственности во всех общественных формациях от первобытно-общинного общества до социалистического. Частная собственность имеет две формы: первая основывается на личном труде собственника средств производства, другая основывается на использовании собственником средств производства чужого труда. Исходя из такой точки зрения, следует признать, что в нашем обществе, в том числе в ЭССР, существуют отношения частной собственности в случаях, когда граждане, в соответствии с законом об индивидуальной трудовой деятельности, занимаются товарным производством или оказанием платных услуг.

Нам известна и другая точка зрения, по которой отношения собственности на средства производства, которые необходимы гражданам для индивидуальной трудовой деятельности, признаются отношениями личной собственности (одним подвидом личной собственности). С такой точкой зрения нельзя согласиться. По нашему мнению, отношения личной собственности возникают и существуют в связи с тем, что гражданам принадлежат предметы потребления и мелкие средства производства, которые используются для удовлетворения их личных нужд потребления. Тракторы, грузовики, иной сельскохозяйственный инвентарь, продуктивный скот, которые используются в процессе индивидуальной трудовой деятельности, не соответствуют признакам объектов личной собственности (мелким средствам производства). Иной и характер их использования — не удовлетворение личных нужд, а товарное производство. По этим признакам тут налицо частная собственность, которая по существу не отличается от частной собственности в капиталистических странах, если она основывается на личном труде собственника средств производства. Возражая против этого вывода, ссылаются обычно на то, что у нас земля принадлежит государству и что у нас исключена возможность эксплуатации человека человеком в процессе индивидуального производства. А если в капиталистическом обществе

собственник средств производства работает арендатором на чужой земле? Является ли он тоже личным собственником? И с другой стороны - у нас тоже предусмотрена возможность в индивидуальной трудовой деятельности в сельском хозяйстве использовать чужую рабочую силу. Все это говорит в пользу того, что при оценке характера отношений собственности следует исходить из конкретных обстоятельств, а не механически из принципа, что в нашем обществе существует личная собственность граждан, а в капиталистических странах - частная собственность.

Кроме сказанного, основанием включения частной собственности в Конституцию ЭССР служит то обстоятельство, что в народном хозяйстве республики планируется использование капиталовложений зарубежных фирм и граждан. Тут опять налицо отношения частной собственности.

Новый термин "смешанная собственность" в новой редакции ст. Конституции ЭССР по существу новой формы собственности не обозначает. Этот термин использован в смысле общей собственности с участием разных видов и форм собственности, в том числе с участием личной и частной собственности.

В новой редакции части 2 ст. II Конституции ЭССР разрешен вопрос субъекта исключительной собственности государства. Как известно, в Конституции СССР, в конституциях других союзных республик, как и в прежней редакции Конституции Эстонской ССР, прямо не сказано, какое государство является субъектом исключительной собственности государства - СССР, или союзные республики, или все они одновременно. Неясным остается в этих документах также то, какому государству принадлежат другие средства производства и иное имущество, необходимое для осуществления задач государства.

Теперь часть 2 ст. II Конституции ЭССР гласит: "В исключительной собственности Эстонской ССР находятся земля, ее недра, атмосферный воздух, внутренние и территориальные воды, шельф, леса и другие природные ресурсы". К собственности Эстонской ССР относятся также другие основные средства производства и прочее имущество, необходимое для выполнения задач Эстонской ССР.

Какие доводы являются основанием новой редакции части 2 ст. II Конституции ЭССР? Во-первых, Эстонская ССР, как и другие союзные республики, является на основании Конституции СССР (ст. 76) и Конституции ЭССР (ст. 68) суверенным государством. Без своей собственности и состояния собст-

венника нет суверенитета государства. В ст. 69 Конституции СССР зафиксировано, что ЭССР сохраняет за собой право свободного выхода из СССР. Без своей собственности, особенно без права собственности на землю, это конституционное право союзной республики фактически не обеспечено. Если бы земля в Эстонии принадлежала и другим союзным республикам, то не могло бы быть и речи о свободном, т.е. о независимом от других союзных республик выходе из СССР.

Далее, когда Эстонская Социалистическая Республика была принята в августе 1940 года в Советской Союз, она не отказалась от права собственности на землю и на другие природные ресурсы и прочее имущество и не сделала этого и позже. Значит, Эстонская ССР продолжает быть собственником на указанное имущество.

Если все союзные республики решают право государственной собственности аналогично Эстонской ССР, это не означает, что СССР остается без собственности. Каждое суверенное государство должно быть субъектом отношений собственности. Это действует и в отношении Союза ССР. В собственности СССР может быть всякое имущество, кроме объектов исключительной собственности союзных республик, прежде всего имущественные объекты всесоюзного значения, как, например, имущество Министерства обороны, Министерства иностранных дел и других всесоюзных ведомств.

Конечно, тут много спорного. Между прочим, меня интересует Ваше мнение о том, можно ли атмосферный воздух (или воздушное пространство) рассматривать в качестве объекта отношений собственности и права собственности.

Это вопрос интересный, но все-таки второстепенный. Главное состоит в ином, а именно: являются ли эти изменения в Конституции Эстонской ССР от 16 ноября 1988 года в настоящее время действительными? Как известно, Президиум Верховного Совета СССР своим указом от 26 ноября 1988 года признал рассматриваемые и некоторые другие изменения в Конституции Эстонской ССР недействительными. Но при этом Президиум Верховного Совета СССР превысил свои полномочия. По регламенту Верховного Совета СССР (ст. 64) Президиум Верховного Совета СССР не вправе признавать недействительными законы, принятые Верховным Советом союзной республики хотя эти законы противоречат Конституции Союза ССР. Возникло своеобразное положение: в Эстонии делается вид, якобы эти конституционные изменения действительные, а в Москве — что они

недействительные.

С этим вопросом связана и судьба новой редакции ст. 74 Конституции Эстонской ССР, в которой устанавливается верховенство законодательства Эстонской ССР над законодательством Союза ССР. Эта статья сформулирована следующим образом: "Законы и иные нормативные акты СССР вступают в силу на территории Эстонской ССР после их регистрации в порядке, установленном Президиумом Верховного Совета Эстонской ССР.

Верховный Совет Эстонской ССР имеет право приостанавливать или устанавливать пределы применения законодательного или иного нормативного акта СССР, если этим актом нарушен суверенитет Эстонской ССР или урегулированы вопросы, которые по Конституции Эстонской ССР относятся к ведению Эстонской ССР, либо если в них не учтена специфика республики".

Одновременно с указанными изменениями и дополнениями в Конституции Верховный Совет Эстонской ССР в тот же день, 16 ноября, принял декларацию "О суверенитете Эстонской ССР". В этом документе Верховный Совет Эстонской ССР также декларирует верховенство законов Эстонской ССР на территории Эстонской ССР.

Противоречие между новой редакцией ст. 74 Конституции Эстонской ССР и декларацией Верховного Совета Эстонской ССР, с одной стороны, и Конституцией Союза ССР, с другой стороны, очевидно. В ст. 74 Конституции СССР прямо сказано, что в случае расхождения закона союзной республики с общим законом действует закон СССР.

Из декларации Верховного Совета ЭССР видно, что основанием признания верховенства законодательства Эстонской ССР служил конституционный принцип суверенитета союзной республики. Действительно, каждое суверенное государство, в том числе и союзная республика, должно иметь самостоятельное законодательство. Без этого нет суверенитета. В этом аспекте верховенство законодательства Союза ССР над республиканскими, принцип которого зафиксирован в ст. 74 Конституции Союза ССР, нарушает суверенитет союзных республик. Но, с другой стороны, верховенство законодательства союзных республик на своей территории нарушает суверенитет Союза ССР.

Думается, что обеспечение суверенитета как Союза ССР, так и союзных республик невозможно путем конфронтации союзного и республиканского законодательства. Решение этого вопроса состоит в точном определении компетенции Союза ССР и союз-

ных республик по принципу, что верховенство союзного законодательства действует в своей сфере деятельности, а верховенство законодательства союзных республик - в своей. Практически это достигается путем заключения Союзного договора между всеми союзными республиками и Союзом ССР. Верховный Совет ЭССР 16 ноября прошлого года обратился с предложением в Президиум Верховного Совета СССР разработать Союзный договор, но до сих пор официального ответа не получил.

Теперь рассмотрим некоторые теоретические вопросы собственности на основе проекта Закона Эстонской ССР "Основы хозяйственного расчета Эстонской ССР". Следует сразу сказать, что этот проект составлен на низком теоретическом уровне. Это является следствием того, что составили этот проект в порядке кампании экономисты, философы и некоторые юристы, которые до этого вопросами собственности не занимались. Их компетентность видна уже из части второй первой статьи под названием "Собственность". Там написано: "Собственность Эстонской ССР выступает в следующих формах: государственная собственность Эстонской ССР, собственность кооперативных и общественных организаций и общественных движений, а также собственность отдельных лиц". То, что собственность Эстонской ССР выступает в форме государственной собственности Эстонской ССР бессмыслица, нонсенс. Неправильно и то, что собственность кооперативных и общественных организаций и общественных движений, а также собственность отдельных лиц являются формами собственности Эстонской ССР. Отсюда легко сделать ошибочный вывод, якобы имущество всех названных субъектов принадлежит государству.

В последнее время вообще принято говорить о формах собственности, не различая виды и формы собственности. Поэтому юридическим факультетом Тартуского университета предложена следующая формулировка этой статьи: "В экономической системе Эстонской ССР существуют следующие виды отношений собственности: общественная (социалистическая) собственность, личная собственность и частная собственность. Формами общественной (социалистической) собственности выступают государственная собственность, кооперативная собственность и собственность общественных организаций и движений. Личная собственность и частная собственность выступают в формах коллективной (общей) и индивидуальной собственности".

При такой формулировке представлены все виды

и формы собственности и указаны структурные соотношения между ними. Здесь нет надобности маскировать личную собственность и частную собственность под названием собственности отдельного лица, как это делается в опубликованном проекте. Термин "собственность отдельного лица" неудачен, ибо это не охватывает коллективные формы личной и частной собственности, которые являются преобладающими в практической жизни. Кроме того, термин "собственность отдельного лица" более подходит для обозначения имущества как объекта отношений личной и частной собственности, чем для обозначения самих отношений личной и частной собственности.

Тут уместно остановиться и на термине "мелкая частная собственность", который употреблен в проекте закона. Мелкая частная собственность предполагает наличие мелких средств производства. Но какие средства производства являются мелкими? Являются ли такими грузовик и трактор, которые могут теперь принадлежать гражданам? Этот вопрос связан и с объектами отношений личной собственности. Кажется, что термин "мелкое средство производства для обозначения таких объектов неудачен, и также неудачен термин "мелкая частная собственность". Правильнее было бы сказать просто "частная собственность", а если нужно точнее, то "частная собственность в размере, допускаемом законом".

Больше внимания в проекте закона требует решение вопроса о субъектах отношений государственной собственности. Такими субъектами, т.е. собственниками государственного имущества, считаются в проекте: СССР, союзные республики, в том числе Эстонская ССР (в ст. 12), местные органы власти, которым должна принадлежать муниципальная собственность (в ст. 15), и народные предприятия на основе делегированных прав собственности (в ст. 16). По проекту получается так, что у конкретного имущества может быть одновременно четыре собственника, т.е. все указанные тут субъекты.

Более правильным кажется точка зрения, в соответствии с которой субъектами государственной собственности могут выступать только суверенные государства, т.е. СССР и союзные республики, при том каждое из них является собственником своего имущества.

Если признать народные предприятия и местные органы власти субъектами государственной собственности, т.е. собственниками государственного имущества, а государство остается тоже собственником в отношении этого имущества, то правовой

режим этих низших собственников по существу не отличается от правового режима нынешних оперативных управителей. Только название другое.

Если имеется серьёзное намерение организовать народные предприятия в качестве субъектов отношений собственности, то следует передать имущество в их полную собственность со всеми правами собственника. Это означало бы, что эти народные предприятия перестанут быть государственными организациями и на базе их сформируется новая форма общественной (социалистической) собственности.

Наконец еще два замечания в связи с проектом рассматриваемого закона. В нем (ст.16) говорится о делегировании прав собственника. Думается, что это юридически некорректное выражение. Передача права собственности (т.е. права собственника) происходит в форме платного или бесплатного отчуждения. Это не делегирование. Делегировать можно осуществление права собственности, если собственник временно передаёт другому лицу (например арендатору, хранителю) осуществление правомочия владения, использования или распоряжения.

Неправильно сказано в проекте (ст. 13), что отношения собственности регулируются кроме законодательства и договорами. При помощи договоров (в значении обязательств) регулируются в нашем обществе меновые отношения, которые являются предметом регулирования обязательственного права, а не отношения собственности. Свои замечания к проекту юридический факультет Тартуского университета отправил правительству республики, которое подготовит окончательный вариант проекта для съезда Верховного Совета Эстонской ССР. Будут ли эти замечания учтены скоро станет известно.

Такие проблемы права являются актуальными в Эстонии в настоящее время.

Приложение к докладу

ВЫПИСКА

из Закона Эстонской ССР от 16 ноября 1988 г. "О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР" (см. Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР 1988 № 48, ст. 684).

.....

Статья 3. Изменить части 1, 2 и 3 статьи 10 Конституции Эстонской ССР и сформулировать следующим образом:

"Основу экономической системы Эстонской ССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной, кооперативной собственности, а также собственности общественных организаций и общественных движений.

В экономическую систему Эстонской ССР входят также личная, частная и смешанная собственность.

Государство защищает все формы собственности и создает условия для приумножения соответствующего этим формам имущества"

Статья 4. Изменить часть 2 статьи II Конституции Эстонской ССР и сформулировать ее следующим образом:

"В исключительной собственности Эстонской ССР находятся земля, ее недра, атмосферный воздух, внутренние и территориальные воды, шельф, леса и другие природные ресурсы. Собственностью Эстонской ССР являются также основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, государственные банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий и основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для выполнения задач Эстонской ССР".

Статья 5. Изменить статью 74 Конституции Эстонской ССР и сформулировать ее следующим образом:

"Законы и иные нормативные акты СССР вступают в силу на территории Эстонской ССР после их регистрации в порядке, установленном Президиумом Верховного Совета Эстонской ССР.

Верховный Совет Эстонской ССР имеет право приостанавливать или устанавливать пределы приме-

нения законодательного или иного нормативного акта СССР, если этим актом нарушен суверенитет Эстонской ССР или урегулированы вопросы, которые по Конституции Эстонской ССР относятся к ведению Эстонской ССР, либо если в них не учтена специфика республики“.

ВЫПИСКА

из проекта Закона Эстонской ССР “Основы хозяйственного расчета Эстонской ССР” (см. “Советская Эстония” № 80 от 5 апреля 1989 г.).

.....

II часть. Собственность

Статья 12. Формы собственности в Эстонской ССР
Собственность Эстонской ССР выступает в следующих формах: государственная собственность Эстонской ССР, собственность кооперативных и общественных организаций и общественных движений, а также собственность отдельных лиц. В пределах, установленных законодательством Эстонской ССР, в Эстонской ССР разрешена также собственность как Союза ССР, других союзных республик, зарубежных государств, так и их юридических лиц и граждан. В Эстонской ССР разрешены различные смешанные формы собственности.

Основные средства производства находятся в общественной собственности. В пределах, установленных законом, разрешена мелкая частная собственность.

Статья 13. Регулирование отношений собственности в Эстонской ССР

Отношения собственности в Эстонской ССР регулируются законодательством Эстонской ССР и договорами.

Исходя из равноправия всех форм собственности в Эстонской ССР, государство создает условия для приумножения находящегося во всех формах собственности имущества в интересах всего общества и отдельных лиц.

Статья 14. Государственная собственность Эстонской ССР

В исключительной собственности Эстонской ССР находятся земля, недра, воздушное пространство над территорией республики, внутренние и террито-

риальные воды, материковый шельф, леса и другие природные богатства.

Право владения, пользования и распоряжения ресурсами экономической зоны Балтийского моря, прилегающей к территории Эстонской ССР, в признанных международным правом пределах, принадлежит Эстонской ССР.

К собственности Эстонской ССР (в том числе к муниципальной собственности) относятся основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, транспорте и связи, государственные банки, имущество государственных торговых, коммунальных и других предприятий, а также государственный жилищный фонд и прочее имущество, необходимое для обеспечения социального и экономического развития Эстонской ССР.

Статья 15. Муниципальная собственность

Собственность Эстонской ССР может выступать как муниципальная собственность. В муниципальной собственности находится имущество, которым владеют, пользуются и распоряжаются местные органы власти.

Правовой режим имущества, находящегося в муниципальной собственности, устанавливают местные органы власти в соответствии с законами Эстонской ССР.

Передача объектов в муниципальную собственность, их изъятие или перераспределение вышестоящими органами государственной власти и государственного управления без согласия местного органа власти запрещается.

Статья 16. Государственные предприятия Эстонской ССР

Государственные предприятия, основывающиеся на собственности Эстонской ССР, в том числе и муниципальной собственности, владеют, пользуются и распоряжаются принадлежащим им имуществом либо на основании права оперативного управления (государственные предприятия), либо на основе делегированных прав собственности (народные предприятия).

Делегирование (передача) прав собственности Эстонской ССР народному предприятию осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством Эстонской ССР.

Статья 17. Собственность кооперативных организаций, общественных организаций и общественных движений

Кооперативные организации и их объединения, общественные организации и общественные движения

владеют, пользуются и распоряжаются принадлежащим им по праву собственности имуществом согласно своему зарегистрированному уставу.

Статья 18. Собственность отдельного лица

Собственность отдельного лица выступает в Эстонской ССР в виде личной или мелкой частной собственности.

Личная собственность составляет основу удовлетворения личных потребностей. Мелкая частная собственность образует экономическую основу товарного производства, осуществляемого отдельным лицом.

Собственность отдельных лиц может отчуждаться и передаваться по наследству.

Статья 19. Собственность, находящаяся за пределами Эстонской ССР

Условия владения, пользования и распоряжения имуществом, являющимся государственной собственностью Эстонской ССР, собственностью кооперативных и общественных движений, а также собственностью граждан Эстонской ССР, но находящимся в других республиках СССР и зарубежных странах, устанавливаются законодательством государства, на территории которого находится имущество, и соответствующими договорами.

Эстонская ССР оказывает помощь в защите собственности, указанной в первой части данной статьи.

Статья 20. Частная собственность зарубежных государств в Эстонской ССР

В пределах, установленных законодательством Эстонской ССР, допускается наличие частной собственности, частично или полностью принадлежащей юридическим лицам или гражданам зарубежных стран.

Сведения об авторах

- Варул Паул Аугустович - кандидат юридических наук, доцент гражданского права и процесса Тартуского университета
- Зенин Иван Александрович - доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского университета
- Калмыков Юрий Хамзанович - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Саратовского университета
- Каськ Пезтер Паулович - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Тартуского университета
- Кулл Ирене Юрьевна - ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса Тартуского университета
- Линдмяэ Ану Хербертовна - младший научный сотрудник лаборатории правовых проблем международных связей
- Пизуке Хейки Альфредович - кандидат юридических наук, доцент гражданского права и процесса Тартуского университета
- Плоом Эндель Леонхардович - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Тартуского университета
- Сепп Херберт Васильевич - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Тартуского университета
- Сийбак Андрус Арневич - научный сотрудник лаборатории правовых проблем внешних связей Тартуского университета
- Сунцов Владимир Васильевич - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Харьковского юридического института
- Чигир Василий Федорович - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Белорусского университета, заслуженный юрист БССР
- Шерстобитов Андрей Евгеньевич - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского университета

Содержание

1. Э.Л. Плоом. Некоторые проблемы развития гражданского права в условиях перестройки.....	3
2. В.Ф. Чигир. Право государственной социалистической собственности, право оперативного управления и аренда в условиях радикальной экономической реформы.....	13
3. В.В. Сунцов. Новации и проблемы правового регулирования отношений кооперативной собственности.....	26
4. А.Е. Шерстобитов. Проблемы охраны прав граждан-потребителей в области планирования производства и реализации товаров и услуг.....	48
5. И.А. Зенин. Взаимосвязь абсолютных и относительных прав в сфере научно-технического прогресса.....	61
6. Х.А. Пизуке. О совершенствовании законодательства об имущественных правах автора.....	69
7. Ю.Х. Калмыков. Экология и гражданское право.....	71
8. Х.В. Сепп. Проблемы правового регулирования пользования жилыми помещениями..	84
9. П.А. Варул. Проблемы правового регулирования возраста имущества и возмещения вреда лицам, пострадавшим от массовой репрессий.....	93
10. И.Ю. Кулл. Концепция культуры в качестве исходного положения исследования правовых вопросов.....	107
11. А.Х. Линдмяэ. Некоторые вопросы создания совместных предприятий на территории СССР.....	117
12. А.А. Сийбак. Некоторые вопросы правового статуса совместных предприятий, создаваемых на территории СССР с участием фирм капиталистических стран.....	125
13. П.П. Касък. О спорных вопросах теории права собственности (доклад).....	135

Ученые записки Тартуского университета.
Выпуск 888.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ.
Труды по правоведению.
На русском языке.
Тартуский университет,
ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Вилкооли, 18.
Ответственный редактор Э. Пюсом.
Корректор Л. Онопренко, Н. Староженко.
Подписано к печати 26.02.1990.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Литоисполн. Ротапринт.
Учтно-издательских листов В.57,
Печатных листов 9,5.
Тираж 295.
Заказ № 124.
Цена 1 руб. 70 коп.
Типография ТУ, ЭССР, 202400, г. Тарту, ул. Тийги 78.